



Иэн и Ория Дуглас-Гамильтон

ЖИЗНЬ СРЕДИ СЛОНОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ



Иэн и Ория Дуглас-Гамильтон

ЖИЗНЬ СРЕДИ СЛОНОВ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

591.5

Д80

Iain and Oria Douglas-Hamilton
Among the Elephants
London, 1976

Редакционная коллегия

Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА,
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
Н. А. СИМОНИЯ

Перевод с английского
А. М. ГРИГОРЬЕВА

Ответственный редактор
и автор послесловия
Н. Н. ДРОЗДОВ

Дуглас-Гамильтон И. и О.

Д80 Жизнь среди слонов. Пер. с англ. Послел.
Н. Н. Дроздова. М., Главная редакция восточной
литературы издательства «Наука», 1981.

288 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Авторы — молодой биолог и его жена — прожили пять лет в Танзании, изучая жизнь слонов в национальном парке Маньяра. Целью их работы было выявление особенностей поведения животных под влиянием «человеческого» фактора.

Книга заставляет пересмотреть многие воззрения на этологию слонов. Она дает развернутую картину природы Танзании, рисует разнообразные портреты африканцев — энтузиастов изучения фауны своей страны. Есть в книге и приключения, и переживания, и радости открытий.

Д $\frac{21008-140}{013(02)-81}$ 139-81. 2005000000

591.5

© Collins Publishers, London, 1976.

© Перевод, послесловие: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

Часть первая

ИЭН ДУГЛАС-ГАМИЛЬТОН

Глава I

ПРЕЛЮДИЯ К СЕРЕНГЕТИ

Все началось в 1963 году в Аруше. Я стоял перед зданием Управления национальных парков Танзании и ждал его директора Джона Оуэна.

Вскоре он появился. Это был человек могучего телосложения, с седеющими волосами и серо-голубыми глазами, одетый в зеленые вельветовые шорты, зеленый пуловер и зеленые же шерстяные гетры.

— Дуглас-Гамильтон? — осведомился он. — Прошу ко мне в кабинет.

Я приехал в Африку на летние каникулы из Оксфорда, где изучал в университете зоологию. Оуэн предложил мне поработать ассистентом научного сотрудника в недавно утвержденной программе изучения равнин Серенгети — района, где сконцентрировано наибольшее количество диких животных Африки.

Сколько я помню себя, мне всегда хотелось работать с африканскими животными. Начитавшись в детстве разных историй, я мечтал о необозримых просторах малоисследованных земель, о приключениях с дикими зверями и о леденящих кровь опасностях. Я бредил суровыми людьми, которые пробивают себе путь сквозь хитросплетения джунглей.

В кабинете Оуэн показал мне карты пяти крупнейших национальных парков: Серенгети, Маньяры, Аруши, Нгурдото и Микуми. Они покрывали в общей сложности площадь 25 600 квадратных километров. Парками управлял административный совет, недавно утвердивший Джона Оуэна в должности директора.

Джон Оуэн понимал, что выработать единую линию управления парками и сохранения дикой природы невозможно без проведения широких экологических исследований. С огромным энтузиазмом и настойчивостью он разработал программу исследований, которая впоследствии переросла в Научно-исследовательский институт Серенгети. Финансирование работ осуществлялось иностранными фондами.

На всей территории Танзании за пределами национальных парков делами дикой природы ведал Охотничий департамент; он занимался борьбой с браконьерством и охраной посевов, а также отстрелом животных, опасных для человека. Молодое танзанийское государство осознавало ценность своих природных ресурсов и планировало создание новых парков. За десять лет независимости в стране для сохранения флоры и фауны сделано значительно больше, чем за предыдущие полвека.

— Вы будете ассистентом Мюррея Уотсона, — сказал Джон Оуэн. — Он изучает антилоп гну. Жизнь у вас будет суровой, но зато скучать вам не придется.

На зеленом грузовике, заехавшем за мной утром, красовалась эмблема танзанийских национальных парков — импала в прыжке над колючим деревцем. Водитель приветствовал меня широкой улыбкой. С радостью я узнал, что он немного говорит по-английски. На первых 120 километрах пути по равнине встречались лишь масайские стада. Когда мы добрались до деревни Мтова-Мбу, расположенной у северной границы национального парка Маньяра, мы остановились купить свежих бананов. Водитель объяснил мне, что в парке много слонов и они часто покидают его границы, разоряя банановые плантации и кукурузные поля этой деревни.

Километра полтора мы ехали по ярко-зеленому лесу. Пышная растительность подступала к самой дороге, которая вскоре пошла резко вверх. Натужно ревя, грузовик затрясся на выбоинах пыльной дороги, нагнетая в кабину волны знойного воздуха.

На вершине холма водитель остановил машину и спросил, не желаю ли я полюбоваться окружающим видом. Действительно, отсюда открывалась сказочная картина: обрыв высотой около 100 метров заканчивался заросшим скалистым склоном; еще ниже величествен-

пые деревья волнами накатывались на далекий берег озера, где начиналась саванна в окаймлении пальмовых рощ. Само озеро уходило в бесконечность и где-то на горизонте сливалось с небом. Это парк Маньяра.

Мы снова пустились в путь и добрались до кратера Нгоронгоро; воздух в раскаленной кабине заметно посвежел. На краю этой гигантской природной впадины была сложена скромная пирамида из камней с надписью:

Михаэль Гржимек

12.4.1934 — 10.1.1959

Он все отдал диким животным Африки,
в том числе и свою жизнь.

Из книги его отца, профессора Бернгарда Гржимека, «Серенгети не должен умереть» я знал о приключениях Михаэля; он первым стал летать на самолете, раскрашенном под зебру, проводя воздушные подсчеты животных Серенгети. Во время одного из таких полетов Михаэль погиб.

Проехав вдоль гребня кратера, мы начали спуск во всемирно известные равнины Серенгети.

Внизу дорога разветвлялась на множество пыльно-белых троп. По сути говоря, дорога, как таковая, здесь кончалась, и каждая машина прокладывала путь по равнине самостоятельно. Облака белой вулканической пыли, просачиваясь сквозь пол кабины, покрыли нас густым палетом.

На закате мы прибыли в Серонеру. Поселок состоял из нескольких квадратных и круглых бетонных строений, окаймленных деревьями, которые чернели на фоне пламенеющего неба. В этих строениях размещалась администрация парка и жили туристы. Здесь мы провели ночь. На следующее утро служебный «лендровер» довез меня до цели нашего путешествия — Банаги, где располагался исследовательский центр. В моей памяти эта первая ночь навсегда останется ночью таинственных голосов Африки. Прежде чем заснуть, я долго лежал и слушал львиный рык, смех гиен и далекий топот копыт.

В Банаги я познакомился с Мюрреем Уотсоном, с которым должен был работать ближайшие два месяца. Он рассказал, что центр открылся год назад и в

первое время в нем работало всего три научных сотрудника, продолжавших дело, начатое в 1958 году отцом и сыном Гржимеками. Ганс и Ути Клингель изучали популяцию зебр. Я и еще двое оксфордских студентов оказались первыми ассистентами, допущенными в исследовательскую группу.

Исследователи жили в старом охотничьем домике с глинобитными стенами. Рядом с домом имелась бетонная лаборатория, где хранились небольшая научная библиотека и гербарий всех растений Серенгети, собранный доктором Гринвеем.

В течение двух последующих месяцев я наблюдал картины, совершенно непохожие на все виденное мной до сих пор. Мюррей Уотсон вел абсолютно свободный образ жизни. Его задачей было определить территорию ежемесячных миграций антилоп гну, и большую часть времени он проводил в сафари, следуя за животными. А когда мы не сидели у них на «пятках», то наблюдали за тысячными стадами с воздуха.

Изучая факторы, воздействующие на размеры популяции, Мюррей Уотсон ежемесячно подсчитывал соотношение малышей и взрослых самок. Важно было также знать число ежегодно гибнущих животных и причины их гибели. Мюррей Уотсон работал в теснейшем контакте с Майлсом Тернером, главным инспектором парка Серенгети. В свободное от работы время Мюррей вел нещадную борьбу с браконьерами, ибо самым безжалостным истребителем живности в парке оставался человек (дай ему волю, он уничтожил бы все живое).

Постепенно мои глаза привыкли различать на горизонте, в знойной мгле, подвижные пятна, которые впоследствии могли оказаться антилопами гну, зебрами, южноафриканскими антилопами, конгони, а то и львами, гиенами, гепардами или любым другим животным из многочисленных видов, обитающих в этих просторах. Но пока главной «дичью» оставался человек. Его силуэт нельзя было спутать ни с каким другим, несмотря на жаркие потоки воздуха. Заметив его, Мюррей Уотсон, имевший титул почетного инспектора, пускался в погоню, ибо пеший человек в парке мог быть только браконьером.

Следы их деятельности виднелись всюду. Я научился находить тела убитых животных, наблюдая за гри-

фами, но не по кругам, которые они описывают в небе, — птицы кружат лишь там, где есть восходящие потоки горячего воздуха. Следовало засечь место, куда падает гриф, и немедленно искать в этом направлении останки добычи. Часто в шкуре торчала стрела с наконечником, обмазанным ядом акокантеры. Пешие браконьеры, охотившиеся примитивным оружием, могли унести лишь часть добычи. Постоянные наблюдения за браконьерами способствовали уменьшению потерь, но угроза браконьерства никогда не ослабевала.

Основные убежища браконьеров находились в северной части парка, и мы направились туда. Действуя на основе полученной информации, мы прочесали равнину и нашли стоянки, брошенные, судя по углям, два дня назад. Рано утром все трое, Майлс, Мюррей и я, отправились в район, где не бывал даже Майлс. По пути мы поджигали траву. Наше продвижение отмечали столбы дыма. Майлс утверждал, что вместе с травой мы уничтожаем множество клещей и прочих паразитов, которые донимают зверей. Через неделю выжженная земля покрывалась зеленым пушком, и там сразу же собиралось множество животных.

Меня волновала мысль, что, быть может, сейчас придется помериться силами с браконьерами. Мы знали, что они чувствуют себя вольготно в этом районе, где их еще никто не тревожил. Мюррей, законченный индивидуалист, двинулся в одиночку, а я остался с Майлсом, надеясь, что общение с этим уважаемым и многоопытным егерем поможет мне быстрее освоиться в зарослях кустарника. (Он вовсе не был стар, хотя в моих глазах тогда выглядел именно таковым.)

Мы взобрались на холм, осмотрелись: никаких следов человеческого присутствия. На одном из отрогов сохранилась громадная плоская скала, опирающаяся на массивную плиту. То была превосходная естественная площадка, с которой просматривалось все вокруг. Там мы обнаружили пучки сухой травы и угли, оставленные, по-видимому, *вандеробо* — охотниками на слонов. Майлс сказал, что эти люди — обычные охотники, занятые поиском пропитания; они практически не влияют на окружающую среду и численность животных. Иное дело *вакуриа*, которые передвигаются большими группами, начисто опустошают какой-либо район, ис-

пользуя ловушки из стальной проволоки, затем вялят мясо на солнце и продают его. Вакуриа превратили охоту в коммерческое предприятие.

Мы сидели на площадке, обозревая бесконечные просторы саванны. Девственный пейзаж наведал удивительное ощущение безмятежности и спокойствия. Вдруг мне послышалось какое-то бормотание. Я был готов поклясться, что различаю голоса, и сказал об этом Майлсу, но тот ничего не слышал. Голоса послышались вновь. Я убедил Майлса послать смотрителя и носильщика на разведку в лес, лежавший под нами по другую сторону холма. Они наткнулись на извилистую тропинку, петлявшую среди деревьев, но не могли определить, кто ее проложил — животные или люди.

Едва смотритель скрылся в лесу, я вновь совершенно отчетливо услышал голоса.

— Майлс, это явно люди, — сказал я и бросился вслед за ушедшими. Мы углубились в лес. Вскоре тропинка расширилась и превратилась в протоптанную тропу. Голоса становились все громче, а лес все больше и больше походил на бойню: повсюду белели кости животных, часть костей была раздроблена — из них извлекли костный мозг.

Теперь мы двигались с особой осторожностью. Судя по гомону, впереди было много людей. И действительно, едва тропа свернула, мы очутились перед *бомой* (загородкой) из колючек, окружавшей лагерь. Человек тридцать отдыхали под соломенными навесами — курили, спали, переговаривались. Их копья, луки, стрелы были свалены под деревьями. На деревянных козлах вялились широкие полосы мяса, а в траве за оградой виднелись еще бóльшие куски мяса: в лагере места не хватало.

Все наше оружие — одна винтовка да ракетница с тремя осветительными ракетами. Признаюсь, я не испытывал особого восторга от встречи со столь превосходящими силами противника. Однако не успел я сказать, что хорошо бы дождаться подкрепления, как смотритель (здоровенный парень с усами, похожими на велосипедный руль) сделал мне знак следовать за ним и бросился прямо в центр лагеря. Что тут началось! Несясь по пятам за смотрителем, я попал в водоворот; браконьеры прыгали через бому во все стороны. Я схва-

тил одного за шею, и мы вместе рухнули на колючую изгородь.

Пленник завопил:

— *Мими хапана пига Ньяма, Бвана* (Я не убивал дичь, господин).

Я велел ему замолчать. В тот же миг над головой у меня пролетел еще один браконьер.

— Стой! — заорал я.

Куда там. Я выстрелил из ракетницы, ракета описала дугу и подожгла траву метрах в двадцати перед удиравшим злоумышленником. Подавив желание захватить еще одного браконьера, я поднял пленника, отвел его в наш лагерь и бросился назад, но лес уже был пуст и безмолвен.

Вскоре появился Майлс, он очень расстроился, что не смог принять участия в атаке. Огонь, зажженный моей ракетой, быстро приближался к боме. Следовало поскорее собрать все ловушки, копыя, симе, луки и колчаны с отравленными стрелами, брошенные хозяевами после первого выстрела. Оружие нельзя было оставлять: им могли воспользоваться другие браконьеры. Наконец появился и Мюррей Уотсон. Его огорчение было еще бóльшим, хотя ему и удалось поймать одного беглеца. Едва мы успели вынести последние мешки с вяленным мясом, как бома вспыхнула и превратилась в огненную стену.

Какой богатый событиями день! Я почти не стыдился охоты на человека, ибо она удовлетворила мой первобытный охотничий инстинкт — защищать свою территорию. Но вечером, по возвращении в лагерь на реке Мара, когда я разглядел пленников, их потухшие, несчастные глаза и следы «столкновения» со зрителями, меня охватили угрызения совести. Особенно они усилились после слов Майлса, что им дадут по пять месяцев тюрьмы: независимая Танзания безжалостно расправлялась с нарушителями законов и расхитителями народных богатств. Конечно, было поздно что-то менять в их судьбе, а кроме того, справедливость наказания не вызывала сомнений, ибо фауна нуждалась в действенной охране. Не мог я осуждать и зрителей, не очень нежно обращавшихся с браконьерами. Однако в душу мою запало сомнение, является ли сегодняшнее мероприятие лучшим средством борьбы с браконьерами.

Да, мы имели дело с бандой, которая охотилась незаконно и преследовала корыстные интересы. Но, живя по соседству с парками, эти люди могли превратиться после подобного инцидента в наших непримиримых врагов. Хорошо ли это?

Приключения, пережитые за два месяца в Серенгети, так завладели моим воображением, что я мечтал лишь об одном — войти в здешнюю элиту исследователей. Казалось невероятным, что до сих пор никто не проводил серьезных работ по изучению поведения и экологии основных видов крупных животных. Я решил по окончании учебы в Оксфорде выбрать себе для изучения какое-то животное, а поскольку еще никто не изучал львов в их естественной среде обитания, выбор напрашивался сам собой. Пока же я читал все, что имелось по технике радиослежения, и мечтал применить этот метод ко львам.

Глава II

ДИЛЕММА В МАНЬЯРЕ

В начале 1965 года я поделился своими планами с Джоном Оуэном. Затем мне удалось договориться о встрече с ним во время его короткого отпуска. Он принял меня в своем крохотном ухоженном садике в Суссексе, где жил, наезжая в Англию.

Оуэн яростно мешал мусор в костре, дым которого лениво поднимался вверх и смешивался с осенним смогом, грозя окончательно скрыть от нас бледное английское солнце. С явной неохотой оторвавшись от своего занятия, он пригласил меня сесть и зычным голосом попросил жену Патрицию приготовить нам чай. Маленькое кресло еле вмещало большое тело Оуэна, а в его голубых бесстрастных глазах не удавалось прочесть никаких мыслей. Посасывая трубку, он внимательно слушал, как я излагал свою программу изучения львов. А потом сказал:

— Очень жаль, Иэн, но это невозможно. Львами будет заниматься другой человек.

Этим другим человеком оказался Джордж Шаллер, американский зоолог, снискавший себе известность изучением горилл, живущих на вулканах Вирунга в

Руанде и Уганде¹. Я намекнул, что ему, дескать, нужен помощник.

— Боюсь, что нет. Вы же знаете, какие индивидуалисты эти ученые!

— Но чем бы я мог заняться?

— Увы, сейчас в Серенгети никто не нужен.

Он задумался и вдруг обронил:

— Очень нужен человек, который занялся бы изучением слонов в Маньяре.

И он начал расписывать мне озеро Маньяра и узенькую полосу земли по северо-западному берегу озера, где расположился национальный парк. Это один из самых маленьких танзанийских парков, но плотность звериного населения в нем чрезвычайно велика. Львы, леопарды, гипопотамы, носороги, а также громадное количество слонов и буйволов. Туристов туда привлекают в основном лазающие по деревьям львы, и парк пользуется наибольшей популярностью в Восточной Африке. Джона Оуэна беспокоило то обстоятельство, что с недавних пор слоны стали обдирать кору с деревьев, служивших убежищем для львов в самые жаркие часы. Деревья начали погибать. Никто не знал, зачем слонам понадобилась эта кора и что произойдет, если слоны будут продолжать свою вредительскую деятельность.

Экология слонов была для меня совершенно новой темой. Моей заветной мечтой был Серенгети, но, потягивая чай, я с интересом слушал Джона Оуэна, излагавшего мне то немногое, что было известно о слонах Маньяры.

Их точное количество не установлено. Смотритель парка говорил ему, что во время засушливого периода, с июня по сентябрь, слоны покидают парк и перебираются в бескрайний влажный лес, который лежит на гребне отвесного склона рифтовой долины за пределами парка. Джон Оуэн хотел знать причины этой так называемой миграции, если она действительно существует.

Свой рассказ он закончил словами: «Но если вы займетесь этой работой, Иэн, то фонды вам придется добывать самому. У нас нет денег. Мы предоставим вам старенький „лендровер“ и разборный домик, который вы

¹ См.: Дж. Шаллер. Год под знаком гориллы. М., 1975.

сможете поставить в парке, где вам заблагорассудится, но подальше от туристских глаз».

Предложение жить в национальном парке и путешествовать вместе со слонами выглядело крайне соблазнительным. Я согласился, вернулся в Оксфорд к учебникам, готовясь к сдаче экзаменов, и одновременно приступил к поискам фондов для моей исследовательской программы.

На доске объявлений зоологического факультета были вывешены приглашения на работу. Королевское общество предлагало стипендию имени Леверхалма тем молодым ученым-биологам, которые желают обрести опыт в тропических странах. Стипендия включала расходы на проезд и часть оборудования, а также 800 фунтов на личные нужды. Я выбрал тему «Кормовое поведение слонов и его влияние на изменение растительности», набросал план исследований и переслал его в Королевское общество. Я сознательно не остановился на конкретных методах исследования, чтобы иметь возможность приспособиться к местным условиям. Многие зависело от реакции слонов на мое присутствие, от того, как они поступят, почуяв мою персону: бросятся на меня или обратятся в бегство.

Несколько недель спустя пришел вызов из Лондона. Меня ввели в комнату, отделанную панелями темного дерева, где за красивым полированным столом сидело шесть уважаемых джентльменов. Один из них осведомился, не опасно ли подбираться к слонам пешком. Откуда я мог знать: мне еще не приходилось с ними общаться. Я ответил, что не опасно, если действовать осторожно. Второй спросил, буду ли я собирать образцы лесной растительности, наблюдая за насыщающимися слонами. По-настоящему трудным оказался лишь один вопрос: «А какую пользу принесет, по вашему мнению, изучение слонов?» Я ответил, что повсюду в Африке количество слонов сокращалось, а ареал их последние два тысячелетия сужался и что даже теперь, в условиях резерватов, избыточность популяций грозила им полным уничтожением. И только благодаря исследованиям появится возможность эффективно решить проблему популяции слонов.

Мне так и не удалось узнать, кто были те джентльмены, но я испытал к ним бесконечную признатель-

ность, когда в ноябре получил извещение, что мне предоставили годовую стипендию общей суммой 1500 фунтов, из которых:

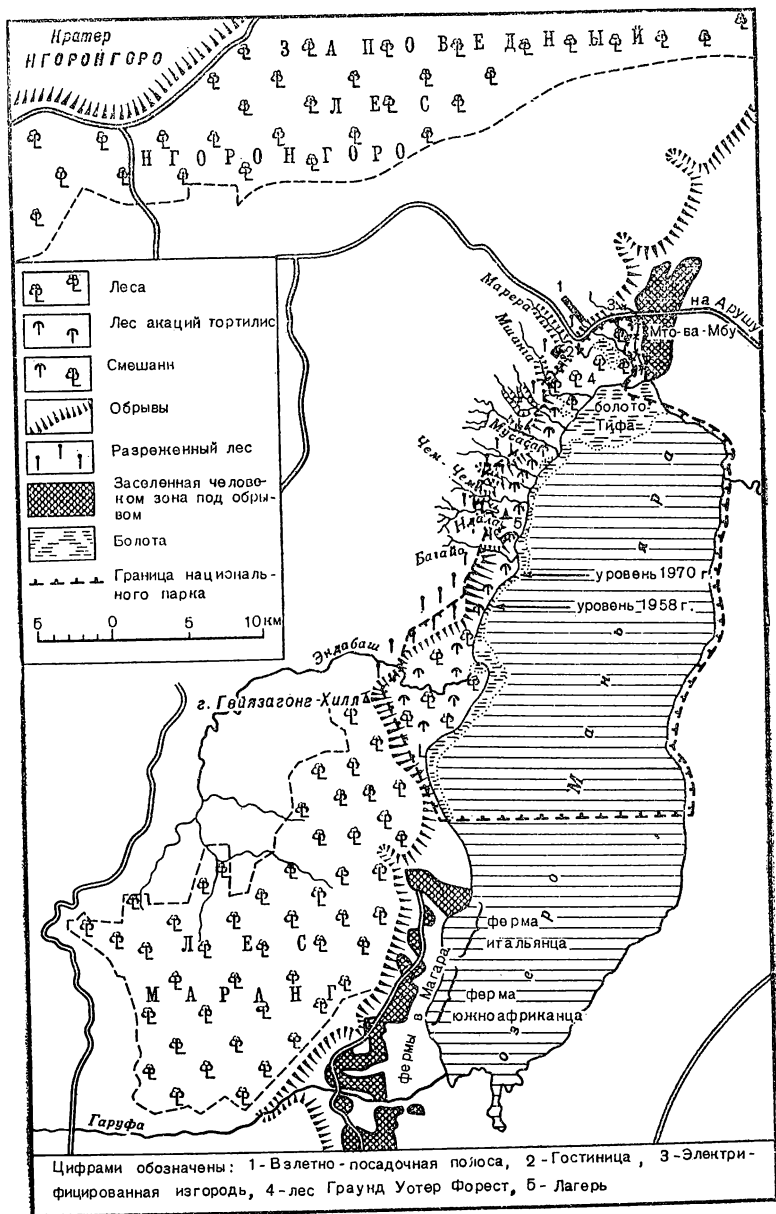
Билеты на самолет в Танзанию и обратно .	250
Расходы на передвижение по Танзании, в том числе и воздушное наблюдение	570
Личные расходы и питание	500
Научное оборудование	180

Я почувствовал себя Крезом, поскольку к моменту получения приятной новости уже истратил все свои сбережения на приобретение билета в Восточную Африку, где собирался обучаться пилотированию самолета. (Правда, деньги кончились у меня раньше, чем я научился водить самолет, и пилотом я стал лишь три года спустя.) Получив письмо, я попросил приятеля, летевшего на своем самолете в Серенгети, захватить меня с собой. Оттуда до Маньяры было рукой подать.

Когда я прибыл в Серонеру, Майлса Тернера не было дома, но его жена Кей сказала, что вскоре он должен вернуться, и предложила мне переночевать у них. Всю вторую половину дня я ловил хамелеонов для коллекции мелких животных, которую с увлечением собирала их дочь. Майлс и Мюррей прибыли вечером. Они уточняли с воздуха пути миграции антилоп гну. Я с огромным удовольствием снова встретился с ними, и мы увлеченно обсуждали наши дела.

В тот вечер они рассказали мне, как занимались слонами Маньяры и оказались виновниками одного недоразумения. Два дня подсчетов с воздуха поголовья слонов и буйволов в пределах парка Маньяра дали следующий результат — 420 слонов и 1500 буйволов. Несложный расчет позволил им сделать вывод о плотности популяции слонов: 5 животных на один квадратный километр. Эта цифра намного превышала среднюю по всей Африке. Исходя из полученных результатов, они выдвинули гипотезу о перенаселенности заповедника и необходимости выборочного отстрела с целью воспрепятствовать чрезмерному росту популяции слонов. Они опубликовали свои выводы в «Ист Африкен Уайлдлайф Джорнел».

Статья вызвала нарекация. С одной стороны, Джон



Оуэн выразил недовольство публикацией в прессе результатов подсчета и их выводов, с другой — в то время казалось немислимым производить отстрел животных в самом заповеднике.

Поэтому Тернер с Майлсом предостерегли меня от скоропалительных решений и настояли на включении в мою программу пункта о регулярном подсчете слонов, это позволило бы проверить, сохраняется ли в Маньяре столь высокая концентрация животных в течение всего года, или она носит временный характер. Поразмыслив, я решил не полагаться на мнение других, а добывать фактические данные самому. Меня не покидала уверенность, что после тщательных наблюдений и подсчетов факты скажут сами за себя и станут ясны основные пути управления парками.

После ночи отдыха, снова наполненной львиными рыками, я сел в машину к одному туристу, и мы покатались по пыльной равнине в направлении кратера Нгоронгоро и озера Маньяра.

Спускаясь по склону Нгоронгоро, я впервые взглядел нависающий над озером Маньяра рифтовый обрыв, тонущий в молочно-голубой дымке. Через 12 километров каменистая, в рытвинах дорога резко свернула налево. Мы остановились на вершине того самого обрыва, откуда я любовался открывшимся видом два года назад. С неподдельным восхищением я всматривался в лес, который тянулся к югу на многие километры; лишь изредка в нем виднелись поляны, поросшие травой, и речки, пробившие себе дорогу к озеру. Вдали я различил несколько стад слонов, которые отсюда казались скоплениями букашек.

Несколько минут спустя мы уже катились вниз по довольно крутому склону. Дорога проходила по северной границе парка, и там, где слоны пересекали ее, виднелись кучи помета. Кустарник по обе стороны дороги был такой густой, что я невольно спрашивал себя, смогу ли я двигаться вслед за слонами. Еще через три километра, у подножия обрыва, мы въехали в лес и наконец очутились в деревеньке Мто-ва-Мбу. На этом мое автомобильное путешествие должно было закончиться.

Жизнь в деревне кинела. Прилавки вдоль улиц были завалены бананами, помидорами, аноной, плодами дыш-

ного дерева, яркими хлопчатобумажными тканями и лекарственными травами. Люди покупали, продавали, катались на велосипедах, что-то обсуждали, собравшись в группки, или же просто отдыхали на травянистых склонах.

Когда я вылез из машины, чтобы купить бананов, рядом остановился древний, дребезжащий «лендровер» с надстройкой из досок. За рулем сидел европеец, одетый в темно-зеленую куртку, перехваченную кожаным ремнем. На ногах у него были коричневые сапоги до колен. Этот крепкий мужчина походил на первоходца: темные очки скрывали глаза и придавали его морщинистому лицу, обрамленному седыми волосами, властный вид. На его груди красовался круглый значок — импала в кольце золотых и зеленых букв «Национальные парки Танганьики». Это был Десмонд Фостер Вези-Фитцджеральд (для коллег просто Вези), или Бвана Мунгози (Господин Кожа), прозванный так африканцами из-за своих неизменных сапог.

Я представился и узнал, что он живет в том гостиничном домике парка, где мне хотелось устроить штаб на первые месяцы работы, пока не удастся разбить лагерь. Я попрощался с людьми, доставившими меня сюда, пересел в «лендровер» Вези, и мы вскарабкались по крутому склону к гостинице. За чаем мы говорили о слонах. Без очков Вези выглядел совершенно иначе. Серьезный вид испарился, уступив место лукаво-веселому, дружелюбному выражению. Как и Джон Оуэн, он почти не выпускал изо рта трубку.

Но стоило коснуться вопроса о перенаселенности Маньяры, как тон Вези стал резким. Который год, подчеркнул он, национальные парки занимаются защитой животных, а стоило добиться разумной плотности, как заговорили о перенаселенности! Он обрушился на Мюррея и Майлса, которым за двое суток удалось сделать столь далеко идущие выводы. Сам он уже несколько лет занимался растительностью Маньяры и не заметил никакого вреда, причиняемого слонами. Когда я упомянул об уничтожении колючей акации, прибежища львов, он воскликнул: «Боже мой, это не уничтожение, а изменение среды обитания!»

Затем Вези изложил свою основную мысль: слоны играют ключевую роль в создании равновесия в приро-

де. Прodelывая тропы в густой траве и колючем кустарнике, они открывают путь другим животным к более съедобным растениям, к которым они не добрались бы без слонов. Он считал, что, чем меньше вмешиваться в природные циклы парка, тем лучше.

Ввиду отсутствия фактов нельзя было согласиться с точкой зрения ни одной из сторон: Майлс с Мюрреем не могли доказать ни избыточности слоновьего населения в Маньяре, ни того, что эта плотность постоянна в течение всего года. Правда, и заявление Вези, что слоны не губят акаций, требовало подтверждения. А посему я понял: в первый год работы мне придется заняться подсчетом слонов, изучением акаций и выяснить, действительно ли слоны уничтожают их. Кроме того, я понял, какое важное значение могли иметь предполагаемые миграции слонов в лес Марауг.

После ужина, прошедшего под свист ацетиленовых ламп, я рухнул на постель и проснулся лишь после восхода солнца. Мы тронулись в путь рано утром, чтобы успеть осмотреть весь парк за день.

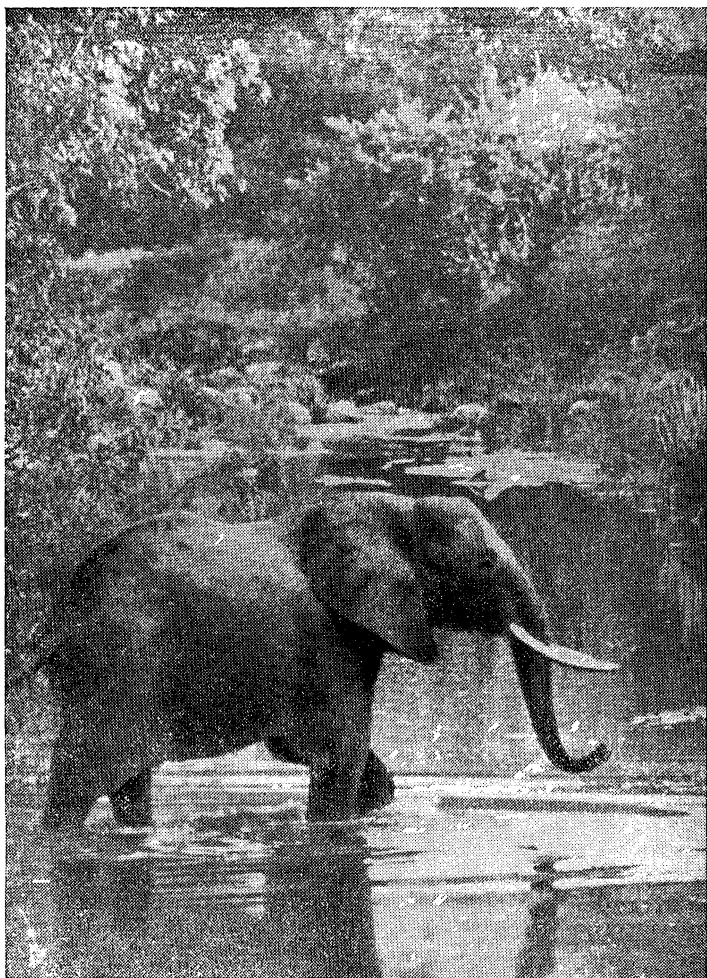
Пыльная дорога, начинающаяся у гостиницы, спустилась, петляя, к главной дороге. Чуть дальше, за поворотом, был въезд в парк, где сидящий в будке служащий брал с туристов плату за вход. Лес начинался сразу же за воротами, и мы въехали в прохладную тень высоких деревьев, которые хорошо просматривались: слоны и другие животные съели большую часть подлеска. Между глыбами черного растрескавшегося вулканического камня поблескивали ручейки, впадавшие в озерца чистой воды с плавающими листьями кресс-салата. Вокруг озерков стояли заросли папируса, стебли которого элегантно клонились к земле, словно рабы, обмахивающие фараона опахалами. С камней за нами наблюдали голубые крабики с оранжевыми лапками, время от времени сбегавшие к воде своей смешной кособокой походкой. По берегам ручейков росли желтокорые смоковницы.

Я знал, что одно дерево тропического вида с широкими длинными зелеными листьями называлось *Cono-pharyndia*. Вези тут же называл растения, стоило мне спросить о них. По его мнению, этот богатейший лес нельзя было отнести к классу тропических дождевых лесов, ибо Маньяра расположена в одном из относи-

тельно засушливых районов: годовой уровень осадков здесь не превышает 500 миллиметров. В таком климате деревья могли расти лишь благодаря несметному количеству ручейков, выбивавшихся у подножия этой части рифтовой стены, хотя их истоки находились милях в тридцати отсюда, на склонах Нгоронгоро. Дождевая вода просачивалась сквозь пористый слой вулканических пород до самых корней деревьев, достигала затем водонепроницаемых слоев и стекала по ним к подножию рифтового обрыва и в озеро Маньяра. Таким образом, громадный лесной массив, названный Граунд Уотер Форест, и все его природные богатства зависели от дождей, выпадавших за его пределами. Выруби леса Нгоронгоро, и, по всей вероятности, засохнет и погибнет лес Маньяры.

Все это я узнал позже. А пока могучий тропический лес, между деревьями которого мы петляли на ревущем выцветшем «лендровере» Вези, выглядел неуязвимым и вряд ли рухнул бы под натиском легионов прожорливых слонов. Несколькими километрами южнее число источников уменьшалось, и лес сменяла поросль акаций тортилис, характерная для более сухой местности. Эти колючие красавицы из семейства мимозовых с плоской кроной, широко раскинувшимися ветвями и грубой коричневой корой — символ Африки. Обычно они растут группами или в одиночку среди травяной саванны, придавая пейзажу вид парка. Здесь-то впервые и обнаружили ущерб, нанесенный слонами. Белые стволы без защитной коры выглядели немощными призраками на фоне буйной зелени. Листва вверху еще сохраняла свой оливково-зеленый цвет, но деревья были обречены. И хотя ущерб носил спорадический характер, он производил тягостное впечатление. Лохмотья ободранной коры в беспорядке свисали с обглоданных стволов. При внимательном осмотре мы обнаружили на земле волокнистые шары, которые слоны, пережевывая, выплевывали.

Дорога по-прежнему петляла, прижимаясь то к рифтовой стене, то к берегу. Небесной голубизной сияли воды озера, пуская нестерпимые солнечные блики, когда налетал ветерок. Но у берега вода была коричневой и мутной. Вдали, милях в десяти, виднелась размытая полоска другого берега.



Слоны выпивают в день более ста тридцати литров воды

Вези часто обращал мое внимание на грязевые отмели, подлинными ловушками для автомобиля. После засухи их поверхность затвердевала и даже покрывалась трещинами, но это была лишь видимость: внизу оставалась жидкая грязь. Было проще простого влететь туда на машине в облаке пыли на полной скорости, тут же проломить эту корку и засесть в топи по самые колеса. В других местах эти грязевые отмели зарастали острой невысокой травой, и на них паслись большие стада буйволов.

— Эти щелочные пастбища считаются лучшими в парке, — сказал Вези.

Примерно в центре парка, сразу за Ндалой — широкой речкой с рыжеватой водой, обрыв почти подходил к берегу. Дальше дорога пересекала другую ленивую речку — Багайо — и уходила в сторону от обрыва. Там начиналась сухая местность с совершенно иной средой обитания, акация тортилис уступала место деревьям типа финиковых пальм (*Balanites aegyptiaca*).

Проехали еще одну долину с высокими травами, где не встретили и следа животных, и углубились в густой пахучий кустарник. Справа снова приблизился обрыв, по склону которого водопад низвергалась речка Эндабаш. Вези сказал, что в засушливые годы она пересыхает. Мы перебрались через нее по броду, за которым начиналась бетонная дорога. Густой кустарник тянулся на несколько километров. Затем поверх глянцевиито-зеленой осоки, среди которой разлеглись буйволы, вновь проглянуло озеро.

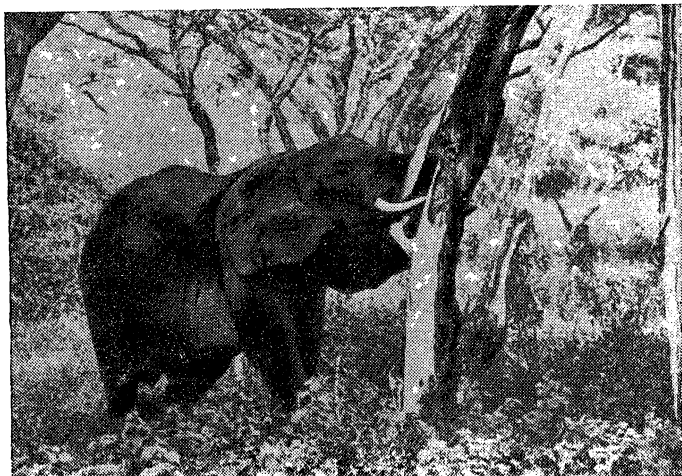
Дорога заканчивалась в 30 километрах к югу от главного входа, где из-под земли били горячие источники, которые местные жители называли Маджи Мото — «горячая вода» на суахили. Здесь на высоте 1000 метров над озером вздымался почти отвесный обрыв. Его венчала спутанная шапка темно-зеленой листвы — заповедный лес Маранг площадью 210 квадратных километров. Среди крутых заросших склонов там и тут виднелись голые скалы и громадные каменные глыбы, казавшиеся непреодолимым препятствием для слонов на пути в лес Маранг.

В полутора километрах отсюда находился низвергающийся с высоты 100 метров водопад, который отмечал южную границу парка. Внизу водопад превращался

в поток с чистой водой; он пересекал прибрежный лес и впадал в озеро. Директор парка соорудил здесь в 1960 году преграду из трех стальных тросов, тщетно пытаясь удержать слонов в заповеднике и помешать им возвращаться в район их бывшего обитания, отданный под сельскохозяйственные угодья. Шесть лет спустя преграда еще кое-где сохранялась, но там, где проходила старая слоновья тропа, два нижних троса лежали на земле. Многочисленные следы свидетельствовали о том, что слонам ничего не стоило пролезть под третьим тросом.

Когда мы возвращались, задул сильный влажный ветер. Он ударял в обрыв и сгонял к нему тучи. В прибрежной грязи мы заметили две выброшенные бурей пироги. Лодки выглядели крепкими, и я решил поскорее вытащить их, пока они не разошлись под лучами яростного солнца: надо было иметь возможность приближаться к слонам не только посуху, но и по воде и воздуху.

Лучи закатного солнца золотили кустарник, когда дорогу нам перешла группа слонов. Долгожданная встреча застала меня врасплох. Колонна самок, возвышающихся над малышами разных возрастов, в строгом порядке бесшумно проплыла метрах в тридцати от нас, и серо-голубоватые туши растаяли в тени. Только пыль крохотными смерчами взметнулась из-под их ног. Первые десять самок прошли в полном спокойствии, потом поспешным шагом пробежали более юные самки; подняв головы и выгнув спины, они бросили на нас косой взгляд. Очувтившись в безопасности в наполовину скрывавшем их кустарнике, они разом, словно по команде, повернулись к нам. Порыв ветра донес до них запах человека. Уши задвигались, а хоботы змеями взметнулись вверх над строем массивных голов. Они втягивали наш запах и выдыхали воздух с резким «вуф», и, хотя их «лица» были относительно неподвижны, разнообразие движений и положений хоботов придавало им необыкновенную выразительность. Малышей видно не было, они только угадывались между ног крупных самок, стоявших перед нами плотной стеной. Слоны были явно обеспокоены, но это длилось недолго. Несколько



В разгар дневной жары слоны прячутся в тени акаций тортилис, обдирая с них кору

мгновений спустя слонята рискнули выглянуть из-за толстенных ног матерей, и мне удалось рассмотреть в бинокль все стадо.

Вечером, после ужина, когда мы потягивали кофе, а тени мельтешивших вокруг лампы бабочек плясали на стенах, я попытался привести в порядок свои мысли. Задача вырисовывалась более конкретно. Предстояло выяснить, почему слоны обдирают кору с акаций и куда они скрываются, покинув парк. Но в игру вступал фактор времени: спор между сторонниками активного вмешательства и пассивного наблюдения придавал работе срочный характер. Ответы, возможно, позволят разрешить дилемму: следует ли ограничить количество слонов путем выборочного отстрела, или надо целиком положиться на природу? На карту была поставлена, с одной стороны, жизнь сотен слонов, с другой — судьба лесного массива.

Прежде всего следовало подсчитать количество поврежденных и загубленных деревьев в границах парка. Воздействие слонов на свою сферу обитания зависит от их численности, которая, в свою очередь, зависит от рождаемости, времени пребывания в парке и смертности. Учесть это можно было лишь одним способом —

подсчитать, сколько родилось слонят от определенного количества самок за год, проследить за их перемещениями, а также сколько слонов умерло за это же время.

Однако, чтобы начать такие наблюдения, требовалось знать каждого слона в «лицо» и находить его среди целого стада с той же легкостью, с какой мы узнаем своих знакомых в толпе. Я понял, что это основа моих исследований. Ближайшие месяцы следует посвятить только тому, чего никто никогда не делал до сих пор. Увлекательная задача, и успех ее зависел прежде всего от того, насколько часты будут встречи со слонами, с которыми мне предстояло познакомиться.

Глава III

СЛОНОВЬИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

После Нового года я самостоятельно отправился на переданном мне Джоном Оуэном стареньком, помятом «лендровере» на встречу со слонами. Я решил их сфотографировать и таким образом познакомиться.

Первым мне встретился самец, который мирно пасся на обочине в невысокой растительности. Он был плохо освещен, и следовало подойти к нему с другой стороны. Я бесшумно выскользнул из машины и тихо прикрыл дверцу — сказался опыт преследования браконьеров в Серенгети. Ветер был идеальным, он дул от слона в мою сторону. Затаив дыхание, на цыпочках я подобрался к термитнику на полпути к цели, стараясь не задеть сухих веток.

Но в тот момент, когда я огибал скрывавший слона термитник, мои уши чуть не лопнули от устрашающего трубного гласа. В реве слышалась такая непримиримая враждебность, что я, опасаясь за свою жизнь, со всех ног бросился к машине. Когда я обернулся, слон беззаботно лакомился пальмовыми листьями, совершенно не подозревая о моем существовании. Я выглядел дурак дураком. Мне впервые довелось слышать рев слона; позже я узнал, что этот звук — просто средство коммуникации животных: таким способом они поддерживают контакт друг с другом во время еды и перемещений.

Почувствовав себя в машине в безопасности, я с шу-

мом съехал с дороги, чтобы найти удобную точку съемки. Ни треск веток, ни рев мотора не потревожили мирное животное. Каждый раз, как его ухо попадало в поле зрения, я делал снимок. Иногда в кадре оказывались его бивни. Наконец он развернулся, и удалось сфотографировать его второе ухо.

Когда я закончил съемку, он исчез в гуще леса. Другие слоны тоже, по-видимому, укрылись от знойных лучей предполуденного солнца. Для продолжения съемки следовало ждать вечера, а пока я решил забрать пироги, валявшиеся на отмели реки Эндабаш на границе парка. Я выбрался на главную дорогу и уже воображал будущие экспедиции в лодке: как я крадусь вдоль берега в поисках слонов.

Пироги лежали там, где мы их видели. По счастью, в обеих сохранились весла, черпалки и даже обрывки сетей. Грязь у берега выглядела плотной; засохнув, она растрескалась на множество неправильных многоугольников, покрытых налетом соли. Я спокойно двинулся вперед. Но метрах в десяти от ближайшей пироги машина вдруг провалилась, и все четыре колеса увязли в грязи по самые оси. Вези был прав: любая попытка стронуть автомобиль вперед или назад приводила лишь к тому, что колеса еще больше погружались в черную топь, похожую на патоку. Вскоре грязь облепила меня с ног до головы, на машине тоже не осталось чистого места. Единственным выходом было поднять каждое колесо на домкрате и подложить под него что-нибудь твердое. К сожалению, домкрат, купленный в Аруше, доставал до бампера лишь с подставки. Под рукой ничего не было. Пришлось подтащить ближайшую пирогу, перевернуть ее и установить домкрат на плоском дне. Все пошло как по маслу: задние колеса медленно, с чавканьем вылезали из ила. Но давление оказалось слишком сильным: домкрат вдруг с ужасным треском провалился сквозь дно пироги, и «лендровер» опять плюхнулся в грязь!

Злой, отупевший от жары, я созерцал гибель трудов своих, пытаюсь найти иное решение. Увы, другого выхода не было. Еще трижды я ставил домкрат, прежде чем искалеченная пирога не соизволила выдержать нагрузку. Теперь надо было отыскать твердые предметы, чтобы подложить их под колеса. Изжаренный неумо-

лимым солнцем, почти ослепший от блеска соли, я рыскал по пляжу. Наконец мне посчастливилось наткнуться на побелевшие кости — останки буйвола, начисто обглоданные львами и гиенами. Их зрелище живо напомнило, что сулит ночевка под открытым небом... Взяв лопатки и здоровенную берцовую кость, я с трудом добрал до машины и подсунил их под колеса. Для вящей предосторожности сверху еще настелил ветки акации. Взревев, «лендровер» выдрался из грязи, проехал по веткам и оказался на твердой земле. Я облегченно вздохнул, утер пот с лица и тяжело отвалился на подушки сиденья. И тут же услышал пронзительный свист: колючки акации прокололи шину.

К счастью, в машине была запаска. Вновь — в который уже раз — подняв «лендровер» домкратом, я сменил колесо. Смертельно усталый, с пересохшим от жажды горлом, добрался я до гостиницы. День прошел впустую. Я понял, что, несмотря на скромные размеры, Маньяра не позволит расслабиться и что неплохо иметь проводника, хорошо знающего местность.

Утром, в 8.00, я примчался в контору парка, там начинался обычный рабочий день. Егерь-африканец Муганга со вниманием выслушал просьбу дать мне в проводники одного из смотрителей. Он предложил мне брать их по очереди каждый день, пока я не разобью лагерь в парке; тогда ко мне будет прикреплен постоянный смотритель. Предложение оказалось чрезвычайно удачным. Смотрители обладали исключительно острым зрением и научили меня различать между стволами деревьев прячущихся в тени слонов. Едва на свету оказывалась какая-нибудь примечательная часть их тела, я делал снимок.

Однажды меня сопровождал молодой смотритель по имени Мходжа Буренго, прирожденный следопыт. С его помощью я обнаружил множество слонов. К сожалению, над кустарником торчали лишь спины, но на открытой местности не было видно ни одного слона. Я спросил, нельзя ли к ним подобраться пешком. Английский Мходжа знал плохо, поэтому ответил односложно:

— Попробуем.

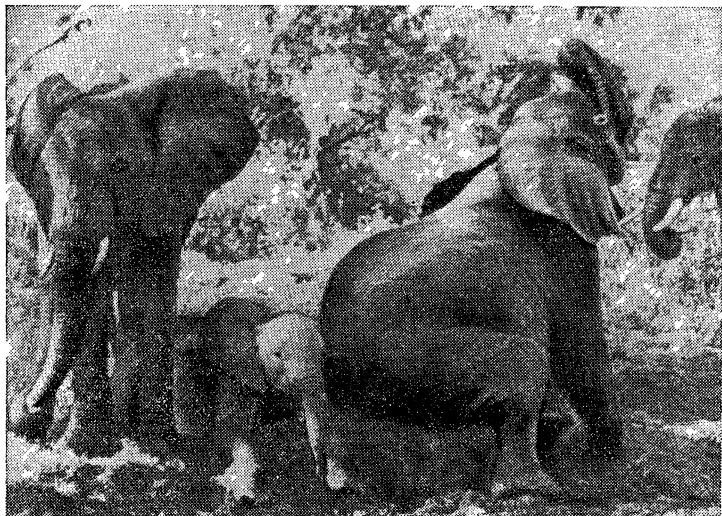
Большую часть короткого сухого периода слоны проводили в Граунд Уотер Форест, в северной оконеч-

ности парка. Мходжа предложил отправиться туда. Я уже знал, что красться вдоль слоновьей тропы, основательно вытопанной за время январского пекла, — не большое удовольствие. Но лес встретил нас прохладой. Мы шли, прислушиваясь к возне мелких животных в подлеске. Из-под ног вдруг выскочил и пустился наутек бородавочник.

Чтобы найти слонов, мы останавливались, прислушивались. Слоны никогда не бывают совершенно бесшумны, едят они или отдыхают. Рев оказавшегося в стороне члена стада, пронзительный протест малыша, которого мать отогнала от себя, гневное хрюканье молодых самцов, пробующих друг на друге растущие бивни, — все это выдает их присутствие. В лесу ветер капризничает, особенно в середине дня: горячие вихри взмывают вверх, а холодный воздух устремляется вниз, вызывая порывы ветра над самой землей. Когда летишь над лесом на самолете, заметно, как воздух постоянно перемещается. Если же занимаешься поиском животных под сводами леса, всегда зависишь от этих переменчивых потоков — они могут донести до зверей ваш запах, и можно считать везением, если слонам долго не удастся засечь вас.

Мходжа тщательно определил направление ветра — долго манипулировал своей сигаретой, наблюдая за ее дымом. Мы медленно двигались на непрерывающийся шум ломающихся веток и наконец заметили за пальмами несколько подрагивающих громадных ушей. Мходжа нашел подходящее дерево, мы взобрались на него и очутились под прикрытием мощной листвы. Я с трудом устроился на довольно тонкой ветке, но зато был вознагражден зрелищем группы самцов всего в десяти метрах. Я тут же начал щелкать фотоаппаратом. Затем мы соскользнули с дерева и удалились, так и не замеченные слонами.

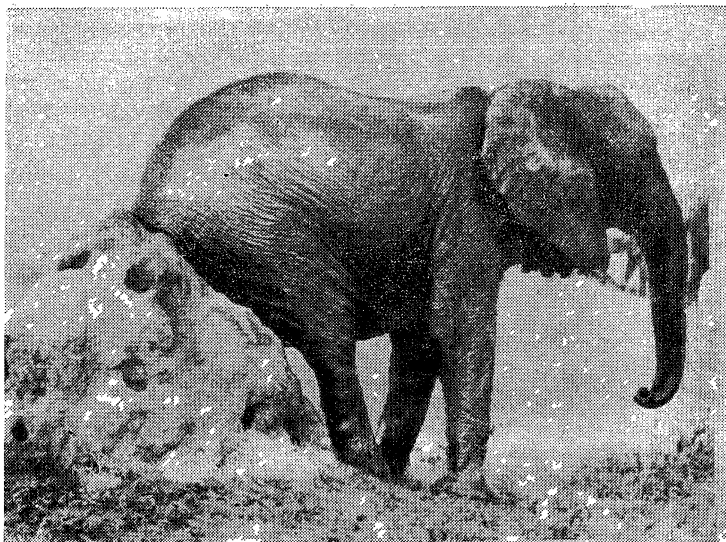
Мходжа назвал слонов белыми и объяснил, что их цвет зависит от места, где животные находились последние сутки. В данном случае их белизна объяснялась тем, что они вывалились в лесной луже рядом с одним из высоких термитников, которые, словно толстые «персты», раздвигают шелковую зелень. Темно-охристый цвет происходил от грязевой лужи в древесно-кустарниковой саванне, где росли акации тортилис, а грязно-



Каждое утро слоны
натирают кожу
толстым слоем грязи...



...а затем посыпают
влажную кожу
пылью и песком



Животное, покрытое слоем грязи и песка, трется о термитник, чтобы избавиться от кожных паразитов

серый цвет безошибочно указывал на речку Эндабаш и ее окрестности.

День подходил к концу, в 4 часа пополудни Мходжа предложил пойти к устью Ндалы, берега которой заросли невысокой травой. И вправду, стоило нам оказаться на песчаном дне пересохшей речки, как мы наткнулись на группу самок со слонятами и нескольких самцов. Пользуясь постоянным ветром, дувшим в сторону озера, мы подошли ближе и уселись прямо в траву рядом со стадом.

Над всеми возвышался громадный самец. Один из его бивней был сломан, и нервный канал обнажился почти на метр. Это, по-видимому, причиняло ему боль, и слон мог стать опасным. Кроме того, у него было разорвано левое ухо. Я сделал одиннадцать снимков этого необычного слона, пока он пасся. Остальные самцы мирно держались вместе и не стали искать укрытия, когда самки ушли. Пока мне еще не удалось узнать никого из ранее встречавшихся слонов. Но этот самец, которого я окрестил Циклопом, выделялся среди дру-

гих, и у меня появилась уверенность, что, доведись нам встретиться, я его узнаю.

Количество фотографий росло с каждым днем, вскоре скопилось целая куча непроявленных пленок. Но стоило мне заняться составлением картотеки, как я столкнулся с непредвиденными трудностями. Несмотря на свои размеры и относительное спокойствие, слоны Маньяры словно растворялись в воздухе, когда попадали под прицел объектива.

Большую часть дня они проводили среди густой растительности, откуда обычно торчало несколько спин, кусочек уха или часть бивня. Редко удавалось поймать в объектив отдельную группу, в которой бы четко выделялся каждый слон. И даже если такой момент выдавался, животные сбивались в кучу, скрывая характерные детали своих бивней и ушей. Любой исследователь, пытавшийся пересчитать животных на открытой местности, знает, как трудно получить точную цифру с первого раза: каждый следующий подсчет дает новый результат.

Из Англии я привез бачок для проявления пленки и необходимые химикаты. Но за увеличителем и ванночками для бумаги пришлось отправиться в фотوماгазин в Арушу. Я купил увеличитель, бачки, химикалии, фотобумагу и нож для нее. Вечером проявил пленки и развесил в стенном шкафу для просушки. Наутро я был готов приступить к размножению снимков. Проточной воды было достаточно: гостиница снабжалась из источника у подножия обрыва; темную комнату я устроил в спальне. Увеличитель работал нормально, несмотря на скачки напряжения: динамо-машина капризничала. Главная трудность состояла в сохранении химикалий. Пришлось держать большое количество воды в холодильнике, работающем на керосине, чтобы разбавлять концентрированный проявитель.

Я с жадностью разглядывал изображения, по мере того как они появлялись на бумаге.

Первая серия оказалась неудачной. Черные и серые грязевые пятна на слоновьих ушах часто меняли их очертания и сливались с причудливым рисунком листвы и ветвей. В бинокль различались малейшие детали, но для получения четких снимков требовался хороший свет и превосходный задний план — например, слоны

на фоне пеба. Многие снимки с фрагментами животных оказались совершенно непригодными. Однако даже на этих фотографиях уже было видно, что один слон отличается от другого. До сих пор я и не подозревал, что существует столько комбинаций форм бивней и ушей. Некоторые из них были изрезаны, словно фьорды.

Запоминание каждого слона «в лицо» стало для меня чем-то вроде урока географии — изучением очертаний какой-то страны. Часто ухо было совершенно гладким с одной или двумя небольшими выемками, но форма выемки — прямые или закругленные края, ее глубина и расположение давали необходимые опознавательные элементы. Казалось, уши одних слонов разодраны шипом, других — разрезаны портновскими ножницами, а уши третьих напоминали решето обилием дырок. Я так и не узнал происхождения этих отверстий, но думается, они вызваны неким внутренним физиологическим расстройством.

Встречались и слоны, у которых громадные разрывы шли от самого центра уха. У молодых животных они часто были свежими, а иногда и кровоточили. Позже я узнал, что это следствие раздражительности более старых животных: острый бивень какой-нибудь самки пробивал ухо слоненка и часто раздирал его от центра до самого края.

Со временем выяснилось, что изменение разодранных и пробитых ушей происходило быстрее, чем ушей с ровными разрезами. У слонят и небольшой части взрослых животных были почти нетронутые уши; в этих случаях приходилось отмечать и хранить в памяти мельчайшие особенности, например отверстия размером с конфетти, которые удавалось рассмотреть только при внимательном наблюдении. Эти крохотные отверстия никогда не менялись. На чистых, не запачканных грязью ушах под тонкой кожей вырисовывалась сетка кровеносных сосудов, похожая на рельефную вышивку, которую можно было сфотографировать под определенным углом при косом освещении. Если удавалось сделать такой снимок, его ценность оказывалась непреходящей, хотя со временем новые разрывы на ушах или поврежденные бивни могли полностью изменить внешний облик слона.

Что касается бивней, они подвержены износу. Бивни

слона растут всю жизнь. Доктор Ричард Лоуз занимался изучением износа бивней и рассчитал, что, останься они целыми в течение шестидесяти лет жизни слона, они достигли бы длины 4,9 метра у самки и 6 метров у самца. Но бивни ломаются и стираются, приобретая совершенно иной вид. У каждого слона есть главный бивень, которым он пользуется чаще. Этот бивень быстрее изнашивается, обычно он короче, а конец его более закруглен. Часто у края главного бивня имеется бороздка в том месте, которым слон обычно подрывает траву.

Однажды жарким вечером на пляже я наткнулся на большую группу слонов, разгуливавших на открытом месте. Случай подвернулся как нельзя кстати: я мог сфотографировать слонов общим планом с близкого расстояния на фоне неба. Все слоны были на ногах: одни поедали невысокую колючую траву, другие пили воду из сделанных с помощью хобота ямок; малыши гонялись друг за другом и затевали «яростные» схватки. У трех самок было по одному бивню; бивни остальных имели весьма скромные размеры. И только две величественные красавицы слонихи могли похвастаться длинными изогнутыми бивнями в виде громадных блестящих дуг. Более старая самка со впалыми щеками мирно выковыривала пучки травы передними ногами, а вторая, подняв голову и склонив ее чуть-чуть набок, внимательно наблюдала за мной.

Я находился метрах в двухстах, и ее явно раздражало присутствие автомобиля. Другие животные на меня внимания не обращали. Я приступил к панорамным съемкам слонов; на фоне озера они выглядели монументальным фризом. Некоторое время спустя крупная беспокойная самка стала расхаживать взад и вперед, затем застыла на месте и быстро встряхнула головой так, что с ее ушей полетела пыль. Ее возбуждение росло, она стала проявлять недовольство, разгуливая перед стадом и не переставая смотреть в мою сторону. Заметив ее беспокойство, другие слоны тоже заволновались и сомкнулись в плотную группу позади нее. Они распустили уши и стали вращать хоботами. Малыши держались рядом.

Пересчитав слонов несколько раз, я получил цифру сорок. Громадная самка боком медленно приближалась ко мне, остальные следовали за ней. Намерения их были

явно агрессивными. Они мне напоминали сплоченную библейскую фалангу, идущую в бой за своим предводителем. Так как местность была ровной, я определил, что особого риска нет, и решил выяснить их намерения. Когда громадная самка очутилась шагах в сорока от меня, она остановилась и выпрямилась во весь рост. Остальные выстроились позади. Я включил двигатель, и она тут же бросилась в атаку, поджав скрученный хобот под бивни, словно взведенную пружину. Я подпустил ее на десять метров, желая проверить, остановится ли она, но слониха не сбавляла хода. Я двинулся с места, поддерживая между нами неизменное расстояние, дабы сохранить в ней уверенность, что она догонит меня. Не оставалось никаких сомнений в серьезности намерений слонихи. Метров через пятьдесят она встала, выпрямилась и издала пронзительный рев. Можно было подумать, что она позирует для документа. Слегка дрожа, я направил на нее свой аппарат. Остальные животные компактной группой держались за ней.

Хотя в Оксфорде нас предупреждали, что нельзя толковать поведение животного с позиций человека, я не мог не удариться в антропоморфизм. Эта самка так напоминала величественную и надменную воительницу, что я нарек ее Боадицеей — по имени королевы бриттов, «с чертами суровыми и несгибаемой волей», которая до самой трагической гибели вела народ на борьбу с римским засильем.

До гостиницы я добрался в сумерках, крайне довольный своим фотографическим уловом. Вези целый день изучал графики растительности, а наши повара объединили свои усилия, готовя нам рагу из свиной колбасы и бычьих хвостов.

Я сообщил Вези о своих планах проследить за перемещениями уже знакомых слонов. Он посоветовал мне делать карандашные наброски. Я возразил, что многие слоны отличались друг от друга мельчайшими деталями, а посему фотография представлялась лучшим средством фиксации этих деталей. Вези заметил, что крайне трудно делать одновременно заметки и фотографии, зато рисунки, хотя и не гарантируют абсолютной точности, постепенно приведут к опознанию каждого слона.

Вези проповедовал метод «последовательного приближения». Он подсмеивался над молодыми учеными,

стремившимися во что бы то ни стало сразу получить точные количественные данные. Наилучший способ поиска истины в Африке состоял, по его мнению, в отказе от крайних гипотез и подходе к сути проблемы с помощью непогрешимого метода «последовательного приближения». Это был реалистический путь, но я решил доказать на примере маньярских слонов его неправоту. Мне хотелось получить точные данные сразу.

Во время обеда Вези вдруг вспомнил, что в лагерь приглашенных в парк важных персон забежал потерявшийся слоненок. Я чуть не выпрыгнул из кресла.

— Как? И вы только сейчас сообщаете мне об этом! Знай я раньше, я привел бы его сюда!

Я мечтал вырастить брошенного слоненка, ибо нет лучшего средства познать вид животных, чем изо дня в день наблюдать за жизнью одного из его представителей.

Я обходил лагерь важных персон стороной, полагая, что они предпочитают наслаждаться парками и дикой природой без непрошенных визитеров. Поэтому и прозевал появление слоненка, ворвавшегося в их лагерь, когда там разбивали палатки. Одинокий, растерявшийся слоненок, еще слишком юный, чтобы бояться людей, подошел к первому же человеческому существу — им оказалась девочка, — прижался к ней и уже ни на шаг не отходил от нее. Джон Оуэн, опасаясь, как бы раздраженная мать, ищущая своего отпрыска, не растоптала гостей, приказал зрителям прогнать слоненка из лагеря. Вези добавил, что в последний раз малышка видели в кустарнике неподалеку от лагеря.

Ночь стояла безлунная, и в таких условиях поиск слоненка был бессмыслен; наутро, с восходом солнца, я явился в лагерь, где готовились к завтраку. Никто не знал, куда делся слоненок. Я объяснил им, что малыш не выживет, если не найдет мать, которой, возможно, нет в живых. Я сел в машину и объехал ближайшие окрестности, но так ничего и не заметил.

Внезапно я наткнулся на главной дороге на большое стадо слонов во главе с грозно ревущими, раздраженными самками. Они припустились в погоню. Одна старая слониха бросилась на «лендровер», угрожая бивнями. Я поехал быстрее, чтобы остаться вне пределов ее досягаемости. Одно мгновение казалось, что она вот-вот

вопзит бивни в заднюю дверцу, но она почувствовала тщетность своих усилий и остановилась.

Вернувшись в лагерь, я узнал от зрителей, что ночью слышались крики слоненка и громкое рычание. Я попросил их показать место, откуда они доносились, но мысль о прогулке через густой кустарник их не привлекала. Я отправился в указанном направлении один.

Мой путь был недолог. Обогнув куст, я вдруг оказался лицом к лицу с громадным черногривым львом, восседавшим на останках слоненка. Он весь подобрался и бросил на меня поверх добычи яростный взгляд. Его мышцы подрагивали, потом из груди вырвалось «вуф», он отпрянул в сторону и исчез.

Судя по прочитанным книгам, это была, пожалуй, самая опасная ситуация, которая может случиться в африканских джунглях! Мне еще не доводилось сталкиваться лицом к лицу со львом, пожирающим добычу. Я потихоньку ретировался, не дожидаясь возвращения хищника. Львы при всей их немногочисленности играли важную роль в Маньяре, и я рассчитывал позднее заняться их изучением. Этого крупного льва зрители называли Думе Кубва (Большой Самец). Он был самым крупным в парке. В северной части парка жило два взрослых самца. Обычно Думе Кубву можно было найти на дереве, где он возлежал на слегка наклоненном суку так, что его набитое брюхо свешивалось по обе стороны ветви. Думе Кубва часто появлялся в сопровождении другого самца, довольно жалкого создания с небольшой красноватой гривой. Вскоре после гибели слоненка последнему пришлось выдержать жестокий бой с буйволом. На другой день после схватки я увидел его с глубокой раной под правым глазом. Рана воспалилась, и этот глаз ослеп. Зрители прозвали его Чонго, что на суахили означает Одноглазый.

Итак, Думе Кубва воспользовался благоприятным случаем. Интересно, приходилось ли ему уже лакомиться слонятами и какая часть молодняка погибала от львов: во всех встреченных мною стадах слонят всегда защищал мощный щит из бдительных самок.

Смерть слоненка расстроила меня. Такое случается не часто, и у меня вряд ли появится другая возможность взять слоненка на воспитание. Однако горести вскоре рассеялись; я заметил метрах в двухстах гро-

маднейшего слона, направлявшегося к лесу. Его спина как бы плыла над кустарником, скрывавшим остальное тело. У меня с собой был фотоаппарат с длиннофокусным объективом. Я выскользнул из машины в надежде перехватить его. Слон не спешил, но решительно направлялся в сторону раздающегося в отдалении треска ломающихся веток и рева сородичей. Его серая спина, видневшаяся над кустарником, указывала путь. Наконец он остановился и принялся пускать в воздух высокие пылевые фонтаны. Я осторожно обошел его и очутился спереди, стараясь не оказаться с подветренной стороны. Здесь явно проходила слоновья тропа. Заметив подходящее дерево, я вскарабкался на него и стал ждать. Вскоре послышался треск веток и шелест травы о бока идущего ко мне животного. Потом слон опять остановился. Я видел лишь один бивень, но вот слон качнул головой и появился второй. Он был сломан, виднелся поврежденный нервный канал. Когда самец двинулся дальше, я обратил внимание на его левое разорванное ухо. Никаких сомнений: передо мной Циклоп, старый слон со сломанным бивнем, с которым мы впервые встретились в устье Ндалы.

Он прошел прямо под деревом и исчез в лесу, не заметив меня. Слон оказался выше, чем я думал, — почти 3,70 метра. Заметь он меня, ему ничего не стоило дотянуться хоботом до моей персоны. Впервые мне довелось встретиться со знакомым слоном. Теперь-то я узнаю его и с фотографией и без оной!

Первые две недели я, не переставая искать слонов, выбирал место для разбивки лагеря. Хотелось найти уединенный уголок с прохладной питьевой водой, речкой для купания, прекрасным видом, изобилием животных в окрестностях и малым количеством насекомых. Я осмотрел несколько мест, но ни одно из них полностью не отвечало моим требованиям.

Однажды в поисках слонов я очутился в устье Ндалы. Я добрался туда в разгар дневного пекла, чуть раньше времени, когда на пляже появляются слоны, и решил подняться по руслу пересохшей реки до обрыва. Все замерло в раскаленном безмолвии, только мы со зрителем шли вперед, почти ослепнув от сверкания песка. И вдруг за поворотом речки слуха коснулась тихая музыка, я посмотрел в сторону обрыва и увидел

тонкую серебристую нить водопада, устремлявшегося с отвесной скалы в каменистую расщелину. Чуть дальше появились водяные растения. И, наконец, я достиг места, где речка исчезала в песке. Широкая звериная тропа, пробитая множеством животных, проходила между скалами прямо к водоему, куда скатывался водопад. Виднелись четкие следы львов, посорогов и буйволов, но в основном следы принадлежали слонам. Вода была чистой и казалась прохладной. Смотритель подошел к водоемчику меж скал и стал пить.

— *Маджи мазури сана* (Очень хорошая вода), — сказал он.

Над водоемом высился скалистый берег, и, к неописуемой радости, я заметил раскидистые кроны нескольких акаций тортилис, бросавшие тень на плоскую площадку — идеальное место для лагеря. Деревья посадили следы почесываний посорога. То был нетронутый уголок Африки, и я решил как можно быстрее устроиться здесь.

Лагерь посреди парка станет отличным центром, надо только проторить автомобильную дорогу. Обратномы шли через светлый лес акаций, шатром укрывавших землю. Через десять минут мы уже оказались у тропы, а еще через двадцать минут — у машины.

На следующий день я вернулся туда в сопровождении моего друга Алана Рута, кинооператора-анималиста. На его «лендровере» мы пробили дорожку между деревьями до самого водопада. Хранитель парка Джопатан Муганга выделил нам несколько дорожных рабочих для вырубki кустарника, и некоторое время спустя там появилась сносная дорога. Вместе с Аланом мы вскарабкались на скалу, с которой низвергался водопад, и добрались до маленькой песчаной площадки. «Ну, старина, какой вид!» — воскликнул он.

Мы стояли над деревьями, слева открывалась вся северная часть парка, прямо под нами бесконечным ковром стелились кроны акаций, а за ними сверкала гладь озера. По другую сторону вздымался морщинистый массив горы Эссимингор.

О лучшем месте нельзя и мечтать: туристов нет, слонов много, вода в изобилии.

Строительство лагеря и составление фототеки слонов проходили одновременно. Плац дома был чрезвы-

чайно прост: две просторные рондавеллы, соединенные верандой под соломенной крышей. Одна рондавелла предназначалась для лаборатории, другая служила рабочим кабинетом. Веранда между ними была жилой частью. Я вместе с бригадой рабочих, каменщиков и столяров приступил к строительству. Старенький «лендровер» кашлял и задыхался, таская песок и камни с реки, и однажды надорвался — сломалась задняя ось. Джонатан Муганга опять выручил меня, дав грузовик для перевозки стройматериалов. Мало-помалу кучи песка и камня росли, а стены с каждым днем становились все выше и выше. Я покинул гостиницу и устроил штаб в просторной палатке «а ля Маньяра», откуда мог руководить стройкой и вживаться в страну слопов.

Русло реки Ндала оказалось превосходным местом для наблюдения. Обширные водоемы, круглый год полные воды, находились как раз посередине между барьером, перекрывавшим путь животным, на юге и деревней Мто-ва-Мбу на севере. Лагерь лежал неподалеку от сужения между озером и обрывом — в месте самого доступного водопоя. Таким образом, в поле зрения попадали слоны, двигавшиеся и к северу и к югу.

Часто, бросив взгляд на реку, я видел колонну слонов, идущих вдоль берега к песчаным отмелям. Это позволяло проверять знакомых животных, и я надеялся, что вскоре количество неизвестных мне особей сойдет к нулю. Когда я поселюсь здесь, можно быть уверенным, что рано или поздно произойдет знакомство почти со всеми слонами, живущими в Маньяре.

Много забот вызывала проблема определения возраста слонов. Не зная даже примерно возраст каждой отдельной особи, невозможно представить скорость их размножения. К примеру, как определить, какого слоненка я вижу — годовалого или двухлетку? Следовало провести оценку различных возрастных групп популяции. Повышенный процент молодых животных — свидетельство нормального функционирования цикла размножения.

У водоемов Ндалы я видел слонят всех размеров; на первый взгляд их было очень много. Но такие наблюдения не имеют никакой ценности, если не знать, сколько времени понадобилось им, чтобы достичь своего роста. Охотники, проходившие через парк, утверждали, что

слоны живут до ста лет и более. По их словам, возраст легко определить по складкам кожи. Кроме подобных малоубедительных указаний, другой информации о возрасте диких африканских слонов не существовало.

По счастью, когда я начинал исследования в Маньяре, на крупнейшее земное млекопитающее — африканского слона — обратил внимание доктор Ричард Лоуз, ученый, широко известный своими работами по китам. Он был директором Наффилдского центра по изучению экологии тропических животных в Уганде. Его основной исследовательской территорией служил национальный парк Мерчисон-Фолс (ныне переименованный в Кабалегу). Любое серьезное изучение экологии вида начинается с выработки надежного индекса для определения возраста животных, и он занялся этим.

Я попросил у Джона Оуэна «лендровер» для поездки в Уганду и спустя сутки прибыл в Кампалу, пересек город и добрался до кафедры зоологии УниверситетаMakerере. Мне посчастливилось: Лоуз находился там и готовился к лекции.

Несмотря на чрезвычайную загруженность, доктор Лоуз уделил мне час. Я внимательно выслушал его сжатый рассказ о превосходной программе исследований, которую он уже начал воплощать в жизнь. Доктор Лоуз говорил о проблемах слонов Кабалеги — масштабы парка были несравнимы с Маньярой, подробно остановился на методе определения возраста слонов на основе изучения их трупов и особого строения зубов и их развития. Лоуз собрал 385 нижних челюстей как со скелетов, так и с животных, убитых ради научных целей.

У слона с каждой стороны верхней и нижней челюстей имеется по шесть зубов, то есть всего 24 зуба. Они прорезаются и сменяют друг друга в определенные сроки. Слон пользуется только двумя зубами из каждых шести. Зубы растут в задней части челюсти и постепенно сдвигаются вперед, заменяя изношенные, которые в конце концов выпадают. При рождении формируются лишь три первых зуба. Их легко узнать по малым размерам, «волнистой», более тонкой эмали и относительно хрупкому строению. Первый зуб, едва превышающий по размеру человеческий зуб мудрости, выпадает к концу первого года. Нагрузка переходит на второй коренной зуб, который служит животному до четырех лет. Затем

он выпадает и уступает место третьему коренному зубу. К концу жизни легко различить шестой коренной зуб, ибо за ним в деснах других зубов нет, а костная альвеола сплющивается и затвердевает. Труднее всего определить четвертый и пятый коренные зубы. Но после тщательнейших замеров и нанесения на график длины и ширины всех зубов Лоуз заметил, что точки кривой образуют шесть характерных групп, соответствующих шести зубам.

После идентификации всех зубов, от первого коренного до последнего, он смог классифицировать свою коллекцию челюстей, получив тридцать возрастных категорий, которые представляли собой последовательные этапы старения. Однако по классификации Лоуза еще нельзя было установить точный возраст слонов, ибо процент изученных животных с известным возрастом был невелик; кроме того, большинство последних жили в неволе и, конечно, отличались от своих свободных собратьев.

Для определения возраста каждой категории необходимо установить примерный срок жизни животных. Согласно данным, полученным при наблюдении за живущими в неволе африканскими и азиатскими слонами, они живут 60—70 лет. Исходя из этого, прикинули сроки развития зубов и время перехода слонов из одной категории в другую.

Здесь Лоузу помогли сезонные отложения дентина и цемента на корнях зубов. Исследование под микроскопом срезов зубов позволило ему подсчитать количество отложений, подобно тому как считают годовые кольца дерева. Эта техника, отработанная им на китах, оказалась эффективной для определения их возраста. У слонов отложения не имели столь четких границ; однако они послужили некой отправной точкой для установления среднего возраста каждой из 30 категорий.

Как раз когда Лоуз предложил свой метод определения возраста путем изучения зубов, в Лондонском зоопарке умерла слониха Дикси. Было известно, что ей 27 лет. По индексу Лоуза ее возраст равнялся 28 годам, что было достаточно точным совпадением.

Следующая стадия состояла в корреляции между возрастом, определенным по зубам, и ростом животного. Отстрел животных позволил провести замеры. Лоуз вы-

чертил кривую роста слонов на уровне плеча для каждой возрастной категории. Точки кривой располагались близко друг от друга, чтобы достаточно точно проследить за ростом слона в первые пятнадцать лет. Лоуз разработал и примерную шкалу роста, измеряя молодых слонов, стоящих рядом со взрослой самкой среднего роста в 2,56 метра. Новорожденный слоненок имеет рост в среднем 0,85 метра, а в год он как раз встает между передними ногами матери.

Я обрадовался полученным сведениям, которые должны были стать существенным подспорьем в исследованиях. Лоузу пришлось отстрелять много слонов, чтобы добыть эти сведения, но иначе было нельзя. Благодаря ему зоологи имели теперь стандартную систему для сравнения различных популяций слонов. С тех пор, насколько я знаю, она использовалась во всех программах по изучению африканских слонов.

Лоуз коснулся такого множества вопросов экологического порядка, что мне захотелось посетить национальный парк Кабалегга на севере Уганды и воочию понаблюдать слонов и их влияние на среду обитания. После разговора с Лоузом голова моя казалась набитой новыми фактами и цифрами.

Полдня пути на север привели меня к границам парка. Миновав въездные ворота, еду по нескончаемым голым равнинам, где некогда росли разреженные леса терминалии (*Terminalia*). Обманчиво-зеленая саванна казалось способна досыта накормить стада слонов, рассыпанные по ней, словно горстки гальки.

По сравнению с Маньярой здесь было мало малышей. Неужели жесткая трава *Hyparrhenia* выжила терминалию с ее густой листвой и тенью? Только кое-где торчали иссохшие скелеты деревьев — все, что осталось от обширных лесов, покрывавших в свое время северную часть Буньоро. Слоны постоянно обдирали кору со стволов деревьев, лишая их жизненных соков. Сгнив, стволы падают на землю и ложатся рядом со своими собратьями и в конце концов сгорают вместе с кустарником в пламени пожаров, которые каждый год проносятся по высокотравной саванне. Эти два разрушительных фактора — слоны и огонь — ставили под сомнение возможный возврат к древесной саванне.

История угандийских слонов с давних времен пере-

плелась с историей человека. Подвергшиеся нещадному уничтожению охотниками за слоновой костью, они получили короткую передышку на заре века, когда на людей обрушилась сонная болезнь. Правительство переселило людей в районы, где не было кустарника, а следовательно, и переносчика болезни — мухи цеце. Одновременно был принят суровый закон против охотников за слоновой костью. Но вскоре человек снова принялся уничтожать слонов, на этот раз защищая свои посе­вы. По мере роста населения и постепенной колонизации диких, необитаемых районов слонов лишали права бродить, где им вздумается, по океану лесов и саванне, некогда покинутых человеком из-за сонной болезни. Маршруты их перемещений перекрыли, многие районы закрыли вообще, пути миграции перерезали. Стада слонов оказались в изоляции друг от друга. В конце концов некогда вездесущим угандийским слонам была оставлена территория, равная по площади двадцатой части их бывших владений. Общее количество животных неуклонно сокращалось — правда, медленнее, чем уменьшалась их территория. В результате их неутолимый аппетит обрек на исчезновение без всякой надежды на восстановление терминалию глауцесценс (*T. glaucescens*), раньше широко распространенную на севере Бульоро.

По дороге к Ни­лу, который делит парк на восточную и западную части, я раздумывал о потрясающей реакции слонов — мне рассказал о ней Лоуз — на сокращение размеров среды обитания.

Изучая слоних, убитых с целью определить, беременны они или нет, он пришел к заключению, что уровень рождаемости падает и что, несмотря на приход новых слонов извне, популяция животных постепенно сокращается. Самки достигают половой зрелости позже. Да и в возрастных категориях наблюдается тревожный дефицит молодых животных, а это говорит о повышенной смертности или о сокращении рождаемости.

Какова причина этого? Может, отсутствие съедобных деревьев? Или фактор, присущий плотности популяции? Лоуз находился в нерешительности и горел желанием проверить, могут ли социальные причины оказывать влияние на размножение, ведь это вопрос жизни или смерти. Если будет доказано, что слоны сами могут

регулировать плотность популяции, то теоретически можно избежать *кроппинга*, т. е. систематического отстрела целых стад животных ради научных целей.

Я перебрался через Нил в Параа. Этот уродливый поселок в центре парка буквально вылез из-под земли вокруг мастерских и домиков для туристов.

Мне надо было попасть на север, в лагерь Иэна Паркера. Там я впервые понял по-настоящему, что такое кроппинг слонов в исследовательских целях. С гостеприимством, характерным для Восточной Африки, Паркер, не знавший меня и даже никогда обо мне не слышавший, встретил меня с распростертыми объятиями и предоставил стол и кров. Пока мы лакомились бифштексом из гиппопотама, он объяснял мне свою концепцию охраны диких животных. Паркер не только признавал необходимость кроппинга, но и считал, что любой человек, занимающийся охраной зверей, должен иметь мужество глядеть правде в глаза. Работа была грязной и отвратительной, но тот, чья профессия — сохранение вида, не должен отказываться от нее. Паркер сначала работал в департаменте вод и лесов Кении и занимался там защитой посевов от слонов, а затем возглавил программу кроппинга в Вальянгулу.

Паркер, решив, что лишь частное предприятие может справиться с такими операциями, уволился из департамента вод и лесов и основал со своими кенийскими друзьями собственную компанию «Уайлдлайф Сервис». Концессия на кроппинг слонов в перенаселенном парке Кабалега стала его первым крупным контрактом. Под научным руководством Лоуза он способствовал получению необходимого исследовательского материала, делая при этом весьма неплохой бизнес.

Его метод отстрела покоился на давно известной реакции слонов на огнестрельное оружие. Прирученные стада слонов парка представляли собой легкую добычу. Тихо подобравшись к группе, охотники начинали ломать ветки, стучать в металлические предметы, громко кашлять. Услышав шум и почуяв присутствие чужаков, слоны сходились вместе, матери образовывали защитное кольцо, повернувшись головами наружу, а их отпрыски прятались меж ног или позади массивных тел. Охотники выстраивались полукругом перед плотной массой животных и открывали огонь из полуавтомати-

ческого оружия. Вначале уничтожали самых крупных самок; после этого молодые слоны в ужасе начинали кружиться на месте, не покидая своих мертвых защитниц. Охотники быстро уничтожали остальных. На отстрел группы из десяти слонов уходило не более полминуты. В живых не оставляли никого, и потому весть о гибели стада не доходила до других групп. Лишь иногда щадили слонят в возрасте от трех до семи лет, достаточно взрослых, чтобы обойтись без материнского молока, но слишком маленьких для продажи в зоопарк.

Так было уничтожено около 2000 слонов. Их тела были использованы с максимальной пользой. Лоуз и Паркер тут же приступали к работе над убитыми животными. Начинали со вскрытия. Извлекались яичники самок, тестикулы самцов, из которых добывали семенную жидкость: проводился контроль жизнеспособности сперматозоидов. Если они яростно извивались, значит, самец был готов к размножению. Для последующего изучения отбирались нижние челюсти; измерялись рост животного на уровне плеча, а также длина тела для установления взаимосвязи размеров с возрастом.

На основе всего этого материала Лоуз определил возраст, когда слоны обоих полов достигали зрелости. Кроме всего прочего изучалась матка каждой самки, чтобы определить количество шрамов, оставшихся от имплантации зародышей. Эта информация позволяла оценить, сколько слонят могла произвести на свет одна самка. Определив возраст всех животных, Лоуз мог с точностью установить возможные родственные связи между особями группы.

Практически ничего от убитых животных не пропадало даром. Мясо продавалось жителям в окрестностях парка, из слоновьих ног изготовлялись столбы для зонтов, кожа и дубленые уши тоже находили применение. Ну а самый драгоценный трофей — слоновая кость — всегда пользовался спросом.

Иэн Паркер платил парку 5 фунтов за голову слона. Раньше никто не зарабатывал денег, продавая останки слонов, но раз такая возможность представилась, он решил не упускать ее и преуспел в этом деле. На доходы с предприятия Паркер приобрел самолет «Чесна-185». Его фюзеляж был окрашен в черный цвет, а концы крыльев — в ярко-оранжевый. Используя методы исчер-

пывающего исследования, Паркер надеялся изменить порядок вещей в области охраны животных. Он считал необходимым подавлять в себе всяческие эмоции, имея дело с громадным количеством животных, и рассматривать их лишь как один из природных ресурсов. По его мнению, следовало эксплуатировать данное природное богатство с наибольшей рентабельностью, развивая туризм, кроппинг и спортивную охоту. А в тех районах, где животные мешали росту населения и их присутствие становилось нежелательным, следовало вводить программы отстрела и получать максимальную прибыль.

Покинув на следующий день его лагерь, я отправился в обратный путь, домой, к озеру Маньяра. По дороге у меня было о чем подумать. Я совершенно не разделял теории Паркера о несовместимости чувств и правильной политики управления национальными парками именно потому, что парки были обязаны своим появлением как раз миру эмоций.

Однако в поездке я получил одну из ценнейших информации для своих будущих исследований: для определения примерного возраста слона достаточно знать его высоту на уровне плеча. Следовательно, мне оставалось только разработать метод измерения слонов на расстоянии, а зная возраст каждой особи, я мог проверить, каким образом популяция слонов Маньяры реагировала на изменение окружающей среды.

Но самым важным из полученных мною сведений, несомненно, оказался тот факт, что у большинства слонов Кабалеги снизился уровень рождаемости, а стало быть, вскоре должно последовать и уменьшение их численности. Произойдет ли подобное с маньярскими слонами, чья плотность еще выше? Если да, то какова причина снижения рождаемости? Изменение среды, вызванное постоянным сокращением числа деревьев, дающих пищу и тень, или социальные последствия перенаселения?

Маньяра должна была дать ответ, ибо, несмотря на необычайную плотность толстокожих, здесь пока не наблюдалось нехватки пищи, тени и воды. Следовало изучить основные структуры социальной организации слонов, а затем выяснить, как плотность влияет на их внутривидовые связи.

НЕРУШИМОЕ СЕМЕЙСТВО

Когда я вернулся в Маньяру, полили дожди. Кончились приятные завтраки под ласковым утренним солнышком. Большую часть дня над парком ползли темно-серые тучи, а вздувшаяся Ндала шумела своими красными водами.

Слоны во множестве бродили в окрестностях, но, чтобы загнать их в горы, на сухие земли, как это случилось в прошлые годы, дождей было мало.

Как только выросли стены дома и появилась крыша, я перебрался в него, с радостью покинув протекавшую палатку. Стены внутри были побелены, и вскоре под крышей поселились ящерицы-гекконы, неутомимые охотники за мухами. Два стола, письменный и обеденный, несколько стульев и кровать — вот и вся моя бесхитростная обстановка.

Я организовал патрулирование всех зон парка. С каждым днем рос список знакомых слонов. Одновременно опробовались различные средства измерения роста слонов и определения их возраста. Каков состав стабильной группы слонов? Первым делом следовало ответить на этот вопрос. Получив ответ, можно было уже изучать, как эти «кирпичики» социальной организации взаимосвязаны в условиях перенаселенности Маньяры и каково, в свою очередь, влияние социального поведения животных на их популяцию. Еще в 1961 году американский ученый Ирвин Басс высказал мысль, что слоны объединяются в семейные группы из самок-родственниц и их отпрысков, но пока никому не удалось доказать стабильность таких групп.

Группы обычно состояли из нескольких самок с эскортом малышей, но они то паслись вместе, то разбредались, смешиваясь с другими группами, и невозможно было определить, где кончалась одна и начиналась другая. Самые крупные группы насчитывали по 80—100 слонов — редкие самцы по краям, самки и малыши в центре, но такие стада сбивались всего на несколько часов, затем они распадалась на множество мелких групп.

После первых наблюдений я задался вопросом, есть

ли вообще у слонов социальная организация, или каждый слон бродит сам по себе, лишь время от времени присоединяясь к сородичам, встреченным по дороге.

Постепенно я составил схему их перемещений и узнал их любимые места, а также определил лучшее время для наблюдений. Рано утром я отправлялся на машине вдоль обрыва и внимательно разглядывал крутые склоны, где обычно ночью кормились слоны; только здесь росли их излюбленные растения.

Когда начинали пригревать первые лучи солнца, слоны размеренным шагом спускались по откосу и скрывались в разреженном лесу акаций тортились, прежде чем солнце начинало невыносимо припекать. Если небо затягивали тучи, они, случалось, оставались на месте, ожидая просветления. Слоны то исчезали, то появлялись в туннелях среди опутавшей склопы зелени. Крутизна склопов не пугала их. Пользуясь хоботом, они ощупывали сомнительные места, пробовали ногой, тверда ли почва, и шаг за шагом медленно и осторожно продвигались вперед. Такая частичная видимость заставляла меня выжидать момента, когда они спустятся с откоса, чтобы попытаться опознать какую-либо группу. Но представление о слитности группы все же имелось, ибо они общались между собой, издавая глубокий рев, эхом разносившийся по окрестностям. Контакт между отдельными группами поддерживался именно таким способом.

Ниже, в разреженном лесу, слоны устроили под деревьями пылевые ванны, где отдыхали во время сильной жары. Они появлялись там один за другим, каждая самка в сопровождении своих детенышей. На одной из таких пылевых площадок я и встретил снова Боадицею. Это произошло примерно через месяц после нашей первой встречи на пляже. Забравшись на самые верхние ветки соседнего дерева, я смог спокойно наблюдать за ее утренней сиестой.

Справа держалась еще одна крупная слопиха, чьи толстые бивни почти сходились, за ней по пятам следовали два слоненка. У одного имелся нарост на голове, у другого — на хоботе. Другая самка, чуть меньше, также имела сходящиеся бивни, но более тонкие и острые. Ее левое ухо было разодрано, и разрыв напоминал формой Суэцкий залив. Еще одну самку с очень загнутыми

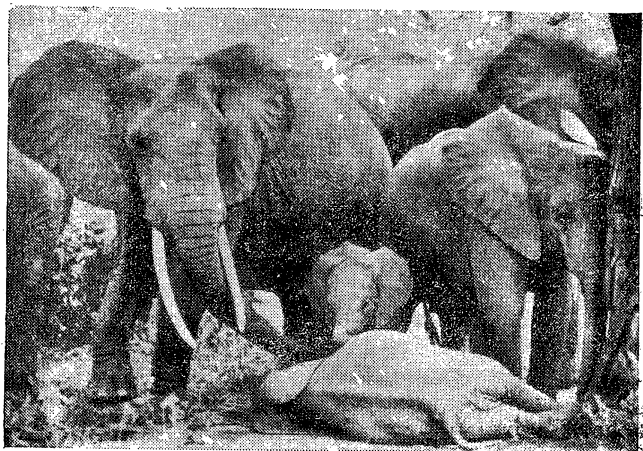
бивнями я назвал Закорючкой, а самку с одним-единственным бивнем нарек Вирго. Именно их я видел всех вместе на пляже. Я заново сфотографировал их — они неподвижно застыли с полузакрытыми глазами и безжизненно висящим или переброшенным через бивень хоботом. Животных было 22, а на пляже — 40.

Неподалеку слышался шум другой группы. Я соскользнул вниз по стволу и выбрал более удобный наблюдательный пункт на развилке двух толстых сучьев под сводом зелени. Пожелай Боадицея сделать несколько шагов в моем направлении, она могла бы достать меня хоботом. Но она не подозревала о присутствии человека. С нового места открылся прекрасный вид во все стороны.

Метрах в ста под большим деревом расположилась другая мать семейства с длинными белыми бивнями, изящно загнутыми внутрь. Ее бивни были длиннее, по форме напоминали бивни Боадицея. Уши были сравнительно целыми, а виски — впалыми. То был самый великолепный экземпляр слона, который мне доводилось видеть до сих пор, я помнил, что по пляжу они разгуливали вместе. Я решил назвать ее Леонорой. Вокруг нее сформировалась четкая группа. Я тщательно рассматривал животных, чтобы сравнить их с уже сделанными фотографиями. И, конечно, рядом с Леонорой увидел ту же самочку по прозвищу Тонкий Бивень и еще одну юную слониху с широким V-образным разрывом на левом ухе. Почти все утро ушло на детальное разглядывание девяти членов этой семьи, и счастье на этот раз оказалось на моей стороне. Ветер дул в нужном направлении — с юго-востока к озеру, и я смог беспрепятственно обойти семью Боадицея, никого не потревожив.

Еще под одним деревом, метрах в двухстах от Боадицея, я наткнулся на третью группу слонов. В ней были два слона с одним бивнем, замеченные мною еще на пляже. С возрастающим нетерпением я пересчитал эту семью. Девять. Всего в семействе было 40 слонов, и среди них самки, чей характерный вид поразил меня. Разница состояла лишь в том, что сообщество разделилось на три четкие семьи. Напрашивался вывод: группы были стабильными.

Союзы слонов, подмеченные мною, оказались типич-



Семейная система

ными. Иногда Боадица возглавляла большое стадо из 40 голов, но чаще оно распадалось на три четкие семьи, во главе которых соответственно стояли Боадица, старая Леонора и самая крупная слониха с одним бивнем — Джезабель. Каждая отдельная семья оставалась стабильной, ибо опиралась на родственные связи. Все три семьи обычно паслись в нескольких сотнях метров друг от друга. Думаю, они образовывали стадо из животных-родственников. Это было семейное сообщество Боадицы.

В последующие месяцы 1966 года мне удалось установить, что подобная социальная структура на основе семейных групп действовала и в других сообществах самок и слонят, живущих в парке. Всего насчитывалось 48 сообществ. Каждая семья состоит в среднем из десяти особей и обычно входит в более крупные сообщества животных, объединенные родственными связями. Семьи, составляющие сообщество, могут на несколько дней разойтись по разным концам парка, но потом они вновь сходятся и объединяются.

Это открытие весьма удивило меня, ибо если до сих пор и предполагалось наличие стабильных семей из самок и малышей, то более многочисленные стада рассматривались как случайное объединение семей. Мои

наблюдения послужили первым доказательством стабильности упомянутых выше групп и показали наличие куда более развитых и прочных родственных связей, чем считалось раньше.

Самым крупным семейным сообществом было сообщество Боадицеи. Я наблюдал за его жизнью 314 раз в период с 1966 по 1970 год. Перед моим отъездом в сообществе насчитывалось 50 членов. Судя по размеру группы, родственные связи в ней поддерживались не менее ста лет, а то и больше.

Многие молодые самки уже имели детей, но упрямо продолжали следовать за своей старой матерью, которая по-прежнему приносила слонят.

У меня не было никакой возможности определить возраст Боадицеи — ведь слоны растут всю жизнь, хотя с 30 до 60 лет их рост остается почти неизменным. Разница колеблется в пределах 10 сантиметров. Кроме того, одни слоны крупнее, а другие — мельче. Боадицея имела самые крупные бивни из всех самок парка, и я считал, что ей 45—50 лет. Но она еще могла рожать, и за ней по пятам бегал малыш. Она находилась в прекрасной форме: красивая линия спины и бедер — ни впалостей, ни торчащих костей, обычно характерных для старых животных.

Поведение слонов различно. Например, Боадицея, глава семейства, была довольно агрессивна, а член того же семейства Вирго, слониха с одним бивнем, — ласкова и любопытна.

Впервые характер Вирго проявился в тот день, когда я встретил семейство Боадицеи рядом с лагерем в разреженном лесу. Все три семьи расположились неподалеку друг от друга под тремя деревьями. Вирго и ее величественную подругу Закорючку сопровождали шесть разнокалиберных слонят. Закорючка тронулась вперед, и Вирго со слонятами последовали за ней. Они вышли из тени, пересекли заросшую травой лужайку и затрусили к болотцу, где стояла моя машина. Слонята выбежали на берег, но в тот момент, когда готовились нырнуть в прохладную грязь, заметили неподвижный автомобиль и почуяли запах человека. Закорючка распустила уши и осторожно увела слонят в сторону.

Вирго нерешительно застыла около болотца, размазав хоботом, покачивая головой из стороны в сторону

и пристально глядя на «лендровер». Слононок позади нее поднял голову, вытянул хобот и стал принюхиваться к подозрительному запаху, который доносил до него ветерок. Вирго колебалась: ей хотелось и подойти поближе из любопытства, и потихоньку ретироваться, как другие. В конце концов она решилась и осторожно двинулась к «лендроверу». Вирго наполовину распустила уши, а ее хобот то вытягивался с любопытством в мою сторону, то прятался под брюхом.

Я замер в восхищении. Еще ни разу мне не доводилось видеть волосяной покров вокруг челюстей и ощущать горячий слоновий дух, который густыми волнами доносил до меня ветер. Вирго медленно, но решительно приближалась и остановилась в двух шагах от меня.

Ее поведение разительно отличалось от страшно угрожающей манеры Боадицеи. Вирго, казалось, пожирало любопытство: что за металлический зверь вторгся в ее мир? Мне было интересно, до какого предела может пойти ее терпение и допустит ли она, чтобы я приблизился к ней, ведь человек убивал ее сородичей не одно столетие. Мысль свободно приближаться к слонам без машины, не вызывая их раздражения, буквально не давала мне покоя, но, по правде говоря, казалась неосуществимой.

Еще одна слониха, Жизель, не уступала по размерам Боадицеи и происходила, по-видимому, от того же далекого матриарха².

В первый год работы я насчитал в семье Боадицеи шесть самок, достигших половой зрелости, и четырнадцать их отпрысков. Совсем маленькие слонята буквально липли к своим матерям. Малыши постарше с зачатками бивней, больше похожих на зубочистки, были тоже привязаны к матерям. Но когда ростом они становились в половину взрослого животного, определить их мать было чрезвычайно трудно.

Когда я начал пользоваться методом Лоуза для определения возраста слонят (сравнивая рост слоненка на уровне плеча с ростом матери), то возрастные кате-

² Этот неологизм уже давно следует пустить в научный обиход.— *Примеч. авт.*

гории малышей дали довольно точные данные об относительной плодовитости самок. Однако меня заинтриговал тот факт, что, несмотря на большое количество слонят в возрасте от одного года до трех лет, в первый год моих наблюдений не родилось ни одного слоненка. Я тут же подверг сомнению правильность определения возраста малышей и принялся искать более точный способ.

Сначала я прибег к простейшему методу. Я выкрасил бамбуковый шест черными и белыми полосами шириной 10 сантиметров и стал возить его с собой в «лендровере». Для измерения роста следовало заставить слона на открытой местности, чтобы хорошо были видны пога и лопатка, и сделать снимок. Когда «объект» удалялся, Мходжа брал шест и устанавливал его в след ноги. Я делал снимок, который служил масштабом первого. Метод был прост, точен и дешев. Но, увы, применим лишь к самцам-одиночкам. Он не помогал при съемке сбившихся в кучу самок с детьми: их следы накладывались друг на друга. Проблема долго мучила меня, но в конце концов решение нашлось.

Однажды будучи в Дар-эс-Саламе, я отправился на поиски старых аэрофотоснимков озера Маньяра. В отделении Топографической службы мне встретился один канадец-лесовед, специалист по фотограмметрии — науке, позволяющей определять размеры объектов по фотографиям. Он посвятил меня в тайны расшифровки снимков. Лесоведы с давних пор используют стереоаэрофотосъемку деревьев. Подобные рельефные снимки Маньяры оказались просто чудесными: обрыв выглядел как наяву, а крона каждого дерева смотрелась, словно отдельный гриб. Канадец измерял малейшие параллаксы на увеличенных снимках разного периода и рассчитывал по ним высоту деревьев. Его тоже интересовали вопросы роста.

Внезапно меня осенило, что, приспособив принцип стереофотографии к наземным условиям, я получу возможность измерять рост слонов! Простейшие законы геометрии позволяли высчитать, что хорошие стереоснимки я получу, использовав два зеркала и одну посеребренную прямоугольную призму. Я взял два длинных стержня с зеркалами на концах и призмой посредине для отражения световых лучей в фотоаппарат, ук-

репленный на Т-образной металлической ноге. Теперь в мой объектив попадало sdвоенное изображение снятого объекта.

Расчет был прост. Он основывался на двух замерах снимка: определялось расхождение между двумя изображениями-близнецами слона, и таким образом получался его рост. Я проводил эти замеры, вернувшись в Оксфорд, в отделе ядерной физики, на чудесном аппарате, называемом «машиной для измерения траекторий в пузырьковой камере». Ее истинное назначение осталось для меня тайной, но с ее помощью я увеличивал негативы в 25 раз, проецируя их на экран. Благодаря микроманипуляторам и сервомеханизмам получались координаты, которые регистрировались с точностью в два микрона и передавались в ЭВМ, а последняя выдавала рост и возраст слона.

Самые изощренные методы измерений, которые я применял в последний год исследований, лишь подтвердили эмпирические оценки возраста, сделанные на местности путем сравнения роста слонят с ростом взрослого и составления таблицы роста слонов каждой семейной группы.

Окончательный вариант аппарата для измерения роста был собран из легких алюминиевых трубок и перевозился в обитом пенопластом ящике на заднем сиденье «лендровера». Работать приходилось осторожно, дабы не сбить настройку зеркал, тщательно выверяемую перед каждым выездом на местность. Малейшее смещение грозило нарушить точность прибора. К моему вящему удовлетворению, оказалось, что аппарат работал с точностью до 2 сантиметров.

Выяснилось также, что аппарат — действенное средство защиты (вот порадовался бы Архимед!). Однажды я охотился за одиноким самцом. Он заметил вспышку, задрал хобот и кинулся в атаку. На открытой местности не было ни малейшего укрытия. Бросить прибор и пуститься наутек? Ни в коем случае! В последнее мгновение я наклонил зеркало и направил солнечный зайчик в глаз слону — тот уже был так близко, что не составило никакого труда нацелить отраженный луч в его окаймленный засохшей грязью глаз. Ничего не видя перед собой, он застыл на месте и попытался разглядеть меня вторым глазом, но ослеп и на него. Он с недоуме-

нием потоптался на месте, повернулся и величественно отправился восвояси.

Довольно скоро стало ясно, что угрожающие атаки были на самом деле не столь страшны, как казались. Боадицея принимала самые воинственные позы, но иногда, перед тем как пуститься наутек, я чувствовал ее колебания. После четырех месяцев пребывания в Маньяре я решил принять вызов и не отступать перед атакой Боадицеи. И не ошибся: она как вкопанная остановилась в десяти шагах от «лендровера», подняв при торможении тучу пыли. После этого все ее ухищрения лишь слегка мешали моей работе, а вскоре я вообще перестал обращать на нее внимание. Будучи самой раздражительной из всех сородичей, она часто сердилась и возмущалась моим присутствием. Леонора же, напротив, сохраняла олимпийское спокойствие, косясь на едущую машину. Так как Боадицея была агрессивнее других знакомых мне слонов, я сделал неверный вывод о том, что более спокойное животное менее опасно.

К середине 1966 года я практически знал «в лицо» всех толстокожих, облюбовавших открытую северную часть парка, и не предполагал, что могу встретиться с новой группой. А потому однажды утром, заведя незнакомых слонов, спокойно пасшихся в высокой траве, тут же решил занести их в свою картотеку. Сильный ветер заглушал шум двигателя, и я довольно близко подъехал к животным. Но стоило мне выключить двигатель и усесться на крыше, как вся четверка развернулась, насторожив уши, словно радары ракетной установки. Одна из самок тряхнула головой, и без всякого рева или другого знака угрозы они ринулись на меня.

Такое поведение нормально для слонов, и я преспокойно сидел на крыше и ждал, когда они остановятся. Но они не останавливались! Когда первая оказалась метрах в десяти от машины и продолжала нестись, не снижая скорости, я камнем рухнул через люк в крыше на пол машины и вжался в самую дальнюю стенку. В последнюю секунду они все же остановились. Одна из слоних бивнями разнесла в куски сухую ветвь и, выходясь надо мной, издала во всю мощь легких душевраздирающий, пронзительный рев, вложив в него все обуревавшие ее чувства.

Свои ощущения я, пожалуй, не стану описывать. Эти слоны резко отличались от встреченных мною до сих пор, они были враждебно настроены к человеку. Почему они остановились в тот раз, я не знаю. Потом я встречал их неоднократно, и всегда их атака имела завершение.

После нападения вся четверка довольно долго паслась поблизости, и я смог их сфотографировать. Они были примерно одного роста и имели длинные изогнутые бивни. У одной из них на ухе виднелся большой круглый нарост. Я нарек их сестрами Торон — по имени воинственной королевы, героини греческой мифологии.

С июня начался сухой сезон, речка поменяла свой красный цвет на зеленый, а затем стала совершенно прозрачной. Улитки, крохотные плоские спиральки, спускались по водопаду. Я купался каждый день, ныряя со скалы из розового гнейса. Спокойные воды с обильной водяной растительностью оказались раем для улиток. Однажды после купания я почувствовал зуд на коже, который не прекращался весь день и большую часть ночи. Полегчало мне лишь к утру. Позже выяснилось, что в воде появились переносчики шистосоматоза и виной тому были улитки.

Воду признали годной, но ее проверяли до внезапного нашествия улиток. Критическим месяцем был июль. До этого купание опасности не представляло, а в последующие месяцы заразилось 15 человек, в том числе и Джон Оуэн с дочерьми. У них начались приступы кашля, их била лихорадка, появилась общая слабость и сонливость. Все они купались в водоеме Ндалы. Несколько детей еле удалось спасти.

Так как я купался ежедневно в течение нескольких месяцев, то моя болезнь оказалась самой серьезной — голова разламывалась от боли, мучили тошнота и рвота. Я совсем не мог работать, а посему решил вернуться в Англию и пройти в Лондоне курс лечения в Институте тропической медицины.

В конце октября почки на акациях набухли — вот-вот появятся молоденькие листья. Я удивился: ведь дождей давно не было. Парк высох и порыжел, но небо

покрылось тучами, и в воздухе запахло дождем. Деревья, казалось, приготовились и покрылись нежно-зелеными ростками, чтобы с первыми каплями воды приступить к фотосинтезу. Я был поражен, что, хотя уже пять месяцев не выпадало ни капли дождя, деревья имели достаточный запас влаги для набухания почек.

Накануне моего отъезда в Англию разразилась гроза, водопад обрушил мощный поток воды, который прочистил всю реку и ее рукава, унеся и улиток и водоросли, которыми они питались. Из водоема исчезли все переносчики шистосоматоза! Позже проведенные исследования показали, что улитки заразились от постоянно страдающих шистосоматозом бабуинов, обитавших в парке и испражнявшихся прямо в воду.

Семейная группа сестер Торон оказались одной из последних в моей картотеке. Однажды я заметил их по другую сторону высокотравной болотистой лужайки. Услышав шум двигателя, они без малейшего колебания бросились в атаку, рассекая головами верхушки трав, словно военные корабли на волнуемом море. Я тут же убрался подальше от греха, но некоторым посетителям парка повезло меньше, чем мне. В докладе Джонатана Муганги, датированном октябрем 1966 года, описывается одно происшествие:

«Обычно в сентябре и октябре слоны имеют привычку пожирать корни некоторых одурманивающих деревьев. В это время их поведение резко меняется. Они становятся агрессивными и беспрестанно режут.

13 октября „лендровер“-пикап с группой офицеров Народно-оборонительных сил Танзании столкнулся со стадом слонов, которые только что объелись такими корнями.

Тут же предводитель стада подал тревожный сигнал, и вся группа кинулась к „лендроверу“, круша на пути все деревья. Пассажиры „лендровера“ окаменели от страха: их жизнь висела на волоске. Но гид Ндилана Кааянги быстро оценил обстановку, и благодаря его опыту беззащитные офицеры были спасены. Он подсказал водителю, как избежать столкновения с разъяренными слонами: нужно бросать машину из стороны в сторону. Однако, несмотря на все уловки, один самец нагнал „лендровер“ и бивнем разбил стекло задней дверцы, но, к счастью, никого не ранил».

Гид явно принял за самца одну из сестер Торон — ошибка довольно распространенная.

Закончив первый год работы, я понял, что едва затронул тему исследований — социальную жизнь слонов и их экологические проблемы. Я составил отчет для своего оксфордского руководителя профессора Нико Тинбергена, а копию направил Джону Оуэну вместе с просьбой разрешить продолжать исследования после излечения от шистосоматоза.

Глава V

РАЗРЕЖЕННЫЙ ЛЕС ОБРЕЧЕН

Институт тропической медицины Сеп-Панкрас, чьи красно-кирпичные стены давно почернели от лондонской копоти, представлял собой иной мир в отличие от разреженного леса Маньяры с его бьющей ключом жизнью и чистейшим воздухом. Общим было лишь наличие всяческих паразитов, которых носили в себе отощавшие пациенты с желтоватым цветом лица. Мой врач, доктор Уолтерс, проводил у моего изголовья семинары на тему «Передача шистосоматоза бабуинами»; мой случай оказался редчайшим в анналах медицины.

И вот пришло письмо от Джона Оуэна с добрыми вестями: Нью-йоркское зоологическое общество выделило фонды для завершения моей программы исследований. Он был в Америке, и благодаря ему Общество заинтересовалось моей работой. Кроме того, некоторое время спустя профессор Нико Тинберген, читавший в Оксфорде курс лекций по поведению животных, сообщил мне о готовности стать руководителем моей докторской диссертации, несмотря на то что я работал в Африке. А так как он собирался в Восточную Африку — его пригласили посетить Научно-исследовательский институт Серенгети в Серонере, — то профессор интересовался, можно ли ему пожить несколько дней в Маньяре. Нико Тинберген, один из основателей этологии, науки, занимающейся биологическим аспектом поведения животных, впоследствии разделил Нобелевскую премию с Конрадом Лоренцем и Карлом фон Фишом. Этот обворожительный человек руководил отде-

лом, с которым я почти не имел дела, и мы были не очень близки.

Десять дней спустя после моего возвращения в Маньяру он прибыл в мои пенаты и был полностью покорен слонами. Этологию слонов, как и большинства крупных африканских млекопитающих, еще никто не изучал, хотя их поведение соответствовало принципам, которые Тинберген изложил, основываясь на наблюдениях над различными животными Европы.

В частности, это относилось к переадресованной агрессии. Я вспомнил лекции Тинбергена о схватках чаек, охраняющих свою территорию. Каждая птица при появлении чайки-противницы начинала яростно бить клювом по земле, вырывая пучки травы, словно перья с головы врага. Прекрасная иллюстрация агрессивного поведения, перенаправленного на другой объект.

Однажды Боадицея, желая запугать нас, повела себя точно так же. Когда мы сидели в «лендровере», она промчалась мимо нас и с яростью набросилась на безвинный куст гардении, да так, что на нас дождем посыпались листья. Никто и бровью не повел, а Тинберген был на вершине блаженства. Он понимал опасность нашей работы и во время своего пребывания в Маньяре дал много полезных советов.

По его мнению, переадресованная агрессия обычно вызывается объектом, который в этот момент внушает страх. Боадицея прекрасно вписывалась в такую схему: несмотря на свой агрессивный характер, она ни разу не довела атаку до конца. Только благодаря перенаправленному характеру агрессивного поведения слонов я со своими методами работы дожил до конца исследований. Как же жестоко обошлись люди с Боадицеей, раз она так их ненавидела и боялась...

Другой характерной чертой поведения животных, имевшей как теоретическую, так и практическую ценность при их изучении, была манера — я часто наблюдал ее у слонов, как бы колеблющихся нападать или отступать, — закручивать хобот, качать справа налево передней ногой или переступить с одной ноги на другую.

Так проявлялась «замещающая активность». Она во многом помогала мне при изучении слонов, поскольку

позволяла предвидеть их реакцию. Чем активнее они «самоутверждались», тем менее вероятным становилось нападение. Чаще всего наиболее угрожающее поведение наблюдалось у самых испуганных животных, менее всего склонных нападать.

Тинбергена особенно интересовало различие в характере отдельных особей, особенно если оно позволяло предвидеть их поведение. Как-то мы проезжали мимо семьи почтенной матроны с изогнутыми, словно сабля, бивнями, которую я назвал Инкосикас. Она с легким неудовольствием мотнула головой. Я остановил машину и предложил понаблюдать за животными: через пять минут они бросятся в атаку. Инкосикас свернула в кольцо хобот, повернулась направо, налево, коснулась бивнями бивней соседних самок и положила им в рот свой хобот. Это, казалось, успокоило ее, но минут через пять она напала на нас в лучших традициях устрашения! Среди слонов Маньяры ее одну отличало заторможенное агрессивное поведение.

Не один день мы провели на опушках леса, лежа в невысокой траве и наблюдая за принимавшими грязевые ванны слонами и резвящимися слонятами. Нико постоянно оглядывался и на мой вопрос ответил, что в молодости, лет тридцать назад, ему довелось прожить целый год среди эскимосов в Арктике, постоянно находясь под угрозой нападения белых медведей. С тех пор у него вошло в привычку оглядываться каждые пять минут, и стоило ему попасть на дикую природу, как она вернулась. Мы посмеялись, но это закон: и среди торосов, и в лесу, и в кустарнике человек должен быть готов к любой неожиданности, если рядом дикие животные.

За заразной любознательностью Нико крылись восторженность и ненасытная жажда исследований.

Еще одного моего гостя, Дэвида Аттенборо, тоже интересовали животные, но совершенно иначе. Он с группой операторов снимал для телевидения Би-би-си фильм о работе ученых Института Серенгети, к которому был прикреплен и я. Пока мы добирались до реки Эндабаш в поисках мирной семейной группы, я разъяснял ему, что слонов здесь, в древесной саванне, довольно много, в то время как носорогов — тридцать с небольшим, а жирафов — шестьдесят. Его интересовало,

почему так низка плотность носорогов. Дело в том, что, как и слоны, они питаются ветками, но в их меню входит небольшое количество растений: их основная пища — древесная растительность, а слоны не отказываются от большинства из 630 видов растений парка Маньяры. Они могут доставать их кончиком чрезвычайно подвижного хобота с шестиметровой высоты.

Семейные группы носорогов значительно меньше по составу — обычно два-три животных, самка с малышом или самец с самкой. Самая многочисленная группа носорогов, встреченная мною в Маньяре, в большой пылевой ванне, состояла из шести животных. Возможно, их яростная охрана собственной территории ограничивает и их количество.

Наконец мы обнаружили семейную группу слонов, которую возглавляла матриарх Королева Виктория. Слониха не мешала нам снимать фильм. Она знала о нашем присутствии, но, как и в предыдущем году, когда я часто ходил за ней по пятам, совершенно игнорировала назойливых людей.

Возвращаясь в сумерках в лагерь, мы проехали мимо громадного носорога, застывшего на обочине дороги, который тут же начал злобно сопеть. Дэвид не заметил его, а я, решив показать ему нечто стоящее, остановил «лендровер» и дал задний ход. Носорог оказался куда раздраженнее, чем мне показалось. Он кинулся к нам через кустарник, и, прежде чем я успел определить его местонахождение, яростно сопеющая туша оказалась рядом. Не раздумывая носорог два раза ткнул рогом в левую заднюю шину. Затем, словно домкрат, приподнял и поставил машину почти вертикально, а затем уронил ее и удалился. Пока мы меняли колесо, появилась вторая машина с остальными членами группы.

— На нас напал носорог и проткнул шину, — сказал я водителю.

— Ничего удивительного, — ответил тот. — Носороги всегда бешеные.

И только тут Дэвид Аттенборо, считавший, что я все это подстроил ради развлечения, обратил внимание на мои руки: они были белого цвета. Я вцепился в руль мертвой хваткой и не в силах был разжать пальцы. Впервые симуляция угрозы закончилась настоящим на-

падением, которое должно было послужить мне хорошим предупреждением.

Из всего разнообразного мира животных, населявших парк Маньяры, ни одно не пользовалось таким разнообразием мест обитания, как слоны.

Они могли выбирать между лесом и болотами, между обильными пастбищами под сенью акации тортилис и еще более сочными травами вдоль щелочного берега, пальмами на лужайках и растениями на склонах обрыва. Комбретум (*Combretum*) с ломкой корой, сочный дикий сизаль и волокнистый баобаб встречались в изобилии. В сухой сезон плодами покрывалось колбасное дерево, а акация альбида (*Acacia albida*) давала ароматные оранжевые стручки, особо любимые такими лакомками, как бабуины, антилопы импала и слоны. Вдоль берега, до самой воды, тянулись заросли глянцевиито-зеленой осоки, уступая место водяным растениям — раю для бесчисленных птиц. В северной части на долгие километры тянулись заросли широколистного рогоза с его густой сетью корневищ. В лесу желтокорые смоковницы раскидывали до соседних трихий (*Trichilia*) свою зеленую сплошную крону, преграждающую путь солнечным лучам.

Изобилие воды, плодородные вулканические почвы и жаркий климат обеспечивали быстрый рост растений, ускоренный синтез белков и углеводов. Эти запасы хранились в дереве до его смерти, если только животные не губили его. Но всего этого богатства слонам было мало. Они пересекали поля с посевами и оказывались в богатом растительностью лесу Маранг, который рос над нашими головами на территории, вдвое превышающей площадь парка. И не удивительно, что Вези, проведший годы за изучением этих растений и их причудливых сочетаний на местности, и слышать не хотел об избыточности слонов только из-за большей, чем в других районах Африки, плотности. Процветающая Маньяра, где деревья покрывали больше половины парка, вполне могла обеспечить их пищей.

Хотя моя программа была посвящена слонам, я все больше и больше начинал понимать роль деревьев в среде обитания и зависимость животных от них. Изме-

нения происходили особенно быстро в разреженном лесу акаций тортилис. За первый год я отметил металлическими пластинками 300 деревьев в древесной саванне. При регулярном осмотре можно было точно определить меру ущерба от слонов, обдиравших их кору.

Акация тортилис служила пищей не только слонам, которые лакомились ее корнями, корой, ветками, листвою и плодами. Ею питались и носороги и жирафы, а антилопы импала обдирали нижние ветки. У туристов же акации ассоциировались со львами, лениво возлежащими на их ветвях.

Львы облюбовали себе некоторые деревья, которым гиды впоследствии дали имена либо известных политических деятелей, побывавших в заповеднике, либо по ассоциации с внешним видом дерева. Так, в парке имелись Мти ва Джулиус Ньерере, Мти ва Насер, но были также и Мти ва Маджани Менги (Дерево с большой листвою), Мти ва Гиза (Дерево тьмы), Мти ва Муханга — дерево, в которое врезался смотритель парка, подавая машину задним ходом. Как и прочие их собратья, древесные львы Маньяры выглядят по большей части ленивыми и сонными, но я знал их характер и, обходя свой «лесопитомник», был все время начеку.

Люди не вызывали у львов Маньяры ни страха, ни почтения. К тому времени львы еще не стали людоедами, хотя уже ходили рассказы об их погонях за велосипедистами из окрестных деревень, проезжавшими по главной дороге. Кое-кто даже получил по непочтительному толчку в спину, когда, нажимая изо всех сил на педали, пытался уйти от преследователя. Один из таких неудачников вынес из передраги несколько царапин и кучу историй для дальнейших рассказов. Но так повезло не всем.

Львы отличались обвисшими боками, кучей гривой, рваными ушами и царапинами от колючек деревьев и рогов буйволов. Стефан Макача, один из гидов парка, и Джордж Шаллер пришли к заключению, что буйволы составляли 60 процентов всей добычи львов, то есть ради пищи последним приходилось вступать в бой почти каждую неделю, и, естественно, их внешний вид от этого отнюдь не улучшался. Они не выдерживали никакого сравнения ни с великолепными львами Серонеры, чьи жертвы не столь агрессивны, ни со львами Нгорон-

горо, которых Ганс Крюук заставлял в основном за пожиранием животных, задранных гиенами.

Прайды львиц Чем-Чема и Махали-па-Ньяти обитали в северной части парка. Их охотничьи угодья в некоторых местах пересекались. Они враждовали и по возможности избегали встреч, а два самца — черногривый Думе Кубва и одноглазый Чонго — делили оба гарема между собой. Всех остальных самцов они гнали прочь, изгнали и полуторагодовалого львенка Сэтиму.

Эти профессиональные убийцы вызывали во мне чувство уважения. Они давно забыли времена, когда масаи с длинными копьями охотились на них. Два раза их горящие глаза оказывались в трех шагах от меня. Но каждый раз, к счастью, я не переступал критической черты и они убегали, издав на прощание звучное «вуф». Но в третий раз около реки, вблизи лагеря, хищник, кажется, переменял намерения. Он повернулся вполоборота и застыл за скальным обломком, напряжив мышцы и колотя хвостом. Я остановился и развел руки, чтобы выглядеть побольше. Лев зарычал. Я тихонечко попятился и оставил его хозяином реки Ндала...

Когда у меня возникала необходимость посоветоваться о дальнейшей работе, я обращался к своему руководителю Хью Лэмпри, а также и к другим ученым, жившим в Серонере, в 200 километрах от Маньяры. Хью, один из пионеров изучения экологии крупных животных, был директором Института Серенгети. Он с радостью окунулся в исследовательскую работу после двух лет управления колледжем Мвека, который готовил смотрителей национальных парков.

В феврале 1967 года Хью пригласил меня в институт на семинар. Мюррей Уотсон находился в Кембридже и писал труд о гну, вместо него появились новые сотрудники, в том числе исследователь львов Джордж Шаллер и оксфордска Ганс Крюук, которому удалось установить, что гиены сами охотились за своей добычей, а львы частенько отбивали ее у них. Ганс переименовал царя зверей в «короля падали». В научных семинарах принимали участие также Джон Оуэн и оба хранителя парков Майлс Тернер и Сэнди Филд, если у них находилось свободное время.

Все вместе они составляли великолепное общество специалистов по дикой фауне и флоре, и моя программа могла лишь выиграть от их полезных советов. Будучи единственным биологом, занимавшимся в танзанийских парках слонами, я должен был изложить программу исследований и поделиться тем малым, чего смог достичь за один год. Неожиданно обсуждение моих результатов вылилось в дискуссию об общих принципах управления парками в связи с проблемой слонов Серенгети.

В своем сообщении о деревьях и слонах Маньяры я остановился на том, что хочу выяснить, достаточно ли велик парк для поддержания равновесия между животными и окружающей средой, по тут же оговорился, что пока еще слишком рано делать окончательные выводы. В то время я узнавал около 130 слонов и имел лишь карту месячного маршрута семейной группы Виктории. Все это время группа не покидала границ парка. Пока еще я не мог установить размеры их территорий вне парка, в частности в лесу Маранг. За год наблюдений я выявил, что группы самок и слонят сохраняют стабильность и что во главе стада не стоят старые самцы, как утверждает в традиционной охотничьей литературе. Я рассказал о своем намерении определить влияние плотности — 5—6 слонов на квадратный километр — на социальную организацию и рождаемость животных. На тот момент я располагал сведениями о количестве рождений в год: 98 самок из известных мне семейных групп припесли шесть слонят. При интерполяции получалось, что один слоненок приходился на одну самку раз в шестнадцать лет, что свидетельствовало об угасании популяции. Оказывала ли плотность влияние на уровень воспроизводства? Окончательные выводы можно было сделать только после тщательного изучения социальной жизни слонов, а не после одного года исследований.

Затем я привел цифры поваленных акаций тортилис, а также деревьев с ободранной корой в разных зонах парка и отметил, что в национальном парке Цаво, в Кении, слоны ели кору не в сухой сезон, как утверждали многие, а в период дождей — возможно, из-за наличия обильных соков. Урон был велик. В наиболее пострадавших районах погибло 35% деревьев, и более

половины из них — по вине слонов. Молодых деревьев росло мало, к тому же я заметил, что саженцы под взрослым деревом не приживались: их росту что-то мешало.

Ганс Круук спросил меня, почему маьярские слоны, плотность популяции которых, по подсчетам, оставалась примерно одинаковой уже несколько лет, только-только принялись за деревья. Думаю, ответил я, что ущерб стал следствием иммиграции и перенаселения, но, вероятно, деревья подвергались уничтожению уже несколько лет. Если допустить, что слоны уничтожают примерно одинаковое количество деревьев в год, разрушения станут заметными лишь после гибели множества деревьев, и тогда процент ущерба проявится во всей своей беспощадности.

Не смог я привести цифр ни по восстановлению, ни по темпу роста деревьев. Меня смущало, что моя информация в области растительности оказалась столь скудной и множество вопросов осталось без ответа. К счастью, все понимали, что картотеку животных за месяц не составишь, и сознавали трудности, с которыми я столкнулся. Правда, в разгаре дискуссии мое настроение улучшилось, когда стало ясно, что никто не представлял, как слоны влияют на среду обитания.

Затем мы обратились к слонам Серенгети. Проблема возникла недавно, и Майлс Тернер вкратце изложил ее. Он просмотрел отчеты охотников и путешественников за последние полвека и не встретил никаких упоминаний о слонах. Позже выяснилось, что в более ранних текстах они были, но тогда мы решили, что толстокожие избрали Серенгети местом жительства лишь недавно. Рост их популяции за последнее десятилетие был отмечен в дневнике Майлса. Первые подсчеты с воздуха дали цифру 2200 животных. За последние четыре года их число практически не изменилось.

Предполагалось, что 700 слонов пришли из Масвы, а 1500 — из района Мары (Кения). Их оттеснил на юг, за реку Мару, в Танзанию и Серенгети, жесткий контроль, проводимый кенийскими властями в отношении слонов и приведший к уничтожению за последние 30 лет 600 животных.

Казалось, следует приветствовать такое нашествие слонов, которое обогатило фауну парка на радость и ту-

ристам и ученым, получившим возможность изучить интересный пример миграции животных, но последние принесли с собой и свою способность менять окружающую среду, а потому их ожидала не теплая встреча, а угроза уничтожения.

Столь сдержанное отношение к слонам прежде всего объяснялось тем, что группы самцов повалили множество желтокорых акаций вдоль реки Серонеры. Одной же из особенностей района Серонеры, ради которой туда стремились туристы, была возможность наблюдать в естественных условиях леопардов. Практически это единственное место в Восточной Африке, где не приходится разбрасывать приманку, чтобы увидеть леопардов. А слоны ополчились именно на те деревья, на ветвях которых леопарды проводили большую часть дня.

Хью Лэмпри провел подсчеты и выяснил, что за два года уничтожено 27% деревьев. Такой ущерб, продержись он еще несколько лет, мог вызвать острейший кризис. Над тремя тысячами квадратных километров разреженного леса парка нависла опасность: через восемь лет здесь не останется ни одного дерева, а с их исчезновением уйдут и леопарды. А что станет с дикими животными равнин Серенгети, лишись они тени, укрывающей их в сухой сезон?

Разгорелся спор:

— Следует считать, что слоны не входят в экологическую систему Серенгети, а наложились на нее, — сказал Хью Лэмпри, председатель семинара. — У нас нет ни подлеска, ни кустарника, которые обычно ассоциируются со средой обитания слонов.

Он предупредил, что ситуация может оказаться столь серьезной, что, не успев завершить нормальную программу исследований, придется принимать срочные меры для исправления положения. (После совещания он конфиденциально сообщил мне, что слонов придется уничтожать, если их присутствие сочтут нежелательным.) Джон Оузи высказал противоположное мнение. Он считал, что охрана среды обитания должна состоять в минимальном вмешательстве человека, особенно на столь ранней стадии; могло стать, что присутствие слонов в Серенгети вписывалось в некий долговременный цикл. Идея циклических колебаний в равновесии животных и растений — довольно распространенная

концепция в умеренном климате, но ее применение к слонам было совершенно новым в данный момент. Если концепция цикла оказывалась верной, ставилась под вопрос сама неизменность равновесия фауны и флоры, а тем самым лишалась основы и цель парков — поддерживать примерно на одном уровне количество существующих животных и растений.

Основным фактором оценки могло бы послужить соотношение молодых и уничтоженных деревьев, но исследования пока не затронули этой стороны вопроса. Было решено пригласить специалиста-лесоведа для работы в институте.

На этом первом научном симпозиуме сотрудники Института Серенгети выступали как советники в выработке политики управления национальными парками. Джон Оуэн предложил разработать научные принципы управления парками и предоставить институту право менять их в зависимости от результатов исследований.

Ученые считали, что им не следует вмешиваться в политику управления; их задача состоит в том, чтобы указывать практические методы ее проведения в жизнь. Они предпочитали предвидеть тенденции и соблюдать принципы выбранной политики, каковыми бы они ни оказались. Типичное отношение людей науки, отказывающихся выйти за рамки привычной объективности, когда в расчет принимаются лишь факты. С научной точки зрения не существовало никаких объективных соображений за или против уничтожения слонов, виновников ущерба.

Решение могли принять лишь из соображений политического, экономического или эстетического порядка. С точки зрения экологии ущерб, нанесенный деревьям Серонеры, был незначительным. Да и само желание сохранить животных — субъективное чувство веры в их ценность. Большинство присутствующих ученых разделяли это чувство, и они наблюдали за миграцией гну с тем же почтительным восхищением, с каким созерцают «Джоконду». Но в их спорах места этому чувству не нашлось, ибо оно не подтверждалось фактами. В конце концов согласие было достигнуто лишь по одному вопросу: прежде чем что-то предпринимать, следует провести исследования.

Утром, перед отъездом в Маньяру, я прошелся по лесу Серенгети вместе с Вези. На симпозиуме он выступил в защиту животных, заявив, что проблема равновесия между слонами и разреженным лесом возникла по вине не слонов, а человека из-за его неосторожного обращения с огнем. Во время прогулки мы видели много колючих ростков, торчащих из земли. Внимательно осмотрев один из них и обнажив его корни, мы обнаружили, что корневая система развивалась нормально, но ствол весь почернел, словно его опалил один из тех пожаров, которые смерчем проносятся по Серенгети каждый год. Но было видно, что природа берет свое. Браконьеры и собиратели меда будут совершать поджоги всегда, но если можно избежать пожаров (поджигая саванну в начале сезона, чтобы молодая трава обгорала чуть-чуть и образовывала щит, или же организовав действительную защиту от огня), то молодые деревья со временем заменят взрослые, погубленные слонами.

Но даже если научиться укрощать пожары, сколько времени понадобится поросли, чтобы превратиться в деревья? Поиски в библиотеке Института Серенгети не дали никакой дополнительной информации. Деревья, относящиеся к кустарниковому типу коммифор и акаций, растут на тощих почвах и не имеют никакой строительной ценности. А посему никому и в голову не приходило заниматься их изучением до появления национальных парков и возникновения проблемы слонов.

Все соглашались, что Маньяра с ее неистощимыми ресурсами богатой растительности могла прокормить большое количество слонов. Озеро и обрыв, игравшие роль естественного противопожарного щита, способствовали процветанию растительных видов.

Я понимал: ботанический аспект проблемы слонов столь же важен, как и сами слоны. Основное значение приобрело установление темпа роста акаций тортилис. Когда мне это удастся, я смогу определить возраст деревьев, уничтоженных слонами, а также период, за который деревья достигают той же высоты. Если деревья относятся к быстрорастущим породам, ущерб можно не опасаться, но если погибают столетние деревья, их полное уничтожение за несколько десятилетий окажется неотвратимым. Мне стало ясно, что на получение необходимых данных уйдут годы, ибо количество вы-

падающих осадков в Восточной Африке менялось год от году, а от них зависел и рост деревьев.

По возвращении в Маньяру я, вдохновившись научными дискуссиями о проблемах слонов, с новыми силами взялся тщательно изучать все то, что могло помочь мне ответить на поставленные вопросы. Я укрепил с помощью пружины жестяные полоски с упаковочных ящиков на стволах некоторых деревьев для измерения толщины дерева по мере его роста. Затем вернулся к проблеме перемещений слонов и роли резервата — леса Маранг. Животные могли найти в этом густом лесу самые различные источники пищи и убежище, особенно в засушливые годы, если могли попасть туда. В то время меня весьма занимали перемещения слонов в южной зоне парка. Там, под рифтовой стеной и лесом Маранг, по берегу озера, тянулось несколько сельскохозяйственных ферм, принадлежащих европейцам. Некогда этот район входил в область распространения слонов, и они, наверное, и сейчас пробирались через посеы к пологим склонам, ведущим в лес. Чтобы обогнуть озеро, приходилось совершать 150-километровую поездку на машине, парковые дороги кончались в Маджи Мото. Последний километр был непроходим для машины из-за болот.

Одна из ферм принадлежала южноафриканцу, которого мало заботили независимость и приход к власти национального правительства. Он засевал свои поля, но сохранил вдоль озера коридор, который издавна служил проходом для слонов. К северу от его фермы, по соседству с парком, жил итальянец. Он уже десять лет безуспешно боролся с кустарником, который рос почти с той же быстротой, с какой его вырубали. Он пытался обрабатывать землю, несмотря на постоянные угрозы своим посевам со стороны слонов, буйволов и антилоп, пристрастившихся к новому лакомству. Каждый год он жаловался, что терял 50% урожая кукурузы. А посему объявил войну слонам. Останься они в окрестностях его фермы, он наверняка разорился бы. Бывало, он убивал по десятку слонов, но приходили другие. Он клялся мне, что за прошлый год расправился с 50 слонами. «Но они продолжают появляться то одно стадо, то другое».

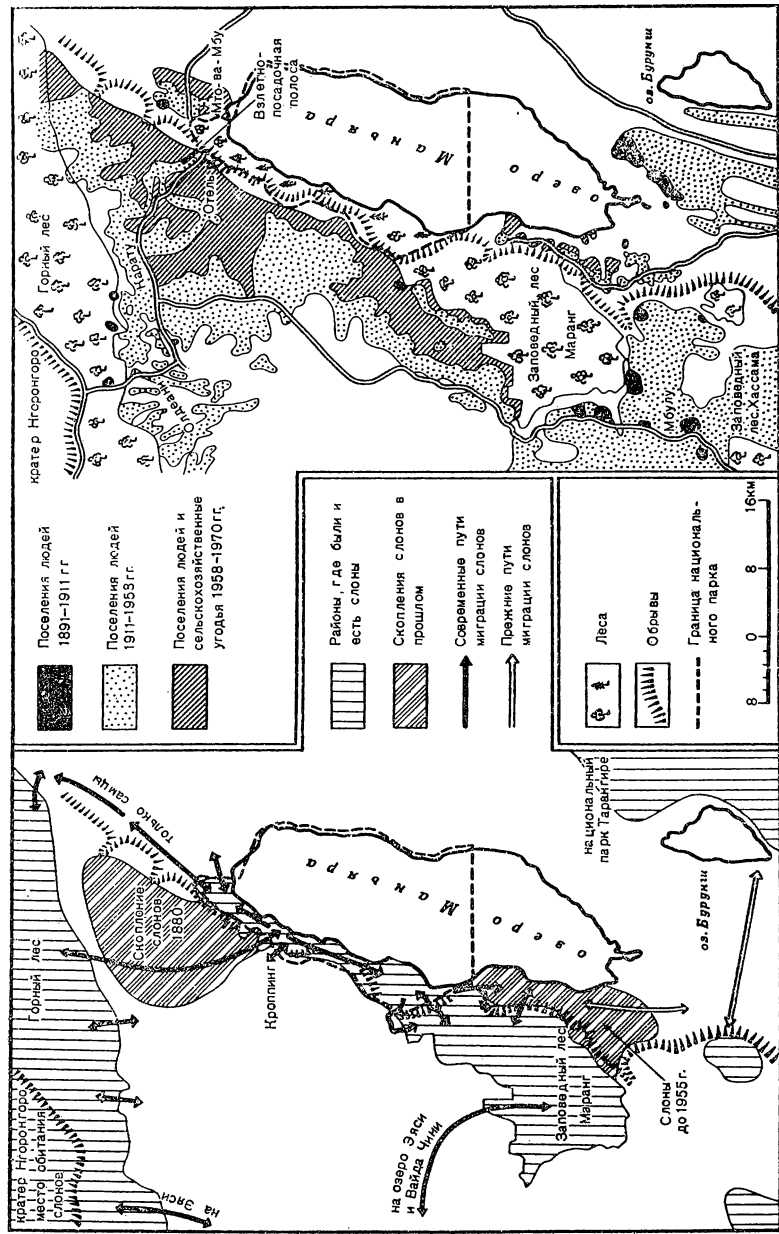
Инкосикас, матриарх с саблевидными бивнями, на-

павшая некогда на Нико Тинбергена,— одна из слоних, нашедших свою смерть на его земле. Она любила путешествовать, и однажды я встретил ее в южной части парка, у горячих источников Маджи Мото. Наутро она исчезла и больше никогда не появлялась: вероятно, погибла на кукурузном поле. Она возвышалась над своим семейством и, должно быть, представляла прекрасную мишень. Ее семейная группа вновь появилась под предводительством Этры, очень нервной самки, которая с годами стала спокойнее. Насколько я знаю, она ни разу не приближалась к южным границам парка Машь-пра.

Итальянец, как ни трудна и незаметна была его борьба, постепенно одерживал верх над слонами. Его поля тянулись на целых полтора километра между обрывом и озером. Прохода для слонов не оставалось, и они никак не могли обойти возделанные поля. Он или его наследник когда-нибудь окончательно изгонит слонов с их бывшей территории. Другие владельцы ферм убили 300—500 слонов. Оставшиеся животные нашли убежище в парке или перекочевали в лес Маранг.

Ирония судьбы: деревья воспользовались этим массивным уничтожением и уходом животных. На заброшенных сизалевых плантациях и земле под паром плотным кустарником, куда более густым, чем в парке, разрасталась акация тортилис. Я смотрел на нее с тоской, представляя, сколько наслаждения она доставила бы моим слонам.

Но если земли итальянца были непроходимым барьером для слонов, как же они умудрялись переходить из парка в лес Маранг и обратно? Склоны от полей фермера до леса были пологими и легкодоступными, а над парком — отвесными, скалистыми и заросшими густым лесом. Мы с Мходжей обследовали нижнюю часть обрыва, продираясь сквозь колючки и заросли дикого сизала, но встретили мало звериных следов — каждая тропа упиралась в откос. Однако мог существовать и другой путь из северной части резервата и парка. Эта точка находилась около водопада Эндабаш и на карте значилась под названием Гейязагонг-Хилл. Снизу виднелись тропы, змейками вьющиеся по склонам, но я еще ни разу не пытался пешком подняться по ним, чтобы определить, все ли слоновьи тропы начинались в гра-



Поселения людей
1891-1911 гг.

Поселения людей
1911-1955 гг.

Поселения людей и
сельскохозяйственные
угодья 1958-1970 гг.

Районы, где
были и
есть слоны

Скопления
слонов в
прошлом

Современные пути
миграции слонов

Прежние пути
миграции слонов

Леса

Обрывы

Граница националь-
ного парка

8 0 8 16 км

кратер Нгронгоро
места обитания
слонов

Горный лес

ТОЛЬКО САВАННА

Скопления
Слонов
1890

Кроплинг

Манкра

на озеро Эяси
и Вайда Чинги

Заповедный лес
Марианг

национальный
парк Тарангире

оз. Буррук

Слоны
до 1955 г.

оз. Буррук

Заповедный
лес Хасяма

кратер Нгронгоро

Горный лес

Манкра

Отели

Взлетно-
посадочная
полоса

Манкра

Манкра

Заповедный лес

Марианг

Моулу

Заповедный
лес Хасяма

Манкра

Манкра

Манкра

Манкра

Манкра

Манкра

Манкра

Манкра

Манкра

Манкра

Манкра

Манкра

Манкра

Манкра

ницах парка и не проходили ли они по землям, где селилось все больше и больше людей.

В то время у меня гостила мать, и, так как она увлекалась птицами и не страшилась горных походов, я организовал однодневную экскурсию. Пока она будет изучать неизвестные ей виды птиц на склонах, я смогу поискать дорогу животных к лесу Маранг. Мходжа был в отгуле, и мы отправились с другим смотрителем, Кипроно, вооруженным для нашей защиты ружьем.

Оставив машину на травянистой лужайке около реки, у водопада Эндабаш, мы вброд перешли ее. Узкие туннели уходили в густой подлесок, росший на другом берегу. Дорожка змеилась по ровной местности между двумя долинами, а потом нырнула в густые заросли *Ocimum suave* с запахом шалфея, которые смыкались над нашими головами так, что приходилось идти согнувшись. Видимость не превышала пяти метров вперед и на расстояние вытянутой руки в сторону. В пыли поблескивал свежий помет носорогов, а следы от их копыт напоминали, что мы отнюдь не одиноки.

После изнурительного четырехсотметрового перехода, когда не знаешь, с кем встретишься в следующий момент, мы с облегчением выбрались на площадку над обрывом. Утешало лишь сознание, что по столь отвесному склону мы могли бежать и вверх и вниз быстрее любого крупного животного парка... Мы взобрались по слоновьим тропам на холм, где среди ярких луговых цветов произрастала терминалия. Кипроно заметил двух носорогов, пасшихся в кустарнике неподалеку от нас. К счастью, мы не столкнулись с ними; правда, до сих пор носороги убегали при встрече со мной.

Слоновьи тропы затерялись в траве, но одна вела дальше, и мы двинулись по ней. На следующем холме моя задача на данный день была выполнена: тропа зигзагами вилась почти до вершины Гейязагонг-Хилла и исчезала в зарослях леса-резервата. Тропа поднималась широкими петлями и выглядела легкодоступной, но совсем рядом, метрах в двадцати, высился каркас нового дома мбулу. Сельскохозяйственные угодья дошли до тропы, пересекавшей границу парка. Конфликт между слонами и человеком будет решен однозначно: дорогу перережут.

Мы поднялись к месту, где тропа уходила в лес, и

уселись на обломок скалы, чтобы перекусить сэндвичами и полюбоваться на влажный лес и верхнюю долину реки Эндабаш, расположенную вне парка. Повсюду, где склоны позволяли обрабатывать землю, торчали крыши хижин.

Куда ни кинь взгляд, деревья были вырублены, а скот щипал траву. Эрозия начала свою разрушительную работу. Без деревьев, смягчающих ярость тропических ливней, плодородный слой почвы уносился вниз по склонам. Вода задерживалась в значительно меньшем количестве, ибо короткий ливень не встречал на пути веток и листья, по которым бы стекал каплями и в результате чего пропитывал бы землю влагой еще долгое время после окончания дождя. Эрозия была довольно значительной, и реки парка побурели от ила, смытого с полей ферм, расположенных над обрывом.

Семьдесят лет назад район был необитаем. Когда ходили торговые караваны, в этих местах, если верить географу Фарлеру, который в 80-х годах опрашивал пробиравшихся к океану торговцев, бродило множество слонов. Позже, рассматривая копии старых, составленных немецкими исследователями карт безлюдного пограничного района между враждовавшими в начале века племенами масаев и вамбулу, я также не нашел следов человеческих поселений. Процветающая деревня Мто-ва-Мбу с ее 3400 жителями возникла лишь в 1920 году. К югу, между Маньярой и национальным парком Тарангире, перемещения, отмеченные Хью Лэмпри пять лет назад, прекратились, и слоны оказались изгнанными с 70% их северных и западных территорий, а озеро преграждало им путь распространения на восток...

Вскоре мы тронулись в обратный путь. С края обрыва просматривался густой подлесок, который следовало пересечь. Ни малейшего признака жизни. По-видимому, оба носорога удалились. На случай, если они продолжали бродить в окрестностях, мы вошли в заросли, издавая громкие крики, дабы предупредить их о нашем приближении. Обычно крупные хищники отступают перед шумящим человеком. Пройдя половину опасного пути, мы смолкли, почувствовав себя в безопасности.

Еще двадцать шагов — и конец зарослям. И тут поч-

ти из-под земли возникает скачущий галопом сопящий носорог!

— Спасайся, носорог! — завопил я и, увернувшись от зверя, ринулся в заросли.

Краем глаза я уловил, как он развернулся и бросился за мной. Я припустил во всю мочь, петляя между кустами, но он не отставал. Я оборачивался и видел, как носорог постепенно настигает меня. Невероятно! Кустарник рвал одежду, но я упрямо продирался сквозь него. Метров через пятьдесят кустарник встал плотной стеной. Внезапно лопнул ремень сандалии, и я со всего маху покатился по земле. Падая, я успел оглянуться и различить громадную темную тушу с длинным заостренным рогом, неотвратно несущуюся на меня. Сверкнула мысль: конец!

Секундная тьма, мощный удар. Мимо меня молнией пролетели голова и бок другого носорога, и вот я лежу на земле, легкие горят от нехватки воздуха, но все существо переполняет радость: жив! К счастью, первый носорог отбросил меня копытами или мордой в сторону так, что второй проскочил мимо. Носороги скорее всего стремились обратить меня в бегство, и их возвращение было маловероятным. Один носорог был, по-видимому, самкой, а второй — ее детенышем.

Я лежал и дышал, в каком-то эйфорическом состоянии любуясь голубым небом. Мне казалось, что вернулись школьные годы и обязательные матчи по регби. Но боль не унималась. Я перекатился на живот и заметил в руке скомканную карту. Привстал было на корточки, но яростная боль вцепилась в меня. Как же подняться? Мышцы спины не повиновались. Я рухнул на землю и стал звать на помощь.

Вдали послышались крики. Через минуту появились взлохмаченные, задыхающиеся мать и Кипроно. Они бегом вернулись по тропе, и Кипроно даже выстрелил в воздух, чтобы смугнуть носорогов. Я объяснил, что носорог сбил меня и, должно быть, вывихнул мне позвонок. Несколькими годами раньше мой брат, катаясь на лыжах в Альпах, задел металлической палкой кабель высокого напряжения и совершил пятисотметровое падение, которое началось в Швейцарии и закончилось в Италии, и тоже повредил позвоночник. Похоже, это становилось скверной семейной традицией.

Пошевелив пальцами ноги и убедившись в целостности позвоночника, я с помощью матери и Кипроно встал и повис у него на плечах. Им пришлось тащить меня, ибо, хотя я и переставлял ноги, имитируя ходьбу, выпрямиться мне не удавалось. Мы двигались очень медленно, и после нескольких шагов я попросил усадить меня на землю. Любая попытка подняться тут же вызывала приступ невыносимой боли. В конце концов я взмолился о пощаде, уговорил их оставить меня под каким-либо деревом и попытаться подогнать машину по довольно тяжелой для автомобиля дороге, не говоря уж о полном отсутствии у матери опыта вождения «лендровера».

Жужжание мух, которые роем вились вокруг моего потного лица, не заглушило далекого шума двигателя. Тональность изменилась, и я представил, как они вброд переезжают реку. Я надеялся, что мать не забыла вытянуть маленькую красную ручку демультипликатора, когда все четыре колеса становились ведущими. Не одна машина застряла на долгие часы в сыпучих песках русла Эндабаша. Шум мотора вновь изменился: они пересекли реку и взбирались на крутой берег, пробивая себе дорогу среди ветвей, усыпавших склон. И тут натужный рев двигателя перешел в агонизирующий вой. Это означало, что одно, а то и несколько колес вращались в пустоте. Вой не прекращался, и я заорал во всю мощь своих легких.

Они услышали мой зов, бросили машину и примчались ко мне. И опять потащили на плечах. С грехом пополам мы добрались до машины. Мать довольно успешно справилась со своей задачей, но «лендровер», который ей удалось провести по большей части склона, застрял на холмике, и все его четыре колеса потеряли контакт с землей. Лежа рядом с машиной, я давал наставления Кипроно и указывал, где поставить домкрат, дабы выпутаться из этой ситуации.

Наконец машину удалось поставить на колеса. Лежа поперек сиденья, я стоически сносил толчки, пока машина спускалась к руслу Эндабаша. Слава богу, обратный путь в лагерь начисто выпал из моей памяти. И вот я перебрался на походную постель и выпил сразу треть бутылки виски. Жар далекой Шотландии проник в мои члены, слегка притупив боль.

Из Мто-ва-Мбу вызвали санитаря, весьма милого человека, не нашедшего у меня ничего особенного. Врач из одной группы туристов отказался прервать свой отдых и заехать ко мне для оказания первой помощи. Вскоре явился смотритель парка Джонатан Муханга и предложил отвезти нас в госпиталь в Аруше за 120 километров. Мы с признательностью приняли его предложение.

Когда мы тронулись в путь, уже смеркалось. На полдороге к Аруше у нас оторвалось переднее колесо. Машина накренилась, и нам ничего не оставалось, как любоваться сказочным небом и распевать шотландские песни. Боль отступала под натиском виски.

К счастью, Джоцу Оуэну сообщили, что посорог распорол мне брюхо, и он немедленно отправился в Мто-ва-Мбу на своем «лендровере». Ночью мы с ним разминулись. Прибыв в деревню, он узнал, что меня отправили в Арушу. По одним свидетельствам, рог вошел в мое тело на два-три сантиметра, по другим — на все тридцать сантиметров, а последний свидетель сообщил, что меня проткнуло насквозь. Поэтому, когда он встретился с нами, то очень обрадовался, что меня всего-навсего потоптали.

Мы перебрались в его «лендровер», с благодарностью распрощавшись с Мухангой, который в полном расстройстве чувств пытался укрепить колесо непригодными гайками. Через тринадцать часов после происшествия мы прибыли в больницу Маунт-Меру, и после укола морфия остаток ночи я провел в глубоком сне.

Глава VI

РОЖДЕНИЕ СЛОНЯТ

После выхода из больницы я несколько недель провалялся на спине на полу дома Оуэна в Аруше. Прекрасная возможность для совершенствования в суахили. Мне в руки попал крохотный разговорник 1920 года для колонистов. Вскоре я без труда выговаривал фразы: «Раскрой череп и передай мозг повару», «Повесьте тушу, чтобы они не могли достать ее», «Дай место хозяину», но пользы в том было мало. По счастливой случайности, в это же время на пути к выздоровле-

нию после тяжелой автомобильной аварии находился Хью Рассел, школьный инспектор. Он стал давать мне уроки, и мой суахили быстро улучшался.

Из Найроби прибыл самолетом Гарт Уильям, специалист по костным заболеваниям. Он велел снять гипс, в который меня с груди до ягодиц заковали арушские медики. По его мнению, мой вынужденный марш до «лендровера», по-видимому, мобилизовал поврежденные ткани сразу же после шока и на несколько недель сократил срок выздоровления. Иначе, сказал он, мне пришлось бы проваляться несколько месяцев в полной неподвижности. Моим окончательным выздоровлением я обязан физиотерапевту Элли Бойсу, массажи которого постепенно вернули жизнь моим израненным тканям.

Как только мне позволили, я вернулся в Маньяру и сразу же провел инспекционный осмотр всех семейных групп, дабы узнать, не принес ли кто потомства и кто из животных исчез. Если я хотел успешно завершить наблюдения, необходимые для понимания динамики популяции слонов, отлучаться надолго не следовало.

После происшествия с носорогом я еще больше стал опасаться южной части парка и на время отложил изучение перемещений толстокожих. К моей радости, Мходжа окончательно перебрался в лагерь Ндалы. Он всегда был пачеку в зарослях кустарника и заранее предупредал о присутствии носорогов.

Все три последующих года он оставался моим помощником, наставником и большим другом. Его отношение к животным и жизни среди природы являло собой исключительный пример. В то время как другие смотрители парка при любой okazji отправлялись в Мто-ва-Мбу, Мходжа с радостью оставался в парке и патрулировал его вместе со мной. Прекрасно зная местные названия растений, он с легкостью запомнил их английские и латинские наименования. Мы вместе собирали растения, которые плохо знали, и сравнивали их с гербарием Вези. Вскоре Мходжа стал экспертом в этой области. Пока я писал заметки за день, он работал над засушенными растениями. И пришел день, когда я мог спросить у него название практически любого растения. Он показывал мне съедобные плоды диких деревьев. Он умел кричать по-птичьи и прекрасно имитировал голоса людей. Без него моя жизнь в эти первые годы

была бы более трудной, опасной, одинокой и куда менее веселой.

Пока наблюдалось малое количество рождений, я предположил, что, может быть, рождаемость затормозило перенаселение. Но в 1968 году слонята буквально хлынули потоком, а не тоненьким ручейком, как в первые два года. Практически каждая самка подходящего возраста принесла слоненка. И тут же, побив все рекорды, зарядили непрерывные ливни. Они лили вплоть до сухого сезона, ни один месяц не прошел без дождей. Реки вздулись, уровень озера поднялся, вода покрыла илистые пляжи, проникла в разреженный лес и затопила несколько километров главной дороги. Некоторые деревья, возраст которых я оценивал в семьдесят пять лет, оказались в зоне наводнения. Обширные болота исчезли под зеркалом глубоких вод. Никто не помнил такой погоды. Из-под леса Маранг обрушились огромные участки скалистого обрыва. Скалы размером с дом летели с трехсотметрового отвесного склона. Там, где раньше склоны укрывал густой зеленый ковер, появились веерообразные проплешины с висящими там и сям кронами вниз деревьями.

Разбушевавшийся Эндабаш снес бетонный мост, возведенный всего год назад. В свое время Вези выступал против его строительства, предсказывая, что одна из свирепых гроз уничтожит его. Южная часть парка, почти напроць залитая водой, стала практически непроходимой для машин.

При столь избыточной влажности слоны уходили вверх по обрыву, повыше, но, стоило дождю хоть ненадолго прекратиться, они возвращались. А потом повсюду в семейных группах появились поворожденные слонята, которые, полуприкрыв глаза и спотыкаясь, брели по скользкому лесу.

Мало кто наблюдал за появлением слонят на воле. Развитие плода продолжается 22 месяца, но ничто не указывает на беременность самки. Большинство млекопитающих в этот период разбухают, как, например, львицы Мапьяры, которые волочат свое брюхо чуть не по земле. Слоны же практически внешне не меняются. В Азии случалось, что рождение слоненка заставляло врасплох погонщика слона, индуса или бирманца, который днюет и ночует при слонихе.

У молодых слоних, рожающих первый раз, соски выступают на их плоской груди в период подготовки к кормлению. А у более взрослых самок, которые иногда кормят от одних родов до других, беременность по размеру сосков нельзя определить. Мне ни разу так и не довелось увидеть воочию появление слоненка на свет, хотя трижды я был очень близок к этому. Такие наблюдения исключительно редки, и мне пришлось основательно покопаться в своих заметках, чтобы описать первые часы жизни слона.

Моя первая встреча с семейством матриарха Дейно произошла на лужайке среди кустарника в южной части Эндабаша. Предводительницу стада отличала пугливость, и к ней следовало подходить осторожно. Юная самочка четырнадцати лет только-только принесла слоненка. Малыш, еще в крови, стоял под брюхом матери, задние ноги и хобот которой тоже были в крови. Кровью были испачканы и хоботы двух крупных самок; они, по-видимому, помогали при родах или подхватывали послед. Красновато-бурого слоненка покрывала шерсть. Его уши плотно прижимались к голове, словно листья капустного кочана. Тельце выглядело тощим и морщинистым по сравнению с округлым брюхом слонят постарше. Изнуренная мать стояла неподвижно, но старшие самки начали двигать головой и трубить. Видя их нервозность и не желая их беспокоить из страха, что может пострадать малыш, я удалился.

В другой раз мне удалось оказаться гораздо ближе к молодой самке по прозвищу Рваное Ухо и ее только что рожденному слоненку. Самке было около тринадцати лет. Когда-то разъяренный взрослый слон разорвал ей ухо. Глава группы, слониха с одним бивнем, Афродита, жила в Граунд Уотер Форест, около въезда в парк, и редко покидала свое убежище. Они оставались там не только из-за ее раздражительного нрава; их, по-видимому, вполне устраивал этот небольшой, но очень богатый растительностью кусочек парка. Часть их территории лежала по обе стороны горной дороги, ведущей к гостинице, а затем в Нгоронгоро, и именно там в полдень Рваное Ухо принесла на свет маленького самца.

Я случайно проходил мимо и наткнулся на окровавленный послед, лежавший посреди дороги, а потом увидел на обочине группу из шести слонов, окруживших

крохотного малыша. Рост его был ниже среднего роста новорожденных, что характерно для детей юных матерей, которые сами еще продолжают расти (должно быть, на генетические факторы влияют внутренние процессы организма). Афродита мирно щипала траву в нескольких шагах, словно событие ее не касалось. В группе, окружавшей малыша, находились взрослая самка Электра, ее два слоненка — один пяти с половиной лет, другой годовалый, девятилетняя самка и сама Рваное Ухо. Юная мать выглядела обессиленной. Голова ее повисла, а ноги дрожали, словно отказывались держать ее. У нее не было сил заняться своим малышом. Новорожденным занималась лишь девятилетняя самочка, она ласково гладила хоботом его мордочку.

Пару раз малыш сделал безуспешные попытки присосаться к матери, а потом, шатаясь, приблизился к Электре.

Последующая сцена поразила меня. Электра не обращала на него внимания, пока он не оказался у нее под брюхом, и тогда вдруг она трижды лягнула его задними ногами. Малыш покатился в пыль, потом поднялся и, спотыкаясь вернулся к матери.

Девятилетняя самка, с любопытством следившая за ним, расставила передние ноги и привлекла его к себе, как бы защищая. Такое поведение тронуло Рваное Ухо: она с трудом подняла хобот и погладила малыша по лбу. Он покачался несколько минут на ногах и сделал новую попытку подойти к Электре. Но та снова сбила его на землю. Юная самка встала над ним и припнулась гладить его по спине.

На дороге появилось несколько машин с туристами, они остановились, и громогласная толпа отдыхающих защелкала фотоаппаратами.

Затем проехала гремящая цистерна, накрыв слопов облаком пыли. Юная самка встревожилась и подняла малыша кончиком своей передней ноги.

Рваное Ухо выдохнула с растерянным видом фонтан пыли, но остальные невозмутимо продолжали есть. Они давно привыкли к машинам. Электра разрешила своему годовалому слоненку покормиться, а новорожденный попытался найти соски у своей молодой защитницы. Некоторое время спустя Электра, услышав рев Афродиты, двинулась вниз по склону. Молодая мать

пошла вслед за ней, но малыш, пройдя несколько шагов, рухнул на землю, и она не бросила его. Рваное Ухо затрубила, и Электра вернулась. Медленно, с трудом группа спустилась по крутому склону вместе с малышом, который часто падал, и тогда вся группа надолго застывала, а затем продолжала свой путь.

Когда я увидел первого слоненка через несколько недель, он уже отъелся, потолстел и перестал походить на полупустой мешок. Но так как Дейно предпочитала жить в лесу, мне не удалось проследить за его развитием.

Раньше мне не доводилось наблюдать такой нетерпимости по отношению к слоненку, какой отличалась Электра. Однако из имеющейся литературы о слонах, к моему удивлению, выяснилось, что это не исключительный случай. По-видимому, поведение слонов в таких ситуациях трудно предвидеть. Одному из зрителей танзанийских парков довелось наблюдать, как самка схватила хоботом двухмесячного малыша, бросила его на землю и стала топтать. Но, как правило, самки относятся к слонятам терпеливо и нежно и о них заботится вся семейная группа.

Можно было принять такие нападения, часто кончающиеся смертью слоненка, за один из факторов управления уровнем популяции, если бы удалось получить доказательства, что их количество растет вместе с плотностью. А посему следовало заняться сбором информации по возможно большему числу семейных групп. Одновременно хотелось понаблюдать за развитием слоненка с самого рождения и оценить, как его развитие, с одной стороны, и социальная среда — с другой, взаимно влияли друг на друга.

Вскоре такая возможность представилась. В сообществе Боадицеи родился слоненок, но, к счастью, не в семейной группе самой Боадицеи, любительницы хотя и формальных, но яростных атак, возбуждавших и других, более мирных слонов. Родственные ей по крови семейные группы Леоноры и Джезабель как нельзя лучше подходили к исследованиям поведения слонов. Однажды утром я заметил группу Леоноры, направляющуюся на водопой вслед за группой Боадицеи. Как обычно, при почтенном матриархе находилась Тонкий Бивень. И ее вид, и поведение были совершенно нор-

мальными. Я сделал несколько незначительных пометок в блокноте и отправился дальше.

С группой Леоноры я снова встретился только под вечер. И, к своему неопишуемому восторгу, обнаружил, что за Тонким Бивнем семенил маленький голубовато-бурый слоненок, покрытый волнисто-рыжей шерстью, утром его еще не было. Малыш взирал на неведомый мир из-под спасительного укрытия материнского брюха. Как любой новорожденный слоненок, он имел удлиненную плоскую голову, коротенький хобот и уши, которые напоминали контурами карту Африки и плотно прилегали к голове. Ногти ему словно только-только начистили — по пять на передних ногах и по четыре на задних. Самец — хорошо различались его половые органы. Так как ни на слоненке, ни на матери не осталось следов крови, я решил, что роды состоялись до ливня, прошедшего часов семь назад.

Малыш едва стоял на ногах и осторожно переставлял их, словно ему было больно наступать на мягкую круглую подошву. Его полузакрытые глазки прятались в глубоких морщинах, и он искал поднятым хоботом сосок матери. Наконец он нашел его между передними ногами матери и сделал несколько неуверенных попыток достать до него, но каждый раз его усилия кончались падением, а Тонкий Бивень нежно и терпеливо поднимала его передней ногой и хоботом.

Потом малыш, шатаясь, подошел к своей старшей сестре четырех с половиной лет. Она повернулась к нему и вытянула хобот. Малыш с яростью задвигал хоботом под ее правой передней ногой, словно искал сосок: он был еще слишком мал и не умел узнавать свою мать, но хотел есть. Сестра с готовностью расставила передние ноги и попыталась пропустить его под себя.

Малыш рухнул на землю, поднялся и неверными шагами вернулся к Тонкому Бивню. Та совершенно не обращала на него внимания, пока он тщательно исследовал нижнюю часть материнского тела своим вытянутым хоботом. Она даже не остановилась, и малыш снова свалился. Она обернулась, вытянула хобот и затрубила. Леонора и другие слоны ответили ей, а малыш застыл и минут десять покачивался на месте с закрытыми глазами.

Члены семейной группы в этот момент растянулись

в цепочку. Леонора находилась шагах в ста впереди вместе со своими двумя детьми; сзади были еще две молодые самки с малышами. За Тонким Бивнем шла лишь ее дочь. Ее совершенно заворожил слоненок, и она ни на минуту не оставляла его без внимания. Наше присутствие никоим образом не сказалось на поведении Тонкого Бивня; она невозмутимо проследовала шагах в десяти от «лендровера» в сопровождении дочери и сына.

Малыш поднял голову, секунд пятнадцать сосал мать, затем двадцать секунд стоял с опущенной головой, снова поднял ее, еще сорок секунд сосал молоко, пока мать не отошла в сторону. Старшая сестра решила воспользоваться ситуацией и отведать материнского молока. Но Тонкий Бивень с ворчанием оттолкнула ее передней ногой. Мимо пробежал жираф, Тонкий Бивень затрясла головой, отгоняя его от слоненка. Я удалился, когда ночь скрыла все вокруг.

Наутро, едва рассвело, я снова отыскивал группу. Она прошла за ночь всего полтора километра. Минут двадцать я наблюдал за животными среди густых зарослей, и мне удалось измерить их высоту с помощью бамбукового шеста. Рост Тонкого Бивня оказался 2,45 метра, ее дочери — 1,70 метра и малыша — 0,85 метра, что примерно соответствовало возрасту в 30 лет, 4,5 года и несколько часов. Малыш весил килограммов сто двадцать. Хотя его еще пошатывало, он уже увереннее держался на ногах. Он два раза упал рядом с матерью: в первый раз она его подняла, а во второй — он встал самостоятельно.

Обычно семейная группа проходит за сутки около 4,5 километра. Каждый день я старался либо на машине, либо пешком найти их семейную группу, не обращая внимания на других слонов. За этим слоненком следовало понаблюдать, ибо он принадлежал к группе, которую я знал лучше других.

Первые недели жизни малыш редко отходил от матери дальше чем на несколько шагов. К концу второго дня он уже крепко стоял на ногах и спокойно следовал за всей семьей, непрерывно перемещавшейся в поисках пищи. Их путь лежал через болота, леса, им приходилось преодолевать опасные тропы крутого склона. Когда слоны принимали грязевые ванны, его мать и

другие слонихи изо всех сил старались не наступить на него, а иногда Тонкий Бивень хоботом подтягивала или подталкивала его. Три месяца спустя слоненок побывал уже почти во всех уголках территории своего сообщества.

Я прозвал его Н'Думе (Самец на суахили): он действительно был настоящий маленький самец. Вначале он питался только материнским молоком, и стоило матери или сестре остановиться, как он деловито рыскал у них под брюхом у передних ног. Через три дня он уже твердо знал, что нужное место находилось между передними ногами матери. Соски, по форме и размерам удивительно напоминавшие женскую грудь, расположены довольно высоко, и ему приходилось тянуться, чтобы достать до них. Когда он сосал, его розовый рот с треугольной нижней губой плотно держал сосок, а хобот либо свешивался на сторону, либо поднимался к голове, изогнувшись в форме буквы S. Тонкий Бивень время от времени касалась его лба, как бы удостовераясь, что кормит именно его. Как и прочие новорожденные слонята, он сосал помалу, но часто, выпивая за сутки 13—14 литров молока. Хобот его то висел, а то вытягивался в виде резинового шланга. Изредка слоненок садился и засовывал кончик хобота в рот, как ребенок, сосущий большой палец. Тонкий Бивень продолжала кормить и свое первое дитя, и иногда оба рта одновременно прикладывались каждый к своему соску. Н'Думе вскоре открыл, что и нежная, терпимая ко всем малышам бабушка Леонора тоже ни в чем не откажет ему.

Отлучение от груди происходило постепенно. Уже к концу первого месяца Н'Думе рвал ртом траву, не умея пока пользоваться хоботом, и, хотя какую-то часть травы он глотал, это скорее всего носило чисто исследовательский характер. Внутри семейной группы слонята сосут мать до тех пор, пока им позволяют, даже после перехода на растительную пищу. Одна из молодых самок, старшая из дочерей Леоноры, по прозвищу Две Дырки, сосала и в девять лет. Когда она толкалась головой в поисках соска, ее двадцатисантиметровые бивни кололи мать, и та отталкивала надоедливого отпрыска хоботом или бивнями. Тонкий Бивень никогда не подпускала к себе Две Дырки.

С самого рождения Н'Думе стал заметным членом семейства. Игривая натура, он часто азартно атаковал старших братьев и сестер, вонзаясь в них пока еще не существующими бивнями. Они снисходительно позволяли ему выделывать свои штучки: он еще находился в том счастливом периоде жизни, когда ему была предоставлена полная свобода действий.

Первый год мать не спускала с него глаз. Стоило ему отойти метров на двадцать-тридцать, как она тут же шла за ним. Очень часто малыш Н'Думе надолго замирал, прислонившись к матери. А каждые несколько минут они то касались друг друга хоботом или боками, то малыш сосал мать.

В пять месяцев он так осмелел, что толкал старших и лез на них, когда они укладывались днем на землю, чтобы поспать. В нем неистощимым ключом была энергия, которая заставляла его бегать за опавшими листьями или разгонять белых цапель, искавших насекомых среди частогокола слоновьих ног. Но чаще всего он носился просто так, нападая на воображаемого противника и повизгивая. Однажды вечером на берегу, когда он бешено крутился вокруг семейства, почва вдруг ушла у него из-под ног. Он провалился под застывшую корочку грязи и стал тонуть в черной вязкой жиже. Чем сильнее он бился, тем больше его засасывало. Он в ужасе завизжал, к нему тут же бросились обеспокоенные Тонкий Бивень и Леонора и остановились на краю провала. До малыша можно было достать хоботом, и Тонкий Бивень осторожно двинулась вперед, оставляя в грязи черные вязкие следы. К счастью, она нащупала под грязью твердую почву. Вначале она попыталась вытянуть слоненка хоботом, но ничего не получилось. Тогда она подсунула ему под брюхо бивни и дернула головой. Леонора внимательно наблюдала со стороны. Н'Думе бился, а Тонкий Бивень старалась изо всех сил и вытаскивала его из грязи. Наконец он оказался на твердой земле, покрытый с головы до кончика хвоста черным липким панцирем. Думаю, урок не прошел для него даром. И это происшествие, по-видимому, спасло ему жизнь позже.

В полгода он уже ничем не напоминал новорожденного. Рыжие волосы выпали, а появились жесткие черные. Он поправился и обрел нормальные пропорции сло-

па, которые почти не меняются с возрастом. Не хватало лишь бивней. Кожа его всегда была грязной, в тон болоту, где он валялся, но после дождя слоненок приобретал блеклый серо-голубоватый цвет. Уши слегка поднялись кверху, немного отстали от шеи. Его пенис утонул в складках кожи, и теперь с первого взгляда было трудно определить его пол.

Но мужской характер Н'Думе с каждым днем проявлялся все больше, и к концу первого года он уже карабкался на других слонят, и, хотя то были всего-навсего детские любовные игры, такое поведение выдавало его принадлежность к самцам. Ни одна самочка никогда не вела себя подобным образом. Это было одно из самых ранних различий в поведении двух полов, и оно проявлялось лет за тринадцать до первого совокупления.

За год Н'Думе вырос на целую треть, его рост стал 1,15 метра. Впервые я заметил на его щеке следы сильно пахнущих маслянистых выделений — *муста*. Выделения появляются на щеке время от времени и никогда не бывают у слонят до года. С возрастом они становятся обильнее, но роль их пока не ясна.

Н'Думе стал еще ловче и игривей. Незаметно изменились его взаимоотношения с матерью. Он уходил все дальше и дальше от родительницы; в этом проявлялись как стремление слоненка к независимости, так и все большее равнодушие Тонкого Бивня к его жизни. Если раньше она спешила ему на помощь, стоило какому-либо увальню-слоненку задеть его, то теперь она предоставляла ему возможность защищаться самостоятельно. Ее неусыпная забота постепенно слабела, и Н'Думе оставалось либо выкручиваться самому, либо тащиться за матерью.

Однажды в жаркий полдень, когда все семейство в полудреме наслаждалось сиестой, он разлегся на прохладной земле под акацией, окруженный изгородью хоботов и ног. Вскоре он заснул. Леонора обычно отдыхала около часа, перед тем как перейти к поискам другой тени, но в тот день по той или иной причине ей не стоялось на месте, и она вскоре двинулась дальше. Тонкий Бивень потянулась за ней. Встали на ноги и остальные слонята, лишь Н'Думе продолжал спать. Вскоре он остался один, только старшая дочь Леоноры Две

Дырки стояла над ним. Она ворчала, но слоненок продолжал спать. Тогда она почесала ему брюхо кончиком передней ноги и хоботом; он тут же вскочил и заметил, что матери нет. Если не считать Две Дырки, его покинули. Остается предположить, что Тонкий Бивень знала: Две Дырки стоит на страже. Н'Думе пробуждал в Двух Дырках какой-то особый материнский инстинкт: она практически не отходила от него. При случае она прятала его меж ног и, казалось, ворчала от удовольствия.

Потом Н'Думе заболел, и, по-видимому, ему было очень плохо, поскольку он беспрестанно издавал жалобные стоны. Наступал час вечерней трапезы, и все семейство набивало брюхо травой, а Н'Думе кругами ходил вокруг и стонал, широко раскрыв рот. Беспокойство ощущала только Две Дырки; отправив в рот очередную порцию вкусной травы, она подходила к нему и, как бы утешая, касалась хоботом его лба. За неделю он очень похудел. Наконец он перестал стонать, сначала ел плохо, но вскоре к нему вернулся аппетит, и я так и не узнал, чем он болел. И очень рад, что остался в полном неведении о причинах заболевания, так как выяснить их мог только при вскрытии.

Внешнее безразличие Тонкого Бивня вовсе не означало, что она не бросится на его защиту в случае реальной опасности. По-видимому, она знала, что в семейном кругу он в безопасности, но если понадобится помощь, она тут же поспешит ему на выручку. Так, встретив однажды гиен в русле реки, неподалеку от лагеря, Леопора и остальные слоники образовали каре и хоботами затолкали малышей внутрь. Затем Тонкий Бивень, пока остальные охраняли слонят, пошла на опасных хищников и обратила их в бегство.

К моменту рождения Н'Думе Тонкий Бивень уже была опытной матерью: за ней бегали еще три отпрыска. Молодые матери возились со своими детьми куда больше, особенно с первенцами, они не отпускали их ни на шаг. Как и неопытные мамы рода человеческого, они пока не сознавали, что воспитание ребенка есть всего-навсего повторяющаяся процедура, и их зачаровывало первое материнство.

Боадичея с ролью матери справлялась плохо, поскольку ее волновали и занимали всяческие опасности, которые могли угрожать ее семейству. Шум машины

заставлял ее отрываться от завтрака, и она редко позволяла своему почти годовалому слоненку досыта насосаться материнского молока. Но такое необычное поведение следовало отнести на счет избытка туристов, а не слонов.

Слонята отличались исключительным разнообразием характеров. Одни уже через несколько недель начинают неутомимо исследовать окрестности, другие ни на шаг не отстают от своих матерей. Одни игривы и кипят энергией, другие вялы. В одной семейной группе я стал свидетелем исключительного случая: малыш большую часть своего первого года проводил не с матерью, а с матриархом по кличке Сфинкс, которая была беременна и имела молоко. Ее слоненок родился через три месяца после усыновления первого, и они выглядели близнецами, играя, посасывая молоко и бегая под бдительным оком Сфинкса. Покинутой матери надо было подойти к матриарху почти вплотную, чтобы обратить на себя внимание своего дитяти.

Как и у других слонят, вес мозга Н'Думе при рождении не превышал 35% веса мозга взрослого животного. Большинство млекопитающих рождаются с мозгом, который почти не меняется с возрастом. У слона же мозг развивается медленно по причине столь продолжительного детства, во время которого слоненок учится, и поэтому прогресс выглядит разительным.

Н'Думе рос и учился. Он постигал движения, но вначале они выглядели очень комично; он принимал десятки поз, в которых редко приходится видеть взрослых животных. Еще позже Н'Думе освоил сложные двигательные комплексы. Со временем он научился ползать на брюхе, перекатываться через спину, волочить задние ноги, словно раненый олень, и усаживаться с опущенными ушами наподобие собаки.

Много хлопот доставлял ему хобот. В первый год он и не подозревал, что можно утолять жажду с помощью хобота; он становился на колени на берегу реки и, держа хобот подальше от воды, пил ртом, как и другие юные слонята. Постепенно, играя кончиком хобота в воде, он методом проб и ошибок научился всасывать воду, удерживать ее в поднятом хоботе и затем выливать себе в рот. Часто вместе с водой попадал песок, и тогда он яростно тряс кончиком хобота и скручивал

его в узлы. Он научился расслаблять его, покачивать и вращать им, и, так проверяя все его возможности, Н'Думе стал ловко орудовать хоботом.

Хобот слона — многоцелевой «инструмент», выполняющий сразу функции верхней губы и носа, он состоит из множества мышц, каждая из которых повинется лишь определенному сигналу центральной нервной системы. И не удивительно, что Н'Думе так долго постигал его бесчисленные возможности. Когда внутри хобота чувствуется зуд, он сворачивает его в кольцо под передней ногой. На кончике хобота растут крохотные волосики, с помощью которых, по-видимому, слоны определяют форму, строение и температуру предмета, а также улавливают, откуда доносится запах.

Тонкий Бивень пользовалась своим хоботом с удивительным мастерством, часто помогая ногами или бивнями. То хобот служил сосудом для собирания песка, отброшенного ногой при рытье ямки для воды, то он придерживал траву, пока слониха ногой отрывала корни. Если к корням липла земля, она постукивала пучком травы по голени, чтобы та осыпалась. Обдирая кору с дерева, она хоботом хватала малейшие выступы коры и тянула, в то время как бивни отделяли ее от ствола и рвали на полосы. Если чесались глаза, она терла их хоботом, словно валком, и хоботом же она размазывала грязь по спине или осыпала себя песком.

А однажды мне довелось наблюдать одного слона, который подобрал хоботом ветку и почесал себе ногу — еще один пример использования животными орудий. Но не все умел Н'Думе в раннем возрасте; многому он научился позже. Иногда казалось, что он наблюдает за Тонким Бивнем и сознательно подражает ей, но у меня нет доказательств. Иногда он засовывал хобот в рот матери, проверяя, что она ест; часть пищи он забирал, жевал и глотал. Вероятно, именно так слонята узнают, чем можно питаться. Тот же жест служит приветствием, когда кто-нибудь из них приближается к старшему сородичу. Годовалый слоненок так же встречает взрослого самца при временном появлении последнего в семействе.

Н'Думе познал и страх. Однажды он бросился прямо на мой «лендровер», с угрожающим видом распустив уши и вздернув голову, его круглые глаза мета-

ли искры. Он ничего не боялся до того момента, когда заметил, что находится в полном одиночестве. Тонкий Бивень стояла шагах в двадцати и наблюдала за сценой; первые движения хобота выдавали ее беспокойство. Вдруг мужество оставило его, и он бросился к матери, задрав хвостик и визгливо вереща. Больше он никогда не приближался ко мне.

Иногда Тонкий Бивень успокаивала его, она тихо поглаживала его хоботом, и страх проходил. Защищала его и Две Дырки. Как-то его сильно напугал выскочивший из-за поворота автомобиль с туристами, и он пустился наутек в сторону от своего семейства. Две Дырки бросилась за ним, обогнала и направила в нужную сторону, положив кончик своего хобота ему в рот.

Когда Н'Думе исполнилось два года, появились перламутровые кончики молочных бивней, но вскоре они выпали, и прорезались постоянные бивни. Смена бивней происходит в самое разное время, и поэтому по ней нельзя судить о возрасте. И, конечно, как любой ребенок, Н'Думе горел желанием испробовать новое приобретение. Первая, не особо успешная попытка была сделана, когда он вместе со всем семейством атаковал своими бивнями кору акации тортилис. Он наносил ими удары по своим старшим братьям, сестрам и прочим родичам; острые кончики были грозным оружием и больно ранили. Но одновременно его поведение стало все больше подчиняться некоему «социальному тормозу», который не позволял слоненку свободно пользоваться своим оружием.

Социальное воспитание должно было подготовить его к борьбе за выживание. Следовало научиться быстро реагировать на опасность, а также изучить правила конкурентной борьбы с другим слоном.

Социальные столкновения начинаются уже при встрече двух малышей. Сначала они дружески обнимают друг друга хоботом, а затем принимаются толкаться. Исход такого сражения, казалось бы, легко предугадать из-за разницы в размерах. Но более крупное животное действует осторожно, вкладывая минимум силы. Чем моложе слоненок, тем нежнее отношение старшего.

За несколько месяцев Н'Думе познакомился со своим крохотным мирком и населявшими его слонами. Его

сородичи продолжали ходить неизменными путями, передвигаться из одного района своей территории в другой: утром поднимались в лес и лакомились инжиром, затем спускались к реке Эндабаш, где насыщались сочной зеленью болот, не пересыхавших даже в сухой сезон, и снова поднимались в разреженный лес к акациям с их стручками. Матриархи Боадицея, Леонора и Джебазель в сопровождении своего потомства следовали метрах в ста друг от друга. Но частенько все семьи смешивались, особенно на реке или вечером на пляже.

И тут в малышей словно вселялся бес. Они носились кругами и играли друг с другом, а то сбивались в одну кучу, где нельзя было различить, кто чей. Они играли, словно расшалившиеся щенята, схватываясь по двое, по трое, вчетвером или впятером. Но стоило им разъяриться всерьез, появлялась чья-нибудь мамаша или молодая самка и, прикрывая своего малыша, уводила его подальше.

Н'Думе превосходно знал свою семейную группу, познакомился со всеми 45 слонами из сообщества Боадицеи; в общих чертах он знал и остальных 500 слонов этой же территории, с которыми сообщество Боадицеи изредка встречалось.

Счастливейший период снисходительного отношения к нему кончился, и подросток Н'Думе столкнулся с враждебностью не только равных себе, но и Тонкого Бивня. Это произошло на водопое. Слоны питали особое пристрастие к некоторым источникам, содержащим, по видимому, минеральные соли, а места часто хватало лишь одному животному. Более того, в сухой сезон, когда река Идала уходила в песок, слоны добывали воду только из лунок, которые проделывали хоботом.

Н'Думе и в голову не приходило, что Тонкий Бивень рыла лунки вовсе не для него. Она пыталась набрать воды в хобот, медленно всасывая ее, дабы не взбаламутить песка, а он отталкивал мать, стараясь занять ее место.

Увалень Н'Думе то и дело обрушивал хрупкий край лунки, и Тонкому Бивню приходилось начинать все сначала. Она умело удерживала малыша на расстоянии. Однажды я наблюдал, как она оттолкнула его хоботом восемнадцать раз за пять минут. Он с ворчанием протестовал, а она ворчала, успокаивая его. Она меша-

ла ему подойти к лунке, переставляя ноги. Он опирался о ногу матери, пытаясь обогнуть ее, и падал, но его хобот тянулся к воде по земле, словно гусеница. Когда Тонкий Бивень поднимала голову, ему иногда удавалось сунуть свой длинный нос в лунку и втянуть глоток воды, пока его снова не отталкивали.

Такое эгоистическое поведение Тонкого Бивня характерно для взаимоотношений матери и слонят. Если из-за какой-нибудь пицци возникал конфликт, мать силой, если могла, забирала лакомый кусок. Так было и с водой: альтруизм, проявляемый при взаимозащите, кончался при дележке пицци или воды. С более старшими слонятами обращались еще суровее, хотя характер самок был неодинаков, как, например, в случае кормления малыша. Я не раз видел, как старших слонят отпихивали от лунки с водой бивнем с такой силой, что брызгала кровь, а малыш ревел от боли.

Слоны старше пяти лет обычно уже не рискуют подходить к лунке крупной самки. Не раз бывало, что слоненок более часа ожидал очереди напиться. Но стоит старшим слонихам утолить жажду, как они удаляются, оставляя малышам лишь несколько минут, и те едва успевают сделать глоток, чтобы не отстать от семейной группы. Случалось, что другая группа, дождавшись, пока напьется предыдущая, отталкивала малышей, прежде чем те успевали утолить жажду.

Я следил за развитием Н'Думе в течение двух с половиной лет с момента его рождения в марте 1968 года до моего отъезда 1 сентября 1970 года. Он был полон сил и энергии, но еще зависел от матери и семейства. Я вновь видел его с родичами в марте 1973 года, но об этом расскажу в Послесловии.

Наблюдение за другими слонятами показало, что по крайней мере первые десять лет своего существования они растут в атмосфере любви и под защитой своей семейной группы. Даже после рождения нового слоненка первый малыш получает от матери знаки внимания, которые не ослабевают и во время «отрочества», а часто и позже.

С возрастом слонята играют и дерутся со все большей ловкостью. Они узнают, как использовать склон в борьбе с противником. Иногда игра переходит границы дозволенного и вступает в опасную стадию, их движе-

ния становятся быстрее и резче, в каждый толчок вкладывается вес всего тела, но такое случается редко, а в общем стычки происходят сдержанно, для побежденного они кончаются легким уколом в бок. Однако если слонята разделены препятствием, к примеру упавшим деревом, то противники от игры переходят к взаимным угрозам, тем более яростным, чем меньше возможность войти в прямой конфликт друг с другом. Их поведение напоминает поведение собак, облаивающих друг друга по обе стороны изгороди.

Эти шуточные бои имеют, должно быть, функциональную ценность для слона: они позволяют животному помериться силой с другими обитателями того же района. Так во время дружеских схваток каждый слон узнает свое место в иерархии. Приобретенный опыт в маневре и владении бивнями может помочь позже, когда животное вступит в настоящий бой. Спор между слонами за воду или пищу обычно разрешается простыми угрозами — расставленными ушами или извивающимся хоботом. Серьезные бои исключительно редки. Угрожающая поза у слонов, как и у других видов животных, защищает животное от нападения.

С приближением подросткового возраста, с одиннадцати до тринадцати лет, слонята-самцы участвуют в яростно-шаловливых схватках, взбираются друг на друга или на самок. Это взрыв активности перед переходом к полной независимости и окончательным разрывом с семейной группой. Мне легче стало понять их жизнь, когда я занялся радиослежением.

Слонята-самки, достигнув половой зрелости, все больше и больше избегают схваток с родными и двоюродными братьями и проявляют все больше материнских чувств к малышам. Так вела себя Две Дырки; она играла только с меньшими собратьями, иногда валилась на бок рядом с Н'Думе и другими малышами и протягивала хобот, словно приглашая их влезть на нее. Когда они приближались, она вначале отталкивала их, а потом разрешала им карабкаться на ее крутые бока, откуда малыши скатывались, вытягивая вперед ноги и всю двигая хоботами. Нередко, когда схватки малышей кончались дракой, она вмешивалась и хоботом разводила бойцов, пока те не остывали.

Некоторые матери не терпели молодых «нянек», осо-

бенно впервые родившие слоники, но в пользу «нянек» сомневаться не приходится. Две Дырки доказала это в тот день, когда Н'Думе заснул, а она его разбудила, не оставив в одиночестве. И, кроме того, она, по-видимому, приобретала полезный опыт для своего будущего материнства.

Н'Думе не ощущал ни враждебности, ни равнодушия старших слонов, которые, казалось бы, должны были проявляться по причине плотности популяции. Напротив, к нему относились терпеливо и по-доброму. Если какие-то социальные причины и ограничивали популяцию, плохого отношения к слонятам не наблюдалось. Примеры злости проявлялись намного чаще у старших слонов. Мне неоднократно доводилось наблюдать это, когда я ходил по пятам за сообществом Боадицеи.

С 1966 по 1967 год 99 моих слонов принесли 34 слоненка. А годом раньше их родилось всего восемь. Следовательно, уровень рождаемости носит переменный характер, и только долгосрочные наблюдения позволяют получить достоверные данные. В конце концов я пришел к тому же выводу, что и Лоуз в Уганде: чем больше дождей, тем больше рождаемость. Именно здесь кроется причина неравенства возрастных категорий. Размер популяции зависит и от смертности. И мне хотелось завершить работу установлением отношения числа рождений к числу смертей, чтобы точно знать колебания популяции слонов Маньяры.

А пока следовало проверить, как влияли перемещения слонов на их плотность. Для этого надо было найти средство слежения за слонами в густых и опасных зарослях Эндабаша, где проходили тропы, петлями ведущие вверх, к границам парка и лесу Маранг. Разрешить проблему могло лишь радиослежение.

Доктору Ричарду Лоузу удалось обездвигнуть двух слоних и надеть на них ошейники с радиопередатчиком, но последние быстро оторвались: один — на второй, а другой — на одиннадцатый день. Нужны были новые опыты.

РАДИОСЛОНЫ

После встречи с носорогами у водопада Эндабаш я избегал пешего патрулирования в южной части парка, поскольку растительность там мало способствовала наблюдениям и делала их довольно опасными. Поэтому я узнал многое о слонах и их территориях на севере парка, но узнавать «в лицо» всех слонов Эндабаша еще не мог.

Причина заключалась в том, что южные слоны, незнакомые и опасные, почти никогда не покидали густого кустарника, а попадавшие туда северные слоны буквально растворялись среди них.

Когда я признался Хью Лэмпри, что мне никак не удастся познакомиться со всеми слонами парка, он сказал:

— Иэн, это сделать необходимо. Вы избрали метод изучения слонов сами, и он должен сработать!

После таких слов у меня, несмотря на опасения, не осталось выбора. Следовало идти в кустарник и наблюдать слонов Эндабаша на их собственной территории. Я усилием воли заставлял себя добираться пешком до места недавней встречи с носорогом, но теперь меня сопровождал Мходжа с крупнокалиберным ружьем. Там хозяйничала группа эндабашских слонов, которые шумно выразили неудовольствие, как только ветер донес до них наш запах. Пытаясь обойти стадо, мы наткнулись на носорога. К счастью, он понесся в противоположном от нас направлении — по-видимому, потому, что смотрел в ту сторону.

По некоторым тропам, спускавшимся к реке, куда слоны ходили на водопой, можно было пробиться на «лендровере». Я облюбовал позицию вблизи водопоя, но ветер часто менял направление, и ничто не могло заставить эндабашских слонов подойти к воде из-за запаха человека и машины. А иногда животные просто уходили к другому водопою.

Я испытал громадное облегчение в тот день, когда встретился с Королевой Викторией, пришедшей сюда ради спелых сладких плодов инжира. У меня тогда гостила приятельница из Америки Кэти Ньюлин. Она пря-

мо растаяла от удовольствия, когда увидела слонов так близко. За семейной группой шествовал самец. Он переходил от дерева к дереву, тряс их хоботом, и дождь спелых плодов сыпался на землю. Семейство Виктории набрасывалось на лакомство, а самец снисходительно поглядывал на сородичей. Из медленно двигавшегося «лендровера» видны были лишь спины толстокожих. Мэри, еще одна крупная слониха группы, стояла на крохотной лужайке; она оторвалась от пиршества и бросила в нашу сторону равнодушный взгляд, но стоило сучьям хрустнуть под колесами машины, как она с легким раздражением тряхнула головой. Я уже месяц не видел этой группы и был очень рад встрече.

Мходжа позади «лендровера» разглядел сквозь листву другую группу слонов. Мы их не знали, направились к ним, давя по пути ветки, и наткнулись на молодую самку с малышом. Они испугались и рысцой скрылись за кустом гардении. А несколько секунд спустя из-за него появилась громадная слониха с круто изогнутыми бивнями и без предупреждения и колебаний пронзила ими кузов «лендровера». Мходжа и его помощник Симеон, стоявшие там, увидели под ногами бивни, а над собой угрожающую тень. Они спрыгнули на землю и исчезли в кустарнике.

Первый удар развернул машину. Слониха выдернула бивни и снова вошла в металл.

— Не выходи из машины! — успел крикнуть я Кэти.

Она во весь рост растянулась на полу кабины.

Справа из-за кустов появились другие слонихи с бегущими перед ними слонятами, и тут же все ринулись в атаку. Трехлетний слоненок ударил головой в крыло и, потрясенный, отступил назад. К счастью, соотношение размеров машины и разъяренных животных позволяло одновременно атаковать только трем слонам, но и этого хватало с избытком. Мы чувствовали себя то мячом в момент схватки регбистов, то лодкой, на которую разом с трех сторон накатывается девятый вал. Машина едва не перевернулась, но снова встала на колеса. Бивни появлялись и исчезали с ужасающей быстротой. Мощный рев сотрясал воздух, со скрежетом рвался металл. В тот момент я не думал, что скажет мне Джон Оуэн по поводу новенького «лендровера»

парка. Вдруг в проеме дверцы показался чудовищный карий глаз, оправленный в шершавую кожу с длинными ресницами. Он принадлежал слонихе, которая пыталась головой продавить крышу кабины. Крыша затрещала, немного осела, но выдержала. Тут же наискок через дверцу прошли бивни. Я мог дотронуться до глаза пальцем. Потом, к моему облегчению, он исчез, не разглядев, как мне казалось, нетронутый мозг металлического зверя. Я на мгновение представил себе хозяйку глаза, срывающую с нас головы, как бананы с дерева.

Возникла еще одна громадина — в ней одной ярости оказалось больше, чем во всех других, вместе взятых, — и нанесла удар в передок машины. Крыло смялось, как картон, а бивень проткнул радиатор. Слониха нанесла еще один удар и приподняла машину одним движением головы, словно стог на вилах. Нанеся третий удар, она подалась вперед, и «лендровер» прокатился задним ходом добрых 30 метров до термитника под деревцем и уткнулся в него.

Только теперь слоны оставили нас в покое. Они отошли метров на тридцать, образовали плотное кольцо и исчезли в кустарнике. Они возбужденно трубили и ревели, а их бивни были выпачканы зеленой краской.

Моя приятельница поднялась с пола и отряхнула платье. Она выглядела слегка потрясенной, но была в целости и сохранности и хладнокровно встретила столь опасную ситуацию. Первым делом я вспомнил о Мходже. На мои крики и свист ответил лишь недовольный рев слонов. Машина казалась неисправимо искалеченной, но вот диво: стоило мне нажать на стартер, как двигатель завелся. Одна шина спустила после удара бивнем, а кусок рваного металла цеплялся за одно из передних колес. Мы отогнули металл и, хромая на спущенную шину, пустились на поиски возможных жертв. Слоны со всех сторон окружали нас, но по-видимому, они уже утолили свою жажду разрушений.

На месте первого столкновения мы остановились, но не обнаружили на земле ни следов крови, ни обломков бивней. Я вскарабкался на «лендровер» и снова стал звать. Слабенькое, издевательское эхо допелось из леса, а может, то был ответ? Я углубился в кустарник и сделал новую попытку. На этот раз мне ответили. На-

конец километра через два из густой тени показалась зеленая форма Мходжи.

Мы так обрадовались встрече, что разразились безумным смехом. После Мходжа рассказал, как пробрался меж ног атакующих слонов и бросился в кустарник, пытаясь остановить убегающего Симеона. У последнего было лишь одно намерение — добраться до обрыва и вскарабкаться наверх, подальше от ужасного места, кишящего дикими зверями. Мходжа догнал его лишь через полтора километра. Они возвращались посмотреть, что с нами случилось, когда услышали мои крики.

В пылу сражения меня так захватили действия слонов, что я не обратил внимания на их внешний вид.

— Кто это был? — спросил Мходжа.

Неудобно признаться, но я не мог дать ответа. Только строил предположения. Лишь раз прежде я был свидетелем атаки в полной тишине, без предупреждения и каких-либо явных угроз, тогда я тоже имел дело с четырьмя крупными самками. Несомненно, на нас напали сестры Торон. Поражало их поведение, представлявшее разительный контраст с обычным предостерегающе-угрожающим поведением маньярских слонов, которое, по мнению отдельных этологов, нормально в конфликтной ситуации. Защищаясь, слоны покачивают передней ногой, бросают землю через голову или в направлении нападающего, сворачивают хобот или потряхивают головой. Но эта защитная реакция легко переходит в нападение.

Чем объяснить нападение без предупреждения и колебаний главы семейства сестер Торон? Может быть, тем, что она не испытывала никакого внутреннего конфликта или же выбежала из-за гардени слишком быстро и, не успев затормозить, столкнулась со мной, ибо пересекла критическую границу, за которой животное вступает в смертный бой с предполагаемым врагом. Дрессировщики львов знают о существовании этой границы: они подходят к хищникам достаточно близко, вызывая яростный рев и фырканье, но не переступают черты, за которой угроза переходит в немедленную атаку. Меня заинтересовал и тот факт, что слоны воспользовались своим преимуществом в массе, наваливаясь на противника и пытаясь раздавить его. Мы, в общем, обошлись малой кровью. «Лендровер» был поврежден

не так уж сильно; мы выпрямили кузов, заткнули часть круглых дырок, заменили радиатор, и машина стала как новая. Я подумывал об установке брони на дверцу, которую бивень пронзил, едва не задев меня, но потом решил, что работа слишком сложна.

После происшествия с носорогом на Эндабаше и нападения сестер Торон на машину я продолжал искать надежное средство наблюдения за перемещениями слонов. Вначале я решил применить обычную слежку.

Русло Эндабаша — длинная ровная полоска песка от водопада до впадения реки в озеро. На ней легко читались следы животных, пришедших с юга или севера. По утрам мы с Мходжей являлись туда и пересчитывали слонов, прошедших в обе стороны. Когда они шествовали след в след, наши усилия сводились в основном к определению следов разного диаметра. Некоторые слоны шли вверх по реке зигзагами, а потому создавалось впечатление, что их значительно больше, чем на самом деле. Однако эти сведения имели определенную ценность, и я разбил реку на четыре сектора.

Мходжа отправлялся на реку ранним утром, изучал следы на песке и возвращался с рапортом о количестве животных, прошедших за сутки. Будь в Маньяре мало слонов, этот метод принес бы хорошие результаты, но их насчитывалось около 450, и, бывало, они пересекали демаркационную линию несколько раз в день. Избыток следов приводил к тому, что оказывалось невозможно различить тропы и достаточно точно интерпретировать следы.

Однажды утром я спокойно проводил Мходжу, который, небрежно прыгая на своих длинных ногах со скалы на скалу, скрылся за первым поворотом, и вдруг минут пять спустя до меня допеслоси раскатистое эхо выстрела, а затем наступила тишина. Я вскочил в «лендровер» и понесся к мосту через Ндалу. Там я увидел по одну сторону моста разъяренную львицу — она колотила хвостом по земле, не спуская глаз с Мходжи, который стоял по другую сторону, привалившись к столбику, и курил сигарету. Дуло ружья смотрело в лоб львицы. Я подъехал, и он прыгнул в машину.

По словам Мходжи, он дошел до моста и положил ружье, чтобы закурить сигарету. Но, подняв глаза, увидел шагах в пятнадцати львицу, на громадной скорости

летевшую к нему. Он схватил оружие и хладнокровно, с бедра послал пулю в точку, находившуюся метрах в двух перед ее мордой. Львица резко остановилась, но ее ярость не утихла и при моем появлении.

Стоило Мходже оказаться в «лендровере», как она мелкими скачками исчезла в кустарнике, где виднелись другие львицы и туша задранного ночью буйвола. Тот же Чонго, кривой лев, был здесь же и с жадностью пожирал мясо. Думе Кубва исчез. Наверное, его подстрелили охотники за пределами парка. Чонго пришлось защищать свою территорию от чужого вторжения. Но вернулся взрослый Сатима, и они вступили в союз. А оба прайда львиц заботились об их пропитании и занимались охотой.

После этих едва не закончившихся катастрофой приключений я решил лучше отказаться от нашего метода слежки, чем ежедневно подвергать опасности жизнь Мходжи.

В Серенгети Джордж Шаллер и Ганс Круук работали совместно с Говардом Болдуином, американским специалистом по электронике, которого пригласили для создания радиопередатчиков, позволяющих следить за львами и гиенами. Узнав о его прибытии в Серенгети, я тут же отправился знакомиться и попытаться выпросить один передатчик для слона.

Говард Болдуин — энтузиаст самых фантастических проектов, и мне не пришлось его долго уговаривать. Он считал вполне возможным приспособить «львиное» оборудование для слона, но при одном условии — прежде всего поймать слона.

К счастью, в Восточной Африке жил ветеринар, который последние десять лет занимался разработкой методов обездвижения слонов. Его звали Тони Хартхоорн. Именно он предписывал нужные дозы транквилизаторов для программы Джорджа Шаллера. Тони не раздумывая согласился приехать.

Он явился рано утром вместе со своей очаровательной чернокудрой женой Сью. Супруги оказались удивительно веселыми людьми. Я тут же повез их представить Боадичее (мой пробный камешек для всех гостей); Хартхоорны быстро оправались от первоначального шока, вызванного ее яростной атакой, и с большим интересом стали вникать в мельчайшие подробности взаи-

моотношений матерей и слонят, уже совсем не обращая внимания на редкие выпады матриархов.

Говард, прибывший накануне ночью, целый день просидел в лагере за настройкой «слоновьих» передатчиков и приемников и проверкой радиотелефонов; он то и дело нырял в громадный сундук, набитый чудесным оборудованием, и делал в нем последние поправки.

Мы имели три ружья, стрелявшие шприцами, которые, попав в животное, автоматически впрыскивали ему свое содержимое. Тони привез обычное дальнобойное ружье и пневматический пистолет для близких расстояний. Для средних дистанций использовалось ружье «Капчур», работающее на сжатом углекислом газе.

Мы распределили обязанности: я — за рулем, Тони — стрелок, а Говард с женой и Сью будут находиться во втором «лендровере»; мы его вызовем по радиотелефону, как только слон окажется на земле.

Утренние поиски оказались безуспешными, зато мои гости насладились видом галдящих пеликанов и других водоплавающих на берегу озера, обрывом с его ароматными зарослями шалфея, лесом с его тенью от величественных зеленых сводов и древесной саванной, где Сатима, Чонго и их львицы спали, обожравшись мясом еще одного убитого буйвола. Но ни разу перед нами не мелькнули ни бивень, ни кожа слонов.

Только в полдень мы заметили несколько самцов и семейных групп около устья Ндалы. Они все утро прятались в разреженном лесу около лагеря, единственного места, где мы их не искали. Я выбрал миролюбивого самца по кличке Острый Бивень, которого достаточно хорошо знал. То был взрослый одиночка, и я считал маловероятным, чтобы к нему на помощь пришли другие слоны. Я горел желанием преуспеть в первой же попытке и напялить на слона ошейник с транзисторами. Задача представлялась простой, если иметь дело с послушным животным. А уж потом выберем мишенью слона вроде сестер Торон. Вначале мы решили не трогать самок с малышами, которые обязательно придут на выручку друг другу.

С расстояния в 30 метров Тони выстрелил в наметенного самца. Серебристый корпус с красным флажком воткнулся в круп слона. Он вздрогнул, рванулся вперед и тут же исчез в густейших зарослях. Машина

оказалась бесполезной, и мы двинулись пешком. Слонов вокруг нас было предостаточно, и двигались мы с большими предосторожностями.

Я вновь открыл для себя прелести охоты. Добычу пельзя было упускать из виду до момента ее падения. Ее ничто не должно было волновать, и мы часто проверяли, откуда дует ветер, чтобы не вспугнуть прочих слонов. А наша жертва бодро трусила иноходью; потом она остановилась под деревом, и мы застыли в ожидании действия лекарства. Через двадцать семь минут после выстрела Острый Бивень начал покачиваться из стороны в сторону. Его глаза сомкнулись, голова опустилась, а задние ноги стали подгибаться. Потом он вздрогнул и двинулся дальше. Я попросил Тони вернуться к машине и перерезать ему дорогу. А сам в одиночку двинулся за слонем, скользя от дерева к дереву и не упуская его из виду. Когда он приблизился к другому самцу, движения его стали живее, и через полтора часа он выглядел совершенно нормальным. На сем мы с ним и расстались.

На новую попытку времени не оставалось, и мы отложили операцию на следующий день.

Вечером мы обсуждали возможное увеличение дозы. Тони отказался подвергать опасности жизнь слона, даже если у нас был шанс быстро преуспеть в нашей затее. Я склонялся к тому же. Интервал между безопасной и смертельной дозами мог быть очень небольшим. Я помнил, как несколько лет назад слишком сильной дозой сукцинил-холинхлорида, общеупотребительного, но опасного наркотика, в Серенгети была случайно убита антилопа гну. Мы использовали вещество М-99, с помощью которого удалось несколько лет назад обездвигить в парках Южной Африки 31 слона лишь при одном смертельном исходе.

В следующие шесть дней нас постигли неудачи. Однако Тони улучшил технику стрельбы из дальнобойного ружья; увы, деревья и кустарник Маньяры оказались столь густыми, что слоны становились заметными лишь в непосредственной близости, и шприц мог полностью войти в тело животного. Единственный раз, когда мы выстрелили с большого расстояния, грохот распугал всех слонов в округе. Четырехлетний слоненок жалобно взревел, споткнулся и ткнулся бивнями в зем-

лю. А взрослый самец, в которого мы целились, очертя голову бросился бежать, ударился о дерево, вскочил на ноги и, хромая, потрусил прочь. К счастью, он серьезно не пострадал. Наутро все пришло в норму, но мне не хотелось лишний раз беспокоить слонов, ибо они могли переменить свое отношение ко мне.

Поэтому мы решили использовать старенький «Капчур», но после долгой и верной службы предыдущему смотрителю парка он потерял герметичность, и газ потихоньку вытек из него. И в день, когда Тони, тщательно прицелившись в толстокожего, нажал на спусковой крючок, ружье дало осечку. Вместо «фьют» послышался свист. Никто не заметил, куда вылетел шприц; искать его не имело смысла, ибо животное продолжало стоять в прежней позе, словно нарочно являя собой идеальную мишень.

Пока Тони перезаряжал ружье, я установил новые капсулы с газом. Тони выстрелил снова. Раздался приглушенный треск, и вдруг нам показалось, что Тони примкнул к ружью штык: из дула показался кончик первого шприца.

На помощь пришел Говард. Он извлек оба шприца, а вернувшись в лагерь, разобрал ружье и подручными средствами вернул ему герметичность.

Но неудачи преследовали нас. Один из шприцев срикошетировал после прямого попадания в цель. В другой раз при ударе сломалась игла. Говард изготовил новые иглы. Однажды нам удалось всадить шприц в идеальное место — мышцы плеча. Но и через два часа слон не подавал признаков недомогания. Кончилось тем, что он избавился от шприца, потершись о дерево. Мы подобрали его и увидели, что детонатор, который должен был сработать при ударе и выпрыснуть транквилизатор в слона, не взорвался. Еще один самец было заснул и свалился, но, к неопишуемому удивлению Тони, тут же поднялся и удалился.

Когда выяснилась исключительная стойкость слонов к М-99, Тони стал постепенно увеличивать дозу.

Решительности нам было не занимать, и мы отлично понимали друг друга; без этого нам бы не удалось преодолеть столько неудач. Когда наши запасы снотворного иссякли, я отправился в Серенгети к Хью Лэмпри, и тот щедро поделился со мной собственными запасами

ми. В то время это лекарство было редким, но Хью не терпелось завершить опыт по радиослежению. Мне поручался выбор цели и преследование слона после попадания шприца. Последнее исключительно важно: при падении на живот слону грозит смерть от удушья, так как его внутренности с силой давят на диафрагму. Существует и опасность теплового удара, если не поливать водой его уши, которые играют важнейшую роль в регуляции температуры слонов. Последующие опыты подтвердили это.

Вся операция осуществлялась практически с машины. Тони был против работы без машины после случая со зрителем кенийского национального парка Меру Тедом Госом, еще одним фанатиком обездвиживания слонов. Вначале Тед работал вместе с Тони, а затем в одиночку. Его исследовательская деятельность прекратилась в тот день, когда он приблизился к слону, который, как ему показалось, погрузился в забытие. Но у самца нашлось достаточно сил, и он бросился на Теда. Когда тот упал, слон схватил его хоботом, бросил под ноги и стал топтать. Госу едва удалось добраться до безопасного убежища, но у него было сломано бедро. После этого случая с Тедом Тони никогда не подходил к стоявшему на ногах самцу.

В конце долгого, утомительного дня, когда нам так и не удалось произвести выстрел по самцу, мы встретили меж акаций тортились в древесной саванне семейство матриарха Виктории. Ни одно животное нас не устраивало, но, надеясь на удачный исход дела, я выбрал слоненка восьми лет, сына старой Мэри, красивой крупной слонихи. Я лелеял надежду, что она будет записываться меньшими детьми и мы получим возможность укрепить передатчик на этом слоненке.

Монолитная семейная группа Виктории состояла из пяти самок и их малышей — всего 16 животных. Это стадо я знал хорошо, и мне было чрезвычайно интересно проследить именно за ним.

За группой Виктории следовала Флоренс и ее семейная группа из 11 членов, родственники Виктории. Параллельно им, метрах в ста пятидесяти, двигалась плотная когорта из 40 слонов семейства Боадицеи. Оба родственных сообщества часто встречались и смешивались друг с другом; я наблюдал их вместе более 50 раз.

Значит, они хорошо знали друг друга. Однако по теории вероятности их встречи могли быть случайными, а потому я и не предполагал между ними тесных родственных связей.

Шприц попал слоненку в складки кожи под лопаткой, место, по-видимому, лишенное чувствительности, ибо он не пискнул и не изменил своего поведения. Одна из старших самок семьи, Острый Слух, тряхнула головой при звуке «фьють», но продолжала двигаться.

Ровно через 12 минут слоненок рухнул на бок. Мэри, находившаяся рядом, тут же развернулась и затрубила. Она затрусилась к нему с вытянутым хоботом и распущенными ушами, чтобы на месте разобраться в происходящем. Другие самки вернулись и окружили малыша; их уши были растопырены, а головы опущены, они ворчали и громко трубили. Эпп, самка из семейной группы Флоренс, посмотрела в нашу сторону, но, очевидно посчитав нас не причастными к случившемуся, не стала нам угрожать. Громогласные фырканье и рев продолжались.

Боадицея, Леонора и Джебазель со своими семейными группами развернулись широким флангом и присоединились к Виктории и Флоренс, стоявшим около слоненка. Мои усилия отвлечь их вызвали лишь угрожающие действия со стороны слонов. Они начали топтать, пускать пылевые фонтаны, издавать пронзительные крики и ломать кустарник. Я видел, как Острый Слух и Мэри вдвоем пытались поднять малыша, а матриарх Виктория ходила взад и вперед между нами и ими. Слоненок не потерял сознания: при каждой их попытке поднять его он протягивал к ним хобот.

Слонихи не оставляли его в покое. Резкими движениями они ставили его на ноги, но каждый раз малыш с грохотом падал. Я опасался, как бы они его не поранили. Каждая из трех слоних сделала попытку, а затем они объединили свои усилия: прижались друг к другу и образовали плотную стену между нами и слоненком. Три семейные группы сообщества Боадицеи совершенно перемешались с остальными слонами — получилась фаланга из 67 слонов.

Малыши крутились вокруг, толкались, отходили, с яростью атаковали воображаемого противника, ревели, фыркали, мычали — все это превратилось в один бес-

прерывный гвалт, в котором иногда слышались звуки, похожие на человеческие голоса. Я безуспешно пытался отогнать слонов, но Тони с опаской относился к попыткам такого рода, да и я не имел ни малейшего представления о реакции слонов в такой ситуации. Мы отъехали подальше и продолжали наблюдение издалека. Через завесу пыли доносились лишь возбужденные звуки, производимые слонами.

К нашему величайшему удивлению, через три четверти часа после падения слоненка семейная группа Виктории вместе с его матерью Мэри удалилась, увлекая за собой группу Флоренс и оставив слоненка на попечение сообществ Боадицеи, Леоноры и Джебазель, не имевших кровной связи с ним. Сцена повторилась: все три самки по очереди пытались поднять слоненка. Через сорок минут вернулись Виктория и Мэри со своей семьей и снова принялись ставить слоненка на ноги. Мало-помалу с их помощью он стал приподниматься на передних ногах, но тут же падал. По-прежнему стояла столбом пыль, раздавался рев, но слоны немного утихли.

В конце концов мы облегченно вздохнули: малыш устоял на ногах. Самки всех пяти групп снова образовали круг, как бы осведомляясь о его самочувствии. Многие подходили к нему и трогали кончиком хобота. Надвигалась ночь. Осознав серьезность ошибки, чуть не стоившей жизни слону, мы уехали спустя два часа после начала операции.

Хартхоорны уже дважды откладывали свой отъезд. Вот-вот собирался отбыть Говард. Если не удастся немедленно добиться успеха, у опыта не будет будущего.

В последний день мы покидали лагерь с куда меньшим оптимизмом, чем в первое утро. Но едва мы перебрались через Ндалу, направляясь к северу, как заметили разделившееся на семь сообщество громадной Сары со скрещенными бивнями в сопровождении нескольких независимых самок.

Мы приблизились к одному из одиночек и всадили шприц ему в бок, где тот и повис, словно обломившись. Животное было известно под кличкой М 4/3, и я так к ней привык, что не стал ее менять. М 4/3 убежал и затесался в группу самок и малышей, которые на ходу рвали траву и ветки. Вскоре он начал отставать.

Юная самка Элеонора (не путайте с ее тезкой, зна-

менитой сиротой Цаво, историю которой рассказала Дафни Шелдрик ³⁾ интуитивно почувствовала неладное. Она подошла к нему, коснулась его хоботом, потом, положив бивни ему на лоб, тихонько толкнула назад. Два слоненка Элеоноры тоже дотронулись до него хоботами. Молодой самец остановился; он чуть-чуть раскачивался вправо и влево, подбирал траву и подбрасывал ее вверх. Изредка он ощупывал хоботом шприц, торчавший в плече. Тем временем Элеонора удалилась за Сарой и прочими семейными группами.

Задние ноги М 4/3 стали подгибаться, но он по-прежнему отчаянно боролся против действия транквилизатора. Время шло и шло. Тогда Тони выпустил новый шприц, но он срикошетировал. Он выпустил еще один, но он показался ему недействующим. Тони выстрелил снова. Дело кончилось тем, что в левом плече слона в семи-восьми сантиметрах друг от друга торчал белый букет шприцев с красным, желтым и синим оперением.

Первый шприц уже торчал в слоне час, когда Тони выпустил последний, в спину животного, и оно, шатаясь, попятилось, описывая все меньшие и меньшие круги. Слон наклонился самым невероятным образом назад, но не падал, боролся, несмотря на то что ноги уже не держали его.

И тут Тони, отбросив всякие предосторожности, выпрыгнул из машины, схватил слона за хвост и попытался повалить его назад, но молодой самец был такой тяжелый, что все усилия Тони оставались безуспешными. В конце концов слон упал, но сознания не потерял. Когда мы подошли к нему с ошейником и приборами, он даже повернул хобот в нашем направлении, как бы защищаясь.

Я тут же облил водой его уши и бока. Говард вскарабкался ему на шею, чтобы ввести под кожу датчик температуры, который проводком соединялся с передатчиком, помещенным в подушечку. Последнюю следовало укрепить на голове слона. Сюю передавала Говарду инструменты, находясь в пределах досягаемости хобота, и слон пытался на ощупь выяснить, что творится позади него. Тони брал кровь на анализ, а мы с Мходжей пытались пропустить под шеей животного

³⁾ Дафни Шелдрик. Сироты Цаво. М., 1974

ошейник с главным передатчиком, все время уворачиваясь от ударов хобота.

Наконец Говард наложил последние швы. Ему осталось покрепче закрепить подушечку и зонд, чтобы они хотя бы несколько часов могли продержаться на слоне. Вдруг глаза животного медленно закрылись, а дыхание стало тяжелым: он лежал на животе и задыхался.

— Скорее веревку! — закричал Тони. — Обмотай ее вокруг бивней и привяжи к «лендроверу»! Постарайся повалить его на бок!

Со всей быстротой, на которую был способен, я привязал веревку, а затем начал гонять «лендровер» взад и вперед, пока не опрокинул тяжеленную тушу.

Слон глубоко вдохнул и несколько раз быстро выдохнул воздух. Дыхание его успокоилось и стало глубоким. Наконец лекарство подействовало, и хобот застыл. Мне удалось протянуть ошейник под шею и, просунув до предела руку, достать до подбородка, где с другой стороны до него смог дотянуться Мходжа.

Мы установили на шее маленький микрофон, но, чтобы удержать его сверху, нужен был противовес. Говард скрепил концы ошейника проволокой, смолой и заклепками. Так как заранее рассчитать длину ошейника было невозможно, отверстия для проволоки пришлось проделывать на месте.

После закрепления ошейника и подушечки у нас осталось немного времени, чтобы измерить длину и высоту тела, окружность ноги, длину и толщину бивней и высоту на уровне плеча. Его рост от ступни до лопатки соответствовал по кривой доктора Лоуза возрасту 20—25 лет. Для будущих операций с ошейниками мы измерили и обхват шеи — 1,82 метра.

Сью передала Тони шприц с М-285, наркотиком из ряда морфина, который снимал действие М-99. Мы впрыснули животному концентрированный раствор. Тони промыл кожу за ухом слона и сделал внутривенное вливание. Затем мы вернулись в машину. Несколько минут спустя слон шевельнул ушами.

Откинув назад голову, он перекатился на брюхо и медленно встал. Лекарство и борьба с ним лишили слона сил, он застыл в тени дерева. По-видимому, его температура, несмотря на все мои усилия, резко поднялась, ибо он сделал нечто такое, чего я никогда не видел

раньше: сунул хобот глубоко в глотку, втянул в него воду и облил плечи и затылок.

О таком странном поведении я читал у Гордона Каммина, охотника XIX века. Он описал случай со слонем, за которым несколько километров гнались на лошади, — тот тоже поливал себя извлеченной из желудка водой. Свидетелем подобной сцены оказался и Хью Лэмпри, когда на «лендровере» преследовал самца, вырвавшего с корнем пинкнею. Позже, во время засухи 1971 года, в Цаво была сделана фотография слоненка Собо. Он в течение нескольких часов стоял на самом пекле рядом с погибшей от жажды матерью, добывая воду из своего желудка и обливаясь ею. К счастью, малыша подобрал смотритель парка Дэвид Шелдрик, и с тех пор Собо ведет беззаботную жизнь в стаде сирот.

М 4/3 медленно вышел из тени на солнце, но вскоре вернулся. Он ощупал ошейник, но, к нашему немалому удивлению, даже не сделал попытки сорвать его. Говард получил его подкожную температуру, переданную в виде декодируемого импульсного сигнала. Она понизилась с 37,8 до 35,5° С.

Смеркалось, вернулись семейные группы, сопровождавшие самца утром, и окружили М 4/3. Многие подходили к нему и ощупывали его новые приобретения — ошейник и температурный датчик. Их снедало любопытство, и они исследовали предметы и места, где остался запах человека. Ни один слон не пытался сорвать с него нашу аппаратуру.

Мы очень устали. Утром Тони и Сью уезжали, а потому первую ночь мы оставили М 4/3 без присмотра. В лагере мы отметили сразу и успех, и отъезд друзей. Хартхоорны не ели мяса, не пили вина и не курили, но атмосфера была на редкость веселой.

Утром они уехали. Увы! Датчик температуры уже вышел из строя. Говард с женой остались еще на одну ночь, которую мы провели в наблюдениях за М 4/3. Ночь стояла темная и дождливая, а еще раньше, в сумерках, на берегу рядом с нашим слонем появились гиппопотамы. Около него бродили еще три слона разного роста. На небе ни луны, ни звезд, все скрыто тучами. Бóльшую часть ночи мы слышали лишь треск ломающихся веток, и только к утру раздался громкий храп.

У нас в ушах звучало «тин-тин-тин» от передатчика на молодом самце — единственный звук, не прерывавшийся ни на мгновение. В этом было нечто сверхъестественное. Когда мы сидели в кабине «лендровера» и освещали записи красным фонариком, свет которого, как мы надеялись, не был виден слонам, нам казалось, что мы охотимся в галактике за космическими кораблями. Звуки не имели ничего общего с толстокожими, а красный свет фонарика придавал всему окружающему фантастическую окраску.

Когда долгая ночь перешла в холодный дождливый рассвет, М 4/3 занимался тем, что потрошил нежно-зеленый куст *Salvadora persica*. Остальные слоны были тут же; за ночь они не прошли и 800 метров.

Говард не мог больше откладывать свой отъезд, поэтому в лагере он внес последние изменения в передатчики и держатели антенны, укрепленной на «лендровере», и после завтрака отбыл в Серенгети на встречу со львами и гиенами.

Целых 17 чудесных дней и ночей я следовал по пятам за молодым самцом в его скитаниях по склонам и лесам, вдоль лесистых ущелий рифтового обрыва и по берегам озера. Отмечая на карте его маршрут, я записывал, что он ел, пил, с кем водил компанию, ибо социальная организация самцов пока оставалась для меня тайной и хотелось узнать, есть ли у слона «друзья». Изредка мне приходилось сломя голову возвращаться в лагерь для пополнения запасов воды, бензина и консервов.

В первую ночь, которую я провел в одиночку в «лендровере», меня заели комары, влетавшие в открытую дверцу. На следующую ночь я установил накомарник. Было темно, и через пару часов монотонное «тин-тин-тин» сморило меня.

В полночь я вдруг проснулся с ощущением, что рядом кто-то есть. Лунный свет слепил глаза, а до машины доносился звук, похожий на повторяющийся стук биты о крикетный шар. Наконец я различил на фоне звезд силуэты М 4/3 и незнакомого мне громадного слона. Их хоботы были сплетены. Они толкались и наносили друг другу удары, защищаясь от ударов противника бивнями. И каждый раз, когда скрещивались бивни, я слышал разбудивший меня звук. Бивни сверка-

ли и светились в лунном свете, а два гиганта сражались с наигранной яростью.

Ни звука, ни движения вокруг, только легкий ночной ветерок с гор да две покачивающиеся черные массы среди шуршащего кустарника.

Под утро я снова заснул. Меня разбудила далекая пулеметная очередь. Я встал. Ночь выдалась холодная, выпала сильная роса, а одежда на мне оказалась легкой и я дрожал от холода. Небо затянули тучи, а мой слон исчез. Издали донеслась новая пулеметная очередь, и в то же мгновение ввысь взмыла маленькая птичка. Я увидел ее в бинокль в момент, когда начался треск — птичка быстро-быстро махала крылышками. То был жаворонок, он заявлял о своих правах на эту территорию.

М 4/3 менял компанию каждый день. Всего он встретил 12 самцов и крупнее и мельче себя, временно становился членом четырех различных семейных групп, пять дней провел с одним и тем же самцом; иногда же он целый день бродил в одиночестве. Иначе говоря, М 4/3 на время присоединялся к другим слонам или проводил в приятном ему обществе часа два. Нет никаких сомнений в том, что за период детства и независимого существования он неоднократно встречался со всеми обитателями своего мира.

Дни и ночи сменяли друг друга, передатчик слабел, и в конце концов его голос стал слышен лишь на расстоянии 300—400 метров. За неимением других Говарду пришлось поставить батарейки местного производства, а они были недолговечны. Ошейник вскоре покрылся грязью, и ни один турист даже не заметил его. Полистироловая капсула с передатчиком изнашивалась, клейкие ленты крепления отвалились, подушечка датчика температур оторвалась, хотя швы остались на месте.

Но и после прекращения сигнала я еще два дня следовал за слоном. Итак, всего я наблюдал его в течение 22 суток. В общем, опыт удался.

В ноябре на несколько дней приехал Говард с новым ошейником. На этот раз, помня о наших злоключениях, мы заранее вычистили и проверили «Капчур», а также использовали большую дозу наркотика.

Мы без всякого труда обездвигили молодого самца из сообщества Сфинкса. Он рухнул на землю через

восемь минут после попадания шприца. Находившаяся рядом семейная группа вдруг принялась с такой силой толкать его бивнями, что мы не поняли, помогают они ему или нападают. Во всяком случае, ни один слон не защищал его от нас. Подойдя ближе, мы насчитали у него на спине пять ран от бивней. Мы быстро приладили ошейник, и через 25 минут животное уже было на ногах. На этот раз мы и не пытались установить датчик температуры. Молодой самец с трудом держался на ногах и несколько часов провел в полубессознательном состоянии.

Я пришел к заключению, что большая доза снотворного надежнее серии мелких доз с кумулятивным эффектом, растянутых на несколько часов, ибо за это время слона легко потерять из виду. Я постарался также проводить обездвиживание по возможности скрытно, и следующий опыт полностью подтвердил мою правоту. Если слон не видел ничего необычного вокруг, на шприц он реагировал, как на укус насекомого: пробежав несколько шагов, замедлял ход и дальше шел уже не спеша. За ним было легче следить, а сам слон уставал значительно меньше.

К сожалению, радио опять нас подвело, оно работало всего три дня. За это время я нанес на карту подробные маршруты 17 семейных групп, бродивших в районе Ндалы в поисках пищи. Наш самец следовал за этим стадом. Хотя он уже и вкусил чувство независимости, ему, казалось, нравилось находиться в обществе молодых животных и взрослых самцов. Слоны частенько трогали свои раны, они беспокоили его. Однажды он сорвал пучок травы, тщательно натер ею раны, а затем съел ее.

Я следовал за ним и по ночам. Ошейники М 4/3 и молодого самца из сообщества Сфинкса убедили меня, что ответ на важнейший вопрос о перемещениях слонов мог быть получен лишь с помощью радиослежения за группами самок с малышами, но здесь возникла другая проблема: стоило какому-либо животному почувствовать действие наркотика, как самки тут же образовывали круг защиты. Его следовало разорвать или каким-то образом обойти. Основываясь на больших различиях в поведении отдельных особей, я надеялся отыскать подходящего слона в подходящей семейной группе и в подходящих условиях.

Радиослежение намного облегчалось при наличии самолета. Говард уже проделал такой опыт на стареньком «Пайпер-Крузер». Он производил подсчет слонов в Серенгети и установил, что мощность и дальность приема значительно растут с увеличением высоты. Н-образная антенна легко крепилась к стойкам крыла. Эта конструкция была придумана для слежения за слонами леса Маранг, за которыми вряд ли удалось бы долго идти пешком. Я пришел к мысли, что для успешного продолжения работы мне необходим самолет. С него будет легко в любое время года пересчитывать слонов в парке.

Глава VIII

МНЕ СВЕРХУ ВИДНО ВСЕ...

Мне был нужен собственный самолет. Общая панорама сверху имела огромное значение. Когда Хью Лэмпри, Майлс Тернер и Сэнди Филд, зрители Серенгети, прилетали на своем «Супер-Клабе» помогать мне подсчитывать слонов, меня просто зачаровывали громадные массы толстокожих внизу, ощущение свободы и великолепные пейзажи. Но я знал, что Джон Оуэн не даст мне самолет. Он взял на работу бедного студентика, который ездит на «лендровере» или ходит пешком, а не авиатора-расточителя.

По счастливой случайности я унаследовал от отца несколько акций и благодаря подъему их цены в 1968 году оказался владельцем достаточной суммы для окончания пилотских курсов и покупки недорогого самолета. В ноябре этого года я делил свое время в Англии между посещением Лондонского института тропической медицины, где проходил повторный курс лечения от шистосоматоза, ибо первый результатов не дал, и Оксфордским летным клубом в Кидлингтоне, где учился пилотировать «Чероки-140» с трехколесным шасси. Но мне следовало еще уговорить Джона Оуэна, любившего повторять, что «самолет заставляет молодых людей забывать о тверди». Я убеждал его, что самолет необходим для определения точных размеров территории слонов вне парка и для облета за считанные минуты района, который пешком обойти можно лишь за не-

сколько дней. И, наконец, я объяснял, что благодаря превосходной видимости смогу заглянуть в укромнейшие уголки Эндабаша, не говоря уже о радиослежении за животными.

Хью Лэмпри, руководитель моей работы, встал на мою сторону, и тогда, к моей великой радости, Джон Оуэн удовлетворил мое ходатайство и даже выделил малую толику денег на обслуживание самолета.

В январе 1969 года я нашел идеальную машину в аэропорту легких самолетов в Уилсоне, недалеко от Найроби. То был «Пайпер-Пейсер», выпущенный 18 лет назад. На нем стоял двигатель в 150 лошадиных сил, а стоил самолетик 1650 фунтов. Переделав окошки на съемные, я получил прекрасный обзор для подсчета слонов.

Оставалось переучиться, чтобы освоить посадку на «классическое» шасси. Трудность заключалась в том, что центр тяжести самолета размещался позади двух больших передних колес и его сильно болтало при торможении на земле после посадки. Если вихляние не удавалось остановить, самолет вертелся волчком и утыкался концом крыла в землю. «Пейсеры» славились тем, что их трудно было обуздать.

И вот я один отправился в Маньяру. На посадочной полосе на вершине рифтового обрыва около гостиницы постоянно свирепствовал сильный боковой ветер, поэтому последний заход мне пришлось делать боком, как крабу, и выравнивать самолет за секунду до посадки.

Через несколько недель я уже мог приземлиться без вращения самолета. В воздухе самолет вел себя превосходно; он моментально реагировал на команды пилота и не очень на его ошибки. Он практически не терял скорости, что весьма меня устраивало, так как при подсчетах животных приходится летать низко и с небольшой скоростью. Я упорно продолжал работать над техникой взлета и посадки. Длина маньярской полосы чуть превышала 1000 метров, а мне хотелось знать, на что способен мой самолетик, чтобы иметь возможность сесть на любой площадке в кустарнике, часто короткой, узкой и изрытой ямами и рытвинами.

Я до сих пор хорошо помнил об одном происшествии, случившемся года два назад, в последний день ежегодного подсчета слонов Серенгети. Мы с Хью Лэмпри

сидели в качестве наблюдателей в стареньком «Пайпер-Крузер» Говарда Болдуина, который пилотировал Билл Хольц. Мы давно пересекли южную границу Серенгети и оказались в районе громадного соляного озера Эяси. Ходили слухи, что у семисотметрового обрыва на его низких берегах жила популяция слонов, которые заходили и в Серенгети. Предполагали, что сюда забирались и маньярские слоны, пересекавшие для этого лес Маранг. Обе популяции смешивались, и здесь находилась их общая территория.

Мы летели над обширными землями — равнинами, глубокими каньонами, на склонах которых среди хаотического нагромождения скал росли деревья. Ближе к полудню мы, не заметив ни одного слона, приземлились на старой полосе около деревеньки Макао, чтобы выпить по чашечке кофе. Длина полосы была около 600 метров, и мы плавно спланировали и мягко сели. Но при взлете «Крузер» никак не желал набирать скорость и не мог оторваться от земли из-за высокой травы, достигавшей 30 сантиметров. Скорость почти не увеличивалась, и мы, как кенгуру, начали подпрыгивать в воздух и снова падать на землю. Вдруг перед нами выросли деревья — полоса кончилась.

Билл направил машину в прогалину меж деревьев. Самолет уже набрал скорость 75 километров в час и должен был вот-вот взлететь, как вдруг мы ощутили сильнейший толчок и нас бросило в сторону. Когда самолет несся на полной скорости, здоровенный сук ударил по фюзеляжу, опрокинул машину, и она крылом воткнулась в землю. Несколько секунд мы сидели, не шелохнувшись, пока из разорванных резервуаров в крыле выплескивался бензин, потом стряхнули с себя оцепенение и бросились со всех ног прочь.

Внимательно осмотрев полосу, мы нашли метрах в тридцати от ее конца сук, скрытый травой. После удара о него оторвалась правая часть шасси. Самолету пришел конец: кроме того, что оторвалось шасси, сломались оба крыла и погнулся фюзеляж.

Билл Хольц был опытным пилотом, но до сих пор не имел дела с высокой травой. Еще одна «переменная величина», которую следовало принимать в расчет перед полетом кроме высоты, скорости, направления ветра, времени суток и числа пассажиров. Я надеялся хоро-

шенько потренироваться на нелегкой маньярской полосе, чтобы действовать безошибочно, когда придется принимать решение в условиях, где ошибка не прощается.

В полете меня охватывало пьянящее чувство свободы, которое стало моим наваждением в первые месяцы; пилотирование казалось столь же интересным занятием, как и наблюдение за слонами. Вскоре я уже знал, как выглядит каждый квадратный метр парка с воздуха. Планировать в восходящих потоках воздуха, с ревом пикировать на гладь озера, нестись в спокойной выси над облаками — все доставляло радость. Бескрайние горизонты вселяли в меня уверенность, что я хозяин своей судьбы. Подо мной стлалась земля, и я мог ее исследовать, повинаясь малейшим своим желаниям. Я мотался над парком, заглядывал в укромнейшие уголки и расщелины гор, зависал над неисследованными откосами, невидимыми с земли из-за нависающих скал. Какое счастье, что мне удалось объединить два удовольствия — полеты и работу.

Сверху мне было хорошо видно, как поднялся уровень озера во время наводнения 1968 года. Это глубокое озеро — 40 километров в длину и 15 в ширину — без каких-либо вытекающих рек наполнялось водой или мельчало в зависимости от сезона. Иногда оно высыхало совсем. В воде содержалось слишком много солей, и потому крокодилы в нем не водились, но в болотах в северной части парка и вдоль речек Граунд Уотер Форест жило несколько гиппопотамов. Теперь болота залило, тростник оказался под водой, а тот, что вырвало с корнем, образовал обширные плавучие острова. Частые юго-восточные ветры выбросили его на высокий обнаженный берег, и за несколько месяцев вся гниющая масса растительности покрылась зелеными ростками. Но ненадолго, ибо слонам эти острова пришлись по вкусу и они добирались до них по воде. Озеро занимало примерно 10% площади парка. Оказались затронутыми интересы и бегемотов и слонов. Изменения подобного рода подчеркивают значение долгосрочных флуктуаций фауны и флоры.

Озеро затопило обширные пространства леса акаций тортилис, и их уродливые скелеты торчали над самой водой. Щелочные пастбища исчезли, и буйволы со слонами оказались зажатыми между разлившимся озером и

все более и более обширными владениями вамбулу. Время почти залечило шрамы от обвалов скал вдоль Эндабаша, и нежно-зеленые растения разрослись на красной обнаженной земле.

Во время короткого сухого сезона в январе — феврале 1969 года уровень озера немного упал и отдельные лужи высохли под жарким солнцем. Аист-ябиру, желтоклювые аисты, священные ибисы, странного вида цапли-молотоглавы ополчились на несчастных глубоководных рыб, оказавшихся в плену. Молотоглавы по-куриному почесывались, опускали клюв в воду и глотали по несколько рыб за минуту. Песочники искали в иле более мелкую добычу.

Джон Оуэн хотя и дал разрешение на полеты, но опасался за мою жизнь. Думаю, на нем висело немало забот и ему не хотелось прибавлять себе еще одну, а за мной укрепилась репутация не то «молодого человека, ставшего средоточием всевозможных происшествий», не то «законченного сорвиголовы». Клянусь, я никогда не шел на бессмысленный риск, но репутацию поколебать очень трудно.

Ко мне вновь приехала погостить моя мать, чья вера в меня не знала границ; этот ее визит обошелся без приключений; правда, однажды, приехав за покупками в Арушу, она столкнулась с Джоном Оуэном, который два года назад утешал ее, пока я лежал в больнице после столкновения с носорогом. На этот раз он пронзил ее суровым, колючим взглядом.

— Иэну нельзя иметь самолет, — сказал он. — Для подсчетов животных мы берем пилотов, у которых налетано не менее двухсот часов, а в Маньяре опасность больше: там имеются грифы.

Вряд ли такое заявление могло успокоить человека, который знал богатую традицию авиакатастроф в нашей семье. Как бы там ни было, матери удалось скрыть свои чувства, а мне избежать столкновения с грифами.

Но жизнь часто подносит нам сюрпризы. Две недели спустя сам Джон Оуэн, летя по прямой, столкнулся с журавлем, которого не заметил. К счастью, ему удалось удержать машину, всюю работая рулями высоты, чтобы компенсировать повреждения от удара. Больше о грифах Маньяры он никогда не упоминал.

Крупные птицы — постоянная опасность для пило-

тов, летающих над саваннами Восточной Африки: они могут стать причиной аварий с трагическим концом — так случилось с Михаэлем Гржимеком. Очень трудно кружить на одном месте, чтобы ваш помощник мог пересчитать животных, и краем глаза следить за всеми птицами, оказавшимися поблизости. Даже один из наших лучших пилотов, Хью Лэмпри, когда проводил подсчет слонов Серенгети, ухитрился за два дня столкнуться с двумя грифами.

Маньяра мало подходит для подсчета толстокожих. Лес местами образует сплошной полог, и неизвестно, какое количество слонов бродит под ним.

Мои первые подсчеты дали цифру 230; я никак не мог понять, почему слонов так мало, ведь в 1965 году Мюррей Уотсон и Майлс Тернер насчитали 420. Некоторое время спустя мой глаз научился различать все, что напоминало формой слона, и цифра оказалась выше. Такое часто случается с теми, кто занимается подсчетом животных с воздуха. Наблюдатели набирают опыт, и их работа становится эффективнее. Сначала может даже показаться, что подсчеты свидетельствуют о резком росте популяции. Только после года полетов и интенсивных наблюдений я пришел к наиболее точному результату — примерно 420 слонов; к стыду своему, должен признать, что мои первые оценки никуда не годились.

Окончательные результаты тоже носят характер минимальных оценок. При подсчетах никто не переходит границ реальных цифр. Доказательство тому — неоднократные аэрофотосъемки для контроля визуальных подсчетов. Даже на открытой местности визуальные оценки равны в лучшем случае 40% истинных, если верить Майку Нортону Гриффиту, который тщательно обработал данные комбинированных исследований за десять лет.

При подсчетах следует учитывать множество различных факторов. Так, в жаркие дни в тени деревьев прячется больше слонов. Шум самолета пугает одних животных, и они бегут в укрытие, а другие остаются равнодушными и спокойными. Вскоре я открыл, что для подсчета слонов, прячущихся под деревьями, лучше подходит мягкий свет, дающий умеренную тень, чем яркое солнце. Видимость меняется и от листвы. Когда

в сухой сезон листья опадают, становятся доступными взгляду многие ранее скрытые зоны.

В Маньяре мне удалось эмпирически проверить справедливость своих собственных подсчетов. Как только я засекал группу слонов на маленьком клочке местности с определенными границами, я начинал крутиться над ней, считая и пересчитывая животных, пока не получал несколько раз одну и ту же цифру. Затем я спешил приземлиться, чтобы пересчитать их на земле, пока они не ушли с облюбованного места. Зная точное количество животных каждой семейной группы, мне оставалось только опознать эти семьи и прибавить к общей цифре замеченных поблизости самцов. На открытой местности я иногда получал точный результат, а в кустарниковых зонах — примерно 60% истинного числа животных. В среднем к оценке с воздуха следовало прибавлять 27%, и тогда получалась цифра наземного подсчета.

Как и предполагали, в Маньяре оказалась самая высокая плотность слонов по сравнению с другими парками. В любой сезон года на квадратный километр приходилось более 4 животных, а с учетом обычного занижения их было наверняка больше — 5—6 слонов на квадратный километр. Отсюда следовало, что в любое время в парке находилось 400—500 слонов, даже если считать, что популяция толстокожих, регулярно посещавших парк во время моей работы там, достигала 600 животных.

Внутри парка слоны составляли большую часть общей биомассы животных. Слоны представляли собой около 49% биомассы крупных млекопитающих, буйволы — 42%, а на долю всех остальных — бегемотов, зебр, жирафов, носорогов, антилоп, бабуинов и хищников — приходилось всего 9%. Необъяснимым оставалось одно: почему основная масса слонов жила в зарослях Эндабаша, а не в северной части парка? С одной стороны, возможно, некоторые из них были «эмигрантами», бежавшими из южных областей озера по причине массовых кампаний уничтожения, которые вели белые колонисты из Европы, готовые уничтожить всех и вся ради сохранения своих посевов. К этой категории животных, по моему мнению, относились сестры Торон. С другой — количество животных на юге могло возрасть за счет

пришельцев из леса Маранг, идущих за солью на берег озера.

С воздуха лес Маранг растянулся на многие километры сплошным зеленым ковром, в котором изредка виднелись болотистые поляны. Однажды на такой поляне я заметил стадо из 100 слонов, но не смог произвести оценку их популяции. По наземным наблюдениям и основываясь на косвенных оценках — количестве уничтоженных растений, троп и куч слоновьего помета, плотность их популяции была ниже, чем в парке. Судя по всему, лес Маранг, а в прошлом и южные фермы, должно быть, были неотъемлемой частью владений слонов; без них уменьшались возможности парка компенсировать экологические нарушения.

Я постоянно думал о возможностях парка в плане удовлетворения нужд слонов, но, прежде чем приступить к изучению роли этих внешних районов для толстокожих, следовало дождаться возвращения Говарда Болдуина с новыми радиошейниками.

В марте я отправился по делам в Найроби. Как-то вечером меня пригласили на прием где-то в пригороде. Гости толклись в прокуренной комнате и пили коктейли. В толпе я приметил девушку с длинными черными волосами, ее блестящие глаза с восточным разрезом с интересом останавливались по очереди на каждом из присутствующих. На ее загорелом лбу сверкали блески из какого-то металла. Широкое платье африканского покроя подчеркивало ее гибкое тело. Она вся светилась отнюдь не англосаксонским теплом и весельем и танцевала под позвякивание своих серебряных монет. Еще до конца вечера мне удалось пробраться в кружок ее бесчисленных поклонников и зачаровать историями о благородных слонах, о львах на деревьях, о чудесном избавлении от множества смертельных опасностей и прочее и прочее — и все это на фоне колдовского озера под названием Маньяра. Она внимала мне, не подав и виду, что уже бывала в тех местах.

Девушку звали Ория Рокко; ее франко-итальянская семья жила на берегах озера Наиваша. Родилась и воспитывалась она в Кении и, как и я, чувствовала себя не в своей тарелке среди истых горожан. Она тут же заявила о своем желании увидеть Маньяру, и мы начали строить фантастические планы на будущее.

Наутро, летя к своим слонам, я думал о жгучем взгляде ее живых карих глаз.

Некоторое время спустя после моего возвращения в Маньяру объявился Говард с целым ящиком новой электронной аппаратуры. На этот раз каждый передатчик был заделан в капсулу из стекловолокна, отлитую по форме шеи животного. Несколько передатчиков предназначалось для львов, а два — для слонов. В каждой капсуле размещалась антенна размером с пару спичечных коробков. Говард уверял, что благодаря защите из стекловолокна и нескольких слоев акриловой смолы передатчики выдержат любые испытания, которым их подвергнут слоны; они опробованы в Аризоне. Радиус их действия — 50 километров, а батарейки американского производства рассчитаны на полгода работы.

На следующий день после прибытия Говарда я слетал в Найроби за Тони Хартхоорном. Его рост позволял ему сидеть в самолете, лишь сложившись пополам и упираясь коленками в бортовой щиток управления. От Тони требовался опыт хирурга в новом предприятии — замере внутренней температуры слона. Цель операции — роль уха африканского слона в регулировании температуры. Меня в основном интересовали перемещения слонов, но оба опыта можно было совместить.

Говард разработал для имплантации два крохотных приемника с термисторным датчиком температуры, который можно было ввести в вену или артерию. Третий датчик крепился снаружи, рядом с ошейником, для замера температуры воздуха. Каждый термистор имел определенное электрическое сопротивление, которое менялось в зависимости от температуры по строгим математическим законам. А эта информация модулировала радиосигнал.

В первое же утро нам встретился подходящий молодой самец. Не долго думая, мы всадили ему большую дозу М-99 из расчета 1 миллиграмм на 50 килограммов живого веса, и вскоре он рухнул на полянке. К несчастью, его голова легла на сук, что осложнило закрепление основного ошейника, в котором имелось реле для приема, усиления и передачи кодовых модуляций от внутренних передатчиков. И все же операция прошла как по маслу. За два часа Тони и Говард очистили кожу животного, сделали надрезы, обнажили крупные крове-

посные сосуды, установили датчики и зашили раны. Мне удалось надеть ошейник, но затянуть его мы не смогли.

Вскоре слон был снова на ногах. Когда он поднялся, весь в подтеках крови после операции, мы решили окрестить его Кровавым Ухом. Должен добавить, что сама операция безболезненна, ибо животное находится под действием очень сильного наркотика — морфина.

Аппарат, закрепленный на этом самце, был куда совершеннее своих предшественников. Сигналы датчиков с помощью главного реле передавались ежечасно на расстояние до 45 километров. Замерялась температура крови в артерии на входе в ухо и в вене на выходе из него. Результаты оказались весьма любопытными. В то время как температура венозной крови оставалась практически неизменной — от 35,4 до 35,8°, температура артериальной крови почти постоянно была выше на 3° С.

Как-то ночью Кровавое Ухо вдруг отправился в горы. Мы потеряли его из виду, из «лендровера» были слышны лишь его тяжелое дыхание и треск ломающихся веток. Артериальные сигналы сменили частоту и после расшифровки указали на драматический скачок — за четверть часа температура поднялась до 44,8°; мы едва верили своим глазам. Даже у газели Гранта, разогревшейся в знойный день, температура поднимается лишь до 41,7° С, согласно физиологическим опытам Ричарда Тейлора. Объясняется этот факт частично тем, что данные животные не потеют и не дышат открытым ртом, компенсируя тем самым потери воды. У бегунов на марафонскую дистанцию температура в жаркие дни поднимается до 41° С. Самая высокая температура наблюдалась у одной женщины — 44° С! И она осталась в живых. Насколько мне известно, ни у одного здорового животного никогда не отмечалось столь высокой температуры, как у Кровавого Уха.

В то же время венозная температура не менялась, и остается предположить, что он стал чаще махать ушами, чтобы ускорить конвекционное охлаждение. Разница между входящей и выходящей кровью составляла 9,4° С. Невероятная цифра! Еще ни разу не доводилось регистрировать такую большую разницу, но, к сожалению, мы не могли повторить опыт на другом животном

или переместить датчики. Результаты любопытны, но их очень мало.

Все тесты подтверждают, что ухо африканского слона прежде всего является регулятором температуры. Слоны не потеют, они решают проблему охлаждения всей своей громадной массы с помощью большой поверхности ушей. Поливая водой за ушами, шевеля ими в недвижном воздухе или разводя их при ветре, они ускоряют потерю тепла. В самые жаркие часы дня слон отдыхает в тени. Ему, как и любому млекопитающему, грозит смерть, если температура его тела слишком поднимется. В случае необходимости он может достать воду и из желудка и намочить уши, но прибегает к этому крайне редко.

Времени, увы, у нас было мало. Говард переживал за свою ценную аппаратуру, тем более что ошейник с передающим реле был плохо закреплен и мог соскочить, зацепившись за ветку. Следовало его заполучить назад как можно быстрее.

Одновременно я подыскивал другого слона для продолжительного радиослежения.

Так как Говард мог отдать всего несколько ошейников, выбор представлял трудность. С одной стороны, имелись почти ручные группы слонов, жившие на севере, а с другой — дикие и таинственные слоны юга, которые бродили неизвестно где. Южные дикари сами напрашивались на эксперимент, но по двум серьезным соображениям я все же предпочел северную группу. Прежде всего, было легче предугадать их поведение в момент обездвиживания, а кроме того, хотя я хорошо их знал, они изредка исчезали, и меня терзало любопытство, до каких границ они доходят в зарослях Эндабаша и уходят ли они из парка.

Лучше всего я знал группу Боадицеи и решил проследить за ней и оставить в их жизни как можно меньше тайн для современной науки.

Для слежения за группой самок и малышкой следовало выбрать малоуважаемого члена, защищать которого они не станут. В группе Боадицеи такое животное как раз имелось.

Его звали Робертом (по имени моего ассистента). Они были ровесниками — по девятнадцать лет. Слон Роберт до сих пор был привязан к семейной группе.

Я наблюдал за его развитием три года. Из слоненка, каких много, он превратился во взрослое животное, покренчал, имел прекрасную пару бивней и хорошо развитое тело. Его всегда можно было отыскать в нескольких сотнях метров от семейного сообщества Боадицеи.

Как и прочие юные самцы, он любил хвастать силой и наводить страх на любое живое существо в округе — я был одним из них. Стоило ему меня заметить поблизости от семейства, он тут же с яростью нападал на меня. Если я не двигался с места, он завершал «обряд» покачиванием головы, хобота и раскачиванием из стороны в сторону. Он мог послужить превосходным указателем группы, но следовало улучшить момент, когда он будет один, и обездвижить, пока другие не почувют неладное.

Я не только узнаю весь район владений Боадицеи, но и попробую установить, какие социальные силы обеспечивают слитность столь большой группы, а также роль связей в динамике популяции слонов. Меня интересовало все, что может произойти с молодым самцом, который достиг половой зрелости и вот-вот должен был сделать решающий шаг к самостоятельности. У меня накопилось много заметок по другим молодым самцам, но, лишь следуя днем и ночью за одним из них, я мог проверить гипотезы, которые стали складываться в моей голове. Через несколько месяцев я сниму ошейник с него и надену на истинного «дикаря» с Эндабаша.

Но перед этим следовало вернуть Тони Хартхоорна в Найроби к его работе. А кроме того, я решил уговорить Орию приехать для участия в следующем опыте. Высадив Тони на аэродроме Уилсон в Найроби, я тут же отправился к дому Ории на берегу озера Наиваша.

Глава IX

МИР СЛОНОВ

Наш дом — странного вида замок, выкрашенный в темно-розовый цвет, с крышей из выцветших на солнце деревянных досок — стоит у подножия зеленого холма на берегу озера Наиваша в Кении. Весь год наша ферма (1500 гектаров холмистой земли — скалы и серо-желтый кустарник) выращивает овощи и корм для скота на полоске плодородной земли вдоль берега озера.

В начале 1969 года, устав от работы на ферме, я решила отдохнуть пару недель и взялась за организацию сафари и поиска натуры для одного рекламного агентства, снимавшего фильмы. Мы объехали всю Кению, нигде не задерживаясь более трех дней.

На прощальном вечере с киногруппой, где присутствующие обсуждали новые методы показа всем наскучивших вещей и в экстазе охали от каждой находки, словно то было само совершенство, вдруг появился незнакомец — пришелец из иного мира в твидовом пиджаке скверного покроя и серых брюках, которые, как выяснилось позже, он одолжил на вечер. Он выглядел растерянным. Будучи хозяйкой, я подошла к нему и спросила, чем он занимается.

— Я по слоновьей части, — ответил он.

Посетитель из джунглей. Для него прием с девушками, изысканной едой, напитками и светской болтовней был исключительным явлением. Он долго и подробно рассказывал мне о слонах, а потом сказал:

— Я только что купил самолет. Хотите слетать в Маньяру и посмотреть на них?

Он объяснил мне, как его найти с помощью радио национальных парков Танзании. Увлекательная перспектива, но меня ждали неотложные дела на ферме. Был самый напряженный период года. Пришлось вернуться домой.

В воскресное утро на нашей ферме царит особая атмосфера. Вокруг дома тишина, только на желтокорых пинкнеях жалобно кричат черно-белые коршуны-рыболовы, да верещат скворцы среди листьев инжирных деревьев и голуби в высоченных пыльных кипарисах. Тишину не нарушает и рев трактора.

В доме, как призраки, мелькают босоногие слуги, готовясь к приему. На веранде накрыт длинный овальный стол: на старинной бело-голубой флорентийской скатерти стоят красные стаканы и яркие керамические тарелки. Мы пригласили друзей, и повар Мойз устроил холодное угощение. К полудню начинают съезжаться гости, они, потягиваясь, вылезают из машин, отряхивают с себя пыль.

Мы садимся за стол, и в доме звучит итальянская, французская и английская речь. Но вдруг мы глохнем от ужасного рева, который эхом перекачивается по крыше дома. Затем шум медленно стихает. Выбежав на газон, мы успеваем заметить на фоне грозových облаков крохотный силуэт красно-белого самолетика. Он разворачивается и возвращается к нам на небольшой высоте. «Боже, — думаю я, — Иэн. Он сейчас куда-нибудь врежется!» Самолет проносится над нами, и некоторые гости приседают, словно при воздушном налете. Все провожают его взглядом, а он исчезает за холмом и взмывает вверх. Прикрывшись рукой от солнца, вижу, как он кружит над бомами для скота, выбирая место для посадки.

Я бегу по аллее, вскакиваю на свой желтенький велосипед «Бенелли», на полной скорости несусь по красной дороге и машу рукой Иэну, чтобы он не садился. А он пикирует на землю, касается ее и снова взмывает ввысь. Он возвращается на меньшей скорости, перелетает через телефонные провода и скрывается в боме. А там под высокой травой глубокие рытвины! Я обмираю от страха и закрываю ладонями глаза, едва решаясь

взглянуть сквозь пальцы. Самолет пересекает поле и останавливается передо мной, по ту сторону изгороди. Чувствую громадное облегчение при мысли, что мне не придется тушить пожар среди обломков самолета. Из кабины выпрыгивает босоногий молодой человек в зеленой одежде. Он широко улыбается, показывает на меня пальцем и заявляет, что на мне нет лица.

— Вы с ума сопли! Здесь полно камней, шипов и ям! — кричу я.

— Не волнуйтесь, — усмехается гость. — Я же вас предупреждал, что этот самолет может сесть где угодно, и не уверяйте меня, что вам не понравился мой выход!

— Потрясающе!

Я спрыгиваю с велосипеда и бросаюсь ему на шею.

— Завтра начинаем обездвиживание слонов, — сказал он. — Хочу, чтобы вы сделали для меня несколько снимков. Готовьтесь, через два часа вылетаем.

Я еще не пришла в себя и растерялась.

— Не знаю. Пока ответа дать не могу. У нас гости, — быстро ответила я. — Сначала надо поесть.

Иэн уселся на багажник велосипеда, и мы направились к дому.

Внезапно полил дождь; капли хлестали по лицу, а платье насквозь промокло. Мы взбежали по большой полукруглой лестнице в дом. Я представила Иэна родителям и друзьям. Его появление было сенсацией для Наиваши. Даже старый Мойз, повар, пожал ему руку и пожелал счастливого пребывания на ферме.

— Скажите, молодой человек, вы всегда так пилотируете самолет? — спросил один пожилой мужчина, только что прибывший из Европы и мало знакомый с африканским образом жизни.

— Нет, не всегда, — ответил Иэн. — Я надеялся, что меня пригласят к столу, и хотел посмотреть, чем меня будут кормить.

Вскоре перед ним стояла тарелка, наполненная доверху, и мой отец со смехом воскликнул:

— Ого-го! Когда вы ели в последний раз?

Мать, сидевшая на другом конце стола, рассказала Иэну свою любимую историю: как она впервые летала со своим братом в 1910 году во время Аэронавтической выставки в Париже, где братья Райт и Блерио демонстрировали свои летательные аппараты. Одета в длин-

ную юбку и широкополую шляпу, она сидела на приступке меж ног брата, который надеялся, что сей дополнительный груз помешает самолету задирать нос.

— Вы тоже летали? — спросил Иэн у отца.

— Конечно, но очень давно. Я пилотировал «Спад» над Доломитовыми горами во время первой мировой.

Иэн тут же рассказал отцу о своих слонах и о датчике температуры в ухе слона, который он надеялся извлечь на следующий день.

— Одолжите мне Орию на несколько дней! — попросил он. — Мне нужны помощники.

— Ладно, но перед взлетом приготовьте полосу в коровьем загоне, — ответил отец. — Не желаю оказаться свидетелем несчастного случая!

Мои родители Марио и Жизель Рокко приехали в Африку в 1928 году поохотиться на слонов в Бельгийском Конго (ныне Заир). Целый год они скитались по стране, разбивая лагерь то здесь, то там. Появление моего брата Дориана положило конец их путешествию. Они поселились в Кении.

Спустя некоторое время родители купили ферму, где родились моя сестра Мирелла и я.

Вскоре недалеко от Наиваши нашли золото, и мы тоже стали промывать песок. Позже мать увлеклась скульптурой и ваяла целыми днями. Отец занялся разведением ирландских скаковых лошадей. Меня усадили в седло с четырех лет, и я научилась держаться на лошади не хуже заправского ковбоя.

Все наши знания о слонах были почерпнуты из увлекательных рассказов об охоте и любимых книг, в частности о Бабаре, царе слонов, придуманном нашим двоюродным братом Жаном де Брюнофф. С раннего детства мы привыкли считать слона царем зверей. И если нам на дороге встречался слон, мы почтительно смотрели на него издали, ведь он мог перевернуть нашу машину так же легко, как мы страницу книги.

Однажды вечером 1940 года по радио объявили то, чего так опасались мои родители: Муссолини объявил войну. Появилась полиция, окружила ферму и увезла отца. Итальянец, — значит, «враг». Мать оказалась «союзницей», ибо была француженкой, ей разрешили остаться. Власти конфисковали прииск. Мы продали лошадей, перепахали ипподром; нас не приняли в школу,

и мы росли дикарями. Любимым времяпрепровождением была охота в холмах, где бродило множество буйволов, антилоп канна и зебр. Мать, будучи не в силах справиться с нами, отдала нас на воспитание молодому морану (воину) масая Ресону. Он научил нас всему необходимому для жизни среди дикой природы. Ресон по-прежнему живет с нами, в его ведении находится 500 голов скота.

Наконец одна американская миссионерская школа согласилась принять нас в свои стены. Когда война кончилась, вернулся отец. Он поседел и был подавлен четырехлетним пребыванием в лагере для военнопленных в Южной Африке. Необоснованная враждебность к нам рассеялась как дым, и меня отправили в другую школу, откуда вскоре выгнали за плохое поведение и подбивание остальных воспитанниц на бунт за улучшение пищи и условий существования.

После сего эпизода мать сочла, что меня следует приобщить к цивилизации. Меня отправили в «отделочные» школы Парижа, а затем Рима, дабы навести лоск хорошо воспитанной девушки. Ужасающая скука продолжалась до тех пор, пока я не начала посещать кафе экзистенциалистов на правом берегу Сены, где, вырядившись в черное, сидела и слушала Сартра и Кокто, мечтая о Кении, стране солнца и тысячи приключений.

Всю жизнь меня пожирала всепоглощающая страсть к открытиям. Я путешествовала, изучила пять языков и испробовала не одну профессию. Но каждый раз, когда успех был близок, очарование исчезало и я бросала свое занятие. Сначала, вдохновленная красками Африки и ее жителями, я создавала ткани и модели для домов мод, потом занялась фотографией и кино, надеясь запечатлеть красоту и дух любимых мест.

В воскресенье, когда прилетел Иэн, никто не работал, и все рабочие фермы собрались поглазеть на самолет. На нем красовалась надпись «5У — КИХ», которая произносилась «кикс». Хорошая сотня мужчин, женщин и детей, разодетых в праздничные одежды, окружила самолет. Размер бомы не превышал 450 шагов от загородки до загородки, но она шла под уклон против господствующего ветра, и Иэн уверял меня, что длины ее хватает. Добровольцы собрали камни, засыпали ямы и вырубали кустарник т. е. ликвидировали все те ловуш-

ки, которых Иэн чудом избежал при посадке. К вечеру довольно приличная взлетная полоса была готова. Иэн решил испытать ее. Он усадил меня в самолет, застегнул ремень, прокатил до загородки в верхней части уклона, развернулся, дал газ и дернул за рычаг рулей высоты. Мы без труда поднялись в воздух; люди внизу жестикулировали и хлопали в ладоши, а мы сделали круг над их головами, домом, фермой, слетали к холмам и сели. Наше приземление походило на нежный поцелуй бабочки, правда весьма страстной бабочки.

Мы привязали самолет к двум здоровенным камням, чтобы его не опрокинули жестокие порывы ветра, проносящиеся в это время над озером.

Иэн заночевал у нас, а наутро мы набили «Кикс» свежими овощами, апельсинами, сливками, маслом, мясом и вином. С восходом солнца тяжело груженный самолет взлетел в холодном вязком утреннем воздухе и взял курс через озеро на юг.

В тот чудесный прозрачный африканский день мы любовались рифтовой долиной, которая пересекает всю Кению. Перевалив через горы, окружающие озеро Наиваша, мы спустились и полетели на высоте 300 метров над саванной. Длинные вереницы скота тянулись к пастбищам, поднимая за собой тучи пыли. Иногда внизу змеилось русло речушки или мелькала *маньятта* (деревенька) масаев, но в основном эта обширная страна была необитаема. Близился сезон дождей. Над нами ползли тяжелые тучи, а их тени скользили по земле. Еще ни разу я не летала так низко и как замороженная впитывала в себя красоту Африки.

Мы пролетели над озером Натрон. Было жарко, и Иэн вынул одно из стекол. От сильного запаха серы перехватило дыхание. Воды озера Натрон насыщены солями, и оно покрыто солевой коркой — розовой, фиолетово-красной и коричневой, — в проломах которой сверкают кроваво-красные лужи. Там гнездятся фламинго, но человеком здесь не пахнет. Вода озера казалась зеркалом, в южной оконечности которого «плавал» действующий вулкан Ол'Донио Ленгаи.

Мы летели, едва не касаясь крылом сей пустынной местности, а в моей памяти проносились воспоминания об авиакатастрофах: в 1914 году после четырнадцати часов полета отца сбили австрийцы. Он чудом спасся, а

командир австрийской эскадрильи был настолько уверен в его смерти, что пролетел над обломками самолета и сбросил венок. Иэн рассказывал мне, что его отец, возвращаясь после продолжительного полета над Германией в 1944 году, сгорел в разведочном самолете «Москито», который вспыхнул во время вынужденной посадки, а недавно в Камеруне, в Западной Африке, разбился его дядя. Почувяв мои страхи, Иэн успокоил меня, сказав, что маленькие современные самолеты типа «Кикс» значительно надежнее своих предшественников.

— Даже если откажет двигатель,— прокричал он,— мы легко спланируем на берег озера.

Сквозь знойную мглу мы различили зеркало вод Маньяры. Сначала надо было пролететь над лагерем, чтобы за нами приехали. Под нами стлался густой лес с непроницаемой листвой, лишь изредка прерываемый кусочком древесной саванны с акациями. Слоны виднелись повсюду. Вдруг я увидела домик, реку и два дерева, словно воткнутые в землю у обрыва. Рядом стоял человек, он помахал рукой, но нигде я не увидела машины.

Мы продолжали путь над парком, зная, что за нами уже отправились на место приземления. Мы развернулись, спикировали прямо на край обрыва, где началась полоса, и сели. Я обрадовалась, что наконец нахожусь на твердой земле. Пока шла разгрузка, появился открытый «лендровер» с надписью на дверце «Исследования маньярских слонов». Он остановился около нас, и из него выпрыгнул ассистент Иэна Роберт, красивый, хорошо сложенный парень лет восемнадцати. На нем были только шорты и нож у пояса. Это босоное существо со спутанной гривой черных волос больше походило на дитя джунглей.

Я спросила Иэна, откуда он. Он объяснил мне, что Роберт состоял ассистентом в Институте Серенгети, но из-за слишком длинных волос его выслали в Маньяру. Мысль, что наши современники не признают длинных волос, тогда как в 1790 году молодого человека с короткой стрижкой могли лишить наследства, показалась мне забавной.

Иэн тут же осведомился, готово ли оборудование для обездвиживания и поддерживает ли Говард контакт с Кровавым Ухом. Роберт ответил, что слона недавно за-

секли у Ндалы и Говард с Мходжей следят за ним. Говард рассчитывал, что мы встретимся через пару часов.

Спускаясь по склону, я обратила внимание, что большинство толстокожих осталось там, где я их видела с воздуха. У въезда в парк Иэн выбрал одну группу, въехал прямо в стадо слонов и выключил двигатель. Мы стояли метрах в двадцати от них. Слоны едва шелохнулись. Только малыши повернулись к нам задом, а крупные самки стали наблюдать за нами: их головы застыли, хобот повис, а уши раздвинулись в стороны. Вдруг, откуда ни возьмись, появилось громадное животное со вздернутой головой и широко расставленными ушами, похожими на крылья. Нацелив на нас бивни, слониха сделала четыре устрашающих шага к нам, возвысилась над нами во весь свой рост, качнула головой вправо и влево, яростно хлопнула ушами, взметнула передней ногой тучу пыли, скрестила ее с другой ногой и остановилась. Я так и обмерла со страху.

Затем слониха пронзительно затрубила, протянула хобот вперед, опять взметнула пыль, потом повернулась и удалилась комической рысцой клоуна в слишком широких штанах, характерной для походки слонов. Слониха вернулась в группу и всех взбаламутила. Послышались рев, ворчание, хрюканье. Наконец она застыла, повернувшись к нам боком, подняв голову и сверля нас пронзительным взглядом.

Повернувшись к Иэну, я как можно спокойнее спросила:

— Не слишком ли это опасно?

Он улыбнулся, дал знак молчать и принялся делать пометки, наблюдая за другой группой слонов под деревьями.

— Не бойтесь Боадицеи,— сказал он.— Она очень раздражительна, но только блефует. Мне хотелось показать ее вам, это благородная дама Маньяры, матриарх крупнейшего семейного сообщества.

Я еще никогда не подходила так близко к слонам и с величайшим удивлением узнала, что главой семейной группы является самка. Раньше я думала, что во главе стада стоят суровые громадные самцы.

Вокруг нас было 20—30 слонов. Иэн ткнул пальцем в мирно пасущегося слона.

— На него мы собираемся нацепить радиошейник. В честь Роберта мы назвали его Радио-Роберт.

Боадидея еще дважды тряхнула головой, и Иэн медленно выехал из кустарника на дорогу, всю в колдобинах. Мы проехали мимо зебр, сделали безуспешную попытку найти львов, пересекли несколько пересохших речек и песчаных отмелей и наконец по узкой дорожке двинулись в лагерь.

Я услышала шум водопада и увидела текущую внизу реку, познакомилась с Мходжей и Мшакой, поваром Иэна. Они с Робертом принялись разгружать машину, а меня Иэн повел по лагерю.

Его дом расположился на краю обрывчика под широкой сенью двух деревьев. Он был сложен из камня и покрыт глинобитной крышей. Две рондавеллы стояли метрах в тридцати друг от друга, а между ними находилось прямоугольное помещение. Рядом стоял еще один маленький домик: половину занимала кухня, другую — ванная. Вокруг рос густой кустарник, вырубленный лишь на узкой полоске земли, примыкавшей к дому. Петляющая тропинка вела через густую растительность наверх, к водопаду. Там стояла еще одна каменная рондавелла с остроконечной глинобитной крышей и широкими окнами, затянутыми накомарниками. Рядом рос громадный куст дикой гардении. Мои апартаменты. Выше, у самого водопада, стоял последний домик. Из него открывался самый чудесный вид. Два дерева, акация тортилис и терминалия, вцепились обнаженными корнями в отвесный склон и склонились над домом. Вода падала в широкий водоем, и ветер доносил до нас брызги. Я уселась на скалу, где то и дело появлялись и рассматривали меня агамы, голубые с ярко-оранжевыми головками. Слова были лишними. К чему восклицать: «Как красиво!» Разве очевидное нуждается в словах?

Когда мы вернулись в главный дом, меня представили двум мангустам — Пилипили и Ндого (Перец и Малыш на суахили). Они любили лишь Иэна, и он платил им взаимностью. Пока Мшака кормил нас завтраком, они носились под столом и до крови кусали меня за пальцы ног. Нам подали типичный завтрак холостяка: мясные консервы, вареная картошка, консервированные овощи. Правда, стол еще украшали громадная салатница со свежими фруктами и сливки с нашей фермы.

Остатки завтрака Иэн скормил сбежавшимся на зов курам. Это были африканские куры, выросшие в суровых условиях и умеющие ускользнуть и от коршуна, и от генетты, и от прочих мелких хищников.

Наскоро поев, мы тут же отправились на поиски Говарда и Кровавого Уха. Говард сидел в «лендровере» под акацией у моста через Ндалу. На дверце машины торчала антенна, на голове у него были наушники, а на коленях — маленький черный ящичек. Он ткнул пальцем в сторону рожицы, давая понять, что слон там. Говард проверял записи и, видимо, был доволен результатами работы.

Мы, тихо разговаривая, отошли в сторону. Говард показал мне записи. Стрелки на верхней панели ящичка указывали температуру слона. По ней Говард строил кривую. Указав на всплеск кривой, он объяснил:

— Этот скачок произошел в тот момент, когда Кровавое Ухо вышел из леса и увидел машину.

Хотя животное внешне не выглядело обеспокоенным, его волнение выразилось в неожиданном подъеме температуры. Я вдруг поняла, что ничего не знаю о слонах.

Когда Говард был готов, Иэн надел наушники, взял антенну и сделал мне знак следовать за ним в густом кустарнике разреженного леса. В ушах звучало «пи-пи-пи» радиопередатчика. Подняв антенну и поворачивая ее из стороны в сторону, мы могли следить за движением нашего невидимого подопытного среди густейшей растительности. Иэн влез на дерево и тут же обнаружил удалявшегося слона. Мы приготовили шприц с транквилизатором и зарядили ружье. Иэн, Говард и Мходжа двинулись вперед, а я — вслед за ними. По собственной глупости я осталась в сандалиях вроде шлепанцев, в которых всегда ходила на ферме, и еле поспевала за ними — обувь все время соскакивала, и вскоре я сбила ноги в кровь. Кто мог знать, что изучение слонов требует передвижения пешком? В парках такого не было. Я боялась даже вскрикнуть, лишь бы не помешать Иэну, но он почувствовал неладное, велел Мходже идти рядом со мной, и мне сразу полегчало.

Вдруг сухо щелкнул выстрел, и что-то забилося в кустах, но ничего не было видно.

— Попал, надо торопиться! — сказал Мходжа и снял

с моей шее фотоаппараты. Он рванулся вперед с моим фотоснаряжением в одной руке и ружьем — в другой. Я бежала за ним, едва успевая отводить от лица ветки. Трехметровая стена спутанной зелени скрывала все, и мы как-то неожиданно очутились рядом со слонем, сидящим среди кустов, как собака. Удивительный спектакль. Животное моргало и раз или два повело ушами. Слон дышал медленно и глубоко — каждый вдох секунд через десять. Он поднял хобот, пригнувшись к нам, затем оперся о бивень. Тот скользнул и с глухим стуком ударился о землю. Иэн объяснил мне, что слон находился в полном сознании, слышал, чувствовал и видел нас, но не мог двигаться.

По радиотелефону вызвали Роберта на «лендровере». Иэн взял из машины двадцатилитровую канистру, вскарабкался на спину слона, как на скалу, и принялся поливать ему голову и плечи. В это время Говард перерезал швы на ухе слона, вскрыл вену и извлек крохотный цилиндр — термистор. Затем проделал то же самое с артерией. Кровь текла ручьем — ее набрали для анализов. Затем Говард быстро закрыл надрезы. Мходжа пытался замерить анальную температуру слона с помощью небольшого термометра. Как ни смешно, но это надо было сделать, и Мходже пришлось вырыть яму под хвостом слона, чтобы добраться до нужного места.

Какими же маленькими выглядели люди рядом с этой громадиной! Впервые в жизни я стояла рядом с живым слонем и смотрела ему в глаза. Они были полуприкрыты, но изредка длинные изогнутые ресницы вздрагивали и по щеке скатывалась громадная слеза, словно он беззвучно плакал. Он казался печальным. Под нижней губой у него росла бородавка, а кожа напоминала растрескавшуюся от жаркого солнца болотную грязь. В морщинах кишели клещи и прочие паразиты. Светлые клещи, разбухшие и громадные, висели на шее, ушах, брюхе — там, где кожа потоньше; размером они были с добрую виноградину. В течение всей операции Кровавое Ухо не шелохнулся. Только кончик хобота раскачивался из стороны в сторону.

Минут через двадцать Иэн впрыснул ему противоядие и дозу антибиотиков, чтобы предупредить воспаление ран. Затем мы отступили в плотную тень деревьев, чтобы он спокойно очнулся. Первым признаком возвра-

щения к жизни было легкое движение ушами. Потом он поднял хобот и кончиком его обнюхал воздух во всех направлениях, нет ли чужого запаха. С трудом он оторвал свою громадную массу от земли и застыл, поводя ушами. Мы стояли довольно близко от него, он нас слышал и чувствовал, но не выказал никакой агрессивности. Когда Иэн убедился, что все в порядке, мы ушли. Все радовались, что операция прошла успешно.

Мы вернулись в лагерь, утолили жажду прохладительными напитками, и мужчины занялись последними приготовлениями к завтрашнему обездвиживанию юного самца Роберта.

Из мотка приводного ремня вырезали ошейник; передатчик тщательно упаковали в коробку из стекловолокна и оставили все на просушку. Затем приготовили клейкую ленту для крепления передатчика на ошейнике и раскрасили его в желтые и голубые цвета. Вся вторая половина дня прошла в проверке снаряжения. Включили передатчик и послушали в наушниках его «бип-бип».

Я не переставала оглядываться по сторонам. Как в любом лагере, вся жизнь сосредоточилась вокруг одного дерева. Под густой гарденией около кухни стоял большой деревянный ящик (сундук-сафари), служивший столом для глажения, а вокруг него шесть табуретов, на которые усаживались Мходжа и повар, когда беседовали со зрителями и заезжими шоферами. Хотя нижние ветви были обрублены, дерево давало густую тень. Почва в этом месте была твердой — ее топтали и подметали несколько лет подряд. Около гардении лежала большая коллекция черепков и костей, в основном слонов и буйволов, собранных по всему парку. Иэн определял по ним возраст животных, изучая по большей части челюсти. С другой стороны дерева, под гарденией поменьше, стояла хижина из зеленого металла, служившая складом, а еще дальше, за колючим кустом *Cardiogyne*, пряталась прямоугольная глинобитная хижина, побеленная известью, где жили зритель и повар.

Ванная комната располагалась по соседству с кухней. Там были ванна, душ, умывальник, унитаз и изобилие проточной воды, цвет которой менялся от светло- до темно-коричневого. Подогреватель, топившийся дрова-

ми, давал горячую воду. На одной из стен прилепились гнезда чернохвостых ласточек.

Лагерь понравился мне с первого взгляда. В нем царил:какая-то суровость. Голые стены комнат без каких-либо декоративных элементов, кроме светильников и пожей. Никаких штор. Совершенно функциональная мебель. Но ели с тарелок, пили из стаканов, а чай и кофе подавались в самых настоящих чашках. В холодильнике всегда были пиво, вода и фруктовый салат. Имелись интересные книги, а одежда ежедневно стиралась. Минимальный, а возможно, и максимальный комфорт для молодого человека, живущего в джунглях.

На закате солнца мы с Иэном отправились купаться к водопаду, а потом приоделись и поехали в гостиницу, куда нас пригласили отобедать друзья. Начался дождь, и Говард дал нам свой «лендровер» с крышей. Из гостиницы мы ушли часов в десять. Я чувствовала себя изнуренной после первой встречи с маньярскими слонами. Мы катили по выбитой дороге, похожей на «стиральную доску», по направлению к лагерю, и мне казалось, что «лендровер» трусит, словно лошадь.

Парк под нами купался в странном свете полной луны, окруженной флотилией дождевых туч. Желто-зеленое озеро в оправе из тумана посреди черного, молчаливого леса выглядело оазисом в пустыне. Когда мы въехали в Граунд Уотер Форест, мимо нас вдоль дороги пронесся гиппопотам, весь в розовых и черных пятнах. В свете фар он походил на бочонок с ножками и свинячьим хвостиком.

Мы проехали километров шесть по парку, и вдруг «лендровер» скособочился и, подпрыгнув, остановился. Метрах в пятнадцати от нас на склоне холма мирно паслись слоны.

— Боюсь, лопнула шина, — сказал Иэн.

— А слоны? — с испугом спросила я.

— Пустяки. Носороги и буйволы опаснее. Попробуем сменить колесо.

Но домкрат куда-то подевался! Мы попытались отвести машину на обочину, чтобы снять шину, но куда там. Что делать: ночевать в машине без всякой защиты от комаров или пешком вернуться в здание администрации парка, в дом для посетителей? Мы выбрали второе.

Днем домик казался совсем рядом, в нескольких ми-

нутах ходьбы, а потому я не беспокоилась, хотя мой наряд не подходил для прогулок по парку. Укутанная в тончайшую *кангу* (африканское платье), перетянутую в талии поясом с красными камнями и позолоченными колокольчиками, и в сандалиях, которые едва держались на ногах, я казалась себе ученой обезьяной, бредущей по дороге под звон бубенчиков. Слоны удалились, но их присутствие ощущалось.

— Не волнуйтесь, они не причинят нам никакого зла, — сказал Иэн, когда мы проходили мимо, — лучше всего разговаривать, петь песни, да и колокольчики звенят.

Батарейка в фонарике почти села, и на дороге светился лишь неяркий кружок; изредка, и то сквозь тучи, проглядывала луна. Хрустнули ветки, потом мы услышали фырганье, хрюканье и рев удалявшихся слонов. Дважды мы наткнулись на буйволов, и нам пришлось прятаться за деревьями, бросать в них камнями и кричать во всю глотку, чтобы прогнать их.

Подойдя к первому мосту, я было отказалась идти дальше, передо мной словно высились стены крепости. Ноги болели, и даже простая мысль о ходьбе причиняла боль. Но мы все же двинулись вперед. Иэн орал ужасные боевые песни шотландцев, в которых речь шла об английских лошадях, чьи копыта кунались в крови шотландских горцев. Когда мы очутились в лесу, окруженные безмолвными, призрачными формами, я представила себя Орфеем в стране теней.

В непроницаемой тьме присутствие слонов на дороге успокаивало. Они бесшумно скользнули в кустарник и исчезли.

Деревья были слишком гладкими, чтобы взобраться на них. Как же уязвим человек без ружья в царстве крупных хищников! Единственным нашим оружием были пять чувств и разум. Я кожей ощущала на себе взгляд желтых глаз голодного хищника, ноздри которого щекотал мой запах. Человек, охотник из охотников, превратился в этой черной дикой безбрежности в беззащитную добычу, мелкое, слабое и безоружное существо.

В конце концов мы добрались до въезда в парк и преодолели последние 800 метров до домика. По пути мы встретили первого носорога и спрятались за скалу.

Ветер дул в нашу сторону. Мы принялись хлопать в ладоши и бросать камни, и недоумевающее животное убежало. Путь был свободен, и мы вскоре очутились на веранде дома. Было далеко за полночь. Внутри нас ждали широкие деревянные постели, застеленные чистыми простынями. Как в сказке. Мы уснули глубочайшим сном в этом гнезде, свитом человеческими руками, а утром нас разбудил голос Говарда.

На обратном пути через лес Иэн сказал:

— Не хотел вас пугать понапрасну вчера вечером, но здесь бродит лев-людоед, который недавно сожрал на большой дороге местного жителя.

Вначале я не поверила ни единому его слову. Это скорее походило на реплику из фильма компании «Метро Голдвин Майер». Когда мы подошли к покинутой машине, Роберт и Мходжа уже заменили колесо. Они подтвердили слова Иэна о льве. К завтраку мы вернулись в лагерь.

В утреннюю программу входило обездвиживание молодого красивого слона, который следовал за изгонявшим его семейным сообществом Боадицеи. Говард и Роберт все приготовили, но мы запоздали. Иэн опасался, что не разыщет Боадицею. Все мое существо жило в предвкушении приключения. Я зарядила фотоаппараты, рассовала объективы по карманам пиджака, специально сшитого для хранения всяческих фотопринадлежностей. Мы с Мходжей и Иэном двинулись в одну сторону, а Говард и Роберт — в другую. Контакт поддерживался с помощью рации.

После безуспешных наземных поисков Боадицеи мы решили отыскать ее с самолета и вернулись на взлетную полосу. Через десять минут Иэн засек слониху со всем ее многочисленным семейством в тени акаций вдали от дороги. Меня поразило, как легко он узнал животное с высоты; мне это казалось чудом. Он раза два или три облетел стадо.

— Скорее всего, она направляется к большому болоту,— сказал он.— Будет там через полчаса. Подождем ее у края леса.

Четверть часа спустя мы уже сидели в машине. И вскоре обнаружили Боадицею со всем семейством. Матриарх на голову возвышалась над остальными и как бы бросала вызов: а ну, подойди! Некоторое время мы

наблюдали друг за другом. Иэн показал мне других самок, глав семейств — Леонору, Тонкий Бивень, Закорючку — и очаровательную старую слониху, которую мы называли Жизель, по имени моей матери.

Члены семейного сообщества Боадицеи собирали хоботом пыль в кучки, затем ногой заталкивали ее в изогнутый кончик хобота и, словно тальком, посыпали себя. Малыши пытались подражать взрослым. Боадицея настороженно наблюдала за нами, ожидая, что мы предпримем. Метрах в трехстах отсюда трое молодых самцов уже принимали грязевые ванны. Самый большой из них, чей хобот был длиннее других, оказался тем самым слоном, которого Иэн выбрал для опыта.

Когда шприц попал в слона, он пробежал вперед несколько шагов. Иэн и Мходжа сели в машину. Остальные самцы кружились на виду недалеко от нас. Наш самец тащился позади и сыпал себя время от времени песком. Потом остановился, покачнулся, восстановил равновесие и снова пустился в путь. Шагах в пятидесяти от Боадицеи он остановился, ветер дул в ее сторону. Вдруг все сообщество под предводительством ревущей Боадицеи подалось вперед — хоботы вытянулись в сторону самца, уши растопырились. Матриарх ударила бивнями самца, тот потерял равновесие и рухнул на колени. Он хотел было подняться, но на него напали еще две самки. Внезапно вмешалась Жизель: сунула ему в рот хобот и помогла подняться. Она стояла рядом и охраняла его. Но остальные слоны, разозленные и трубящие, окружили его и стремились опрокинуть на землю. Иэн не ожидал такого поворота событий. Судя по ее поведению, Жизель была матерью Роберта. Хотя он и достиг возраста, когда самцы уходят из группы, она по-прежнему защищала его. Мы присутствовали при любопытнейшем явлении — одновременном проявлении и агрессивного поведения, и защиты.

Но самец уже не мог стоять на ногах, его колени подогнулись, он пошатнулся и упал. В этот момент рев и волнение усилились. Несколько самок атаковали машину, которой Иэн пытался отогнать слонов от заснувшего животного, чтобы они не нанесли ему ран.

Сидя на крыше машины с висящими на шее фотоаппаратами, я присутствовала на уникальном спектакле.

Мои пальцы дрожали от возбуждения и непрерывно щелкали затвором. Но иногда я переставала что-либо соображать от шума и толкотни вокруг.

Необходимо было отогнать Боадицею от молодого самца; наконец она отвела всю группу под дерево, метрах в тридцати от нас. Она находилась в сильнейшем раздражении, редела и принимала угрожающие позы.

Как только Боадицея оказалась в стороне, Иэн подогнал машину и остановил ее между самками и поверженным слоном, чтобы защитить его от их гнева. Иэн и Говард проделали всю операцию быстро и ловко, управившись до пробуждения самца. Роберт и Мходжа сделали замеры и собрали анализы. Закрепив радиопрошейник, Иэн ввел в вену слону противоядие, и мы удалились.

Мходжа вырвал несколько волосков из хвоста слона и сплел из них браслет. И я не без гордости носила его.

Я решила отметить свой первый вечер в лагере и успех двух обездвиживаний вкусным обедом, хотя для праздника нашлось бы множество других поводов. Два часа мы с Мшакой, совершенно мокрые от пота, толкались в крохотной кухоньке. От огня и дыма дровяной печи у меня ручьем текли слезы, но я стойко отгоняла от продуктов миллионы насекомых, привлеченных светом. Несмотря на ужасные условия, удалось приготовить сырное суфле, курицу с острым рагу из картошки и лука, похлебку и фруктовый салат со взбитыми сливками с наивашской фермы. При свете декоративных свечей мы пили красное вино. Роберт с его зверским аппетитом подчистил все блюда.

Первое посещение Маньяры открыло передо мной совершенно неизвестный аспект мира диких животных, но задержаться было нельзя: меня ждали в Наиваше. На обратном пути Иэн предложил сесть в Аруше и купить сапоги. Если придется много ходить по лесам и кустарникам, то незачем ломать ноги в сандалиях, сказал он. Нужна обувь для сафари. По пути мы засекли Радио-Роберта и поставили второй крестик на карте, на которой Иэн будет долгие месяцы отмечать его перемещения.

Я вернулась в Наивашу в среду, как обещала. Прошел дождь, и утрамбованная земля встретила наш вто-

рой прилет свежей юной травкой. Посадка, пробег по полю в маленьком самолете, обтянутом тканью, который буквально подвозил меня к дверям дома, — часть увлекательного приключения, которое мне впервые предложил мужчина, но страх при каждой посадке и каждом взлете с небольшой полосой утверждал меня в мысли, что это место мало подходило для встреч.

После отлета Иэна я вымерила соседнюю бому и наметила новую, более длинную полосу с учетом доминирующего ветра. Если мне были нужны сапоги для маньярских походов, то Иэну нужно было место для приземления в Наиваше. Две следующие недели целая бригада корчевала кустарник, рубила деревья и закапывала телефонные провода. Мы даже установили ветровой конус и обмыли открытие новой полосы двумя дюжинами пива. Затем осталось дожидаться шума самолета, пикирующего к нашей ферме. И когда он прилетел, все волшебные силы жизни пришли в движение.

Глава X

ОДНАЖДЫ С ВЫСОТЫ НЕБЕС...

Два следующих месяца каждую первую половину недели я руководила сбором и отправкой зеленого перца в Англию, продажей скота мясникам, наблюдала за возделыванием полей и посадкой кукурузы. А затем летела в Маньяру.

В среду начиналась сложная операция по посылке радиосообщения Иэну; до администрации парка оно нередко доходило за шесть часов, а затем его отправляли в лагерь с курьером или шофером. Но в первый раз контакт был установлен очень быстро. В Маньяру меня подбросил на самолете приятель, и, кружась над посадочной полосой, я увидела «лендровер» и двух человек рядом с ним. Невероятная эффективность связи произвела на меня сильное впечатление. Но сей успех оказался исключением, и потом нам с трудом удавалось пересылать друг другу наши сообщения.

Врастание в жизнь Маньяры требовало полного подчинения образу жизни Иэна и его работе со слонами. Иэн завел раз и навсегда установленный порядок —

вставать с восходом и ложиться с заходом солнца. Ели по строгому расписанию — качество пищи никого не интересовало, главное было соблюдать пунктуальность. Завтрак относился к самым поразительным явлениям в жизни лагеря. Его подавали ровно в семь утра. Включалось радио, и слушались сообщения с Лондонской биржи, которые передавали перед последними известиями. Мне, обладательнице британского паспорта, но франко-итальянского происхождения, было понятно, что так жить могут только англичане. Иэн был истинным их представителем: ел яйца с поджаренным до хруста беконом, держа на коленях мангусту, и слушал новости с биржи, а слоны тут же, у его дома, утоляли в реке жажду. Никто не произносил ни слова.

Англичане — удивительная нация! Их можно критиковать, ненавидеть, любить, но они вездесущи и оставили неизгладимый след в истории мира. И вот передо мной сидит шотландец, который поменял твидовый пиджак на зеленую рубашку, брюки из серой фланели на зеленые хлопчатобумажные шорты и коричневый портфель на бинокль. Вместо изучения выюрков в Англии он решил разделить свою жизнь со слонами. Многие сочтут его оригиналом, но для Иэна это был самый что ни на есть нормальный образ жизни. Раздавался бой «Большого Бена»: «Четыре часа по Гринвичу. Начинаем передачи для заграницы. Передаем последние известия». Не хватало лишь номера «Таймс». То было напоминание о стране и образе жизни, которые он покинул, и одиночки вроде него только так поддерживали контакт с внешним миром. После новостей радио выключалось на весь день, и все отиравлиались на работу в чудесный зеленый мир слонов и других животных, захватив с собой корзинку с бутылкой белого вина и глазированными каштанами.

Иэн хотел как можно быстрее ознакомить меня с парком, чтобы я могла по достоинству оценить его работу. Он надеялся, что я смогу узнать некоторых слонов, но меня слишком пугали их угрожающие позы, и было не до особенностей их ушей.

Как-то мы проделали немалый путь вдоль берега озера в район Эндабаша, где, по словам Иэна, жили самые дикие толстокожие. Густейшие заросли кустарника затрудняли наблюдения. Самыми опасными были

сестры Торон и другие слоны, получившие имена известных людей, испытавших на себе их гнев, — слониха Гржимека и слониха Болдуина. На всех фотографиях картотеки они шли в атаку в облаке пыли. Обычно Иэн едва успевал сделать снимок и умчаться прочь.

Вблизи их убежища дорога сужалась, густой кустарник смыкался над нами, и колючие ветви царапали дверцы автомобиля. Рои безжалостных черных мух цеце набрасывались на нас, жаля сквозь одежду. Несмотря на всякие ухищрения, кожа покрывалась красными буграми, которые ужасно чесались и раздражали меня.

В любой момент перед нами могло возникнуть «чудище» и с ужасным трубным ревом броситься на нас. Каждый раз, когда я вспоминала о такой возможности, Иэн советовал раскрыть глаза пошире. А пока слонами и не пахло. Время от времени мы замечали голову и шею жирафа, который как бы без тела двигался над кустарником, но других признаков дикой фауны не было.

Доехав до реки, мы увидели, что она вздулась, а мост наполовину снесен. Иэн предложил бросить машину и двинуться пешком по звериной тропе вдоль берега. Его слова навели меня на мысль, что, должно быть, в его рассказах много преувеличений: эдакое мужское желание произвести впечатление и возвысить себя в чужих глазах, иначе как можно проявлять беспечность в месте, где полно «злобных слонов»? Мои страхи рассеялись, и я весело двинулась вдоль дороги, по которой животные ходят на свои любимые места водопоев!

В устье реки плавала и ныряла стая пеликанов, они опускали голову под воду и таскали рыбу в едином ритме, как хорошо тренированная команда. Я стояла по колено в воде и смотрела на них, ощущая, как рыбки щекочут меня, тыкаясь в лодыжки. На другом берегу, наполовину скрывшись в болотной грязи, спали буйболы. Откуда было знать, что по нашим пятам бесшумно, словно облака в небе, шла семейная группа слонов. Вдруг сзади послышался плеск воды. Я обернулась и увидела слонов!

Целый день ожидания, и на тебе — они здесь! Я как дура оказалась в ловушке и не успею обратиться с их до-

роги. Мамаши с детьми представляли наибольшую опасность. Исчезнуть и поскорее! И я исчезла. Я глубоко вдохнула, плюхнулась в 60 сантиметров илистой воды и постаралась как можно дальше уйти от них под водой. Сапоги вязли в иле; пеликаны с удивлением удалились, а когда я высунула голову, чтобы глотнуть воздуха, то оглянулась и посмотрела, что творится сзади.

Иэн сидел на суку в нескольких метрах от слонов и хохотал надо мной, с намеком постукивая пальцем по лбу. Слоны тоже наблюдали за мной: вытянув хоботы, они пытались уловить хоть «понюшку» моего запаха. Ни атаки, ни ворчания! Зачем же лежать в этой отвратительной воде, воняющей рыбой и птичьим пометом... Но меня охватила такая радость — оба мы живы, — что я расхохоталась. Иэн достиг своей цели! Осталось сделать хорошую мину при плохой игре и сохранить максимум достоинства, пытаюсь понять, почему слоны не напали на нас. Слава богу, что фотоаппаратура висела на шее у Иэна.

Испуг был оправдан, объяснил Иэн, просто эти северные слоны безобидны. Их матриарха звали Джокаст, и у нее были громадные бивни разной длины. Несколькими минутами раньше она показалась мне ужасной!

Казалось, мне никогда не удастся обрести спокойствия и уверенности Иэна. Слоны были слишком велики, а в моей голове теснилось множество историй, рассказанных охотниками, друзьями и родственниками, о разъяренных слонах, которые превращали людей в кровавое месиво!

Вечером на кухне опять пришлось сражаться со стреляющей огнем дымной печкой и почти полным отсутствием кухонной утвари. Мшака не переставал извиняться за состояние кухни и жаловаться, что не раз просил у Иэна венчик для взбивания яиц и гриль, но безрезультатно. Однажды в поисках ножа я наткнулась на змею, свернувшуюся кольцом на дне коробки. Я не знала, к какому виду она принадлежит, и с облегчением вдохнула, когда она скрылась в кустарнике. К счастью, в лагере Иэна всегда имелась сыворотка от змеиного укуса, а кроме того, от змей нас охраняли мангусты.

Так как Иэн и Роберт надеялись получать во время моего нахождения в Маньяре хорошую пищу — и поданную к тому же в определенный час, — то мне пришлось произвести реорганизацию лагеря. К кулинарному мастерству Мшаки у меня претензий не было, но требовались новые идеи и лучшее оборудование.

Стоило сообщить Мшаке, что пора заняться составлением списка всего, чего не хватало в рондавеллах, его лицо расплылось в широчайшей улыбке, он испустил протяжное «и-и-и-и» и сказал:

— Очень хорошо.

Я пообещала ему, что с первым самолетом из Кении привезу полный набор кухонной утвари.

Продукты, и особенно свежее мясо, были предметом постоянных забот. Их всегда не хватало ни постоянным сотрудникам парка, ни приезжим. Окрестные генетты по ночам охотились на наших кур. Иногда мы находили пучки выдранных перьев, ибо генетты просовывали голову сквозь решетку и пожирали все, что проходило в пределах их досягаемости. Выбросить кусок съедобного мяса считалось святотатством: даже наполовину сожранная хищником курица попадала на наш стол под соусом кэрри или в супе.

Наткнувшись у реки Мчанга на заросли кресс-салата, не переводившегося круглый год, мы стали использовать его для салатов и супов. Это был наш основной источник зелени. На рынке Мто-ва-Мбу я всегда могла приобрести за несколько шиллингов связки папайи, бананов и авокадо. Мало-помалу наш лагерь приобрел репутацию «хорошей кухни в джунглях».

В Мто-ва-Мбу нас с Иэном звали Мама Дуглас и Дуглас. До самой Аруши и в холмах над Маньярой неизвестные нам люди кричали: «Джамбо⁴, Дуглас, джамбо, Мама Дуглас!»

Однажды вечером после встречи с друзьями в сафари мы остановились перекусить в гостинице Мто-ва-Мбу. Стены были расписаны ярчайшими фресками с животными намного большего размера, чем в природе, их написал человек из племени тутси, которому удалось убежать от хутусов. Среди клиентов ресторана были шоферы грузовиков, *мбулу* (пастухи), масайские

⁴ Джамбо (*суахили*) — здравствуй.— *Примеч. ред.*

вожди и девицы легкого поведения. Неподдалеку от нас почти в полной неподвижности сидел старый масай в армейской шинели и старой, выдавшей виды шанке на голове. Держа в левой руке копьё, он ел суп, заедая его *чапати* (лепешка из хлебного теста). Он поел, заплатил и растаял в ночи. У нас с собой было денег на одну тарелку супа и *чапати*, а когда Иэн попросил молока, пообещав заплатить завтра, ему отказали. Человек, сидевший в противоположном углу, подозвал гарсона, бросил ему шиллинг и сказал:

— Дай молока Дугласу!

Он махнул рукой в ответ на нашу благодарность и продолжал есть. Его звали Али. Он когда-то помогал Иэну строить лагерь. Али был невысокий, хорошо сбитый и необыкновенно сильный человек. Он отличался потрясающим чувством юмора и невероятной слабостью к женщинам, сигаретам и пиву. Али мало с кем поддерживал хорошие отношения, поскольку не мог работать в обычные часы и почтительно относиться к нанимателю. Однажды он объявил, что хочет прийти к нам работать, а так как нам нужен был человек для починки глинобитной крыши и выполнения разных тяжелых работ, мы его наняли. Воспитывал Али строгий отец, поднимавший сына ежедневно в 4 часа утра на полевые работы. Он так привык к такому распорядку, что начинал свой трудовой день именно в этот час: мы слышали шорох косы в траве и мелодию, которую Али с утра до вечера насвистывал или напевал. То была его любимая мелодия, и, пока он оставался у нас, он ни разу ей не изменил. В 9 часов утра Али кончал работу, завтракал, умывался, а потом садился в уголке соснуть или рассказывал истории до 4 часов пополудни, когда вновь принимался за работу.

Большинство жителей Мто-ва-Мбу слышали о Дугласе. При малейшей возможности они останавливали его и спрашивали, боится ли он слонов. А когда Иэн отрицательно качал головой и говорил: «Нет, они мои друзья», все покатывались от хохота, хлопали его по спине и предупреждали: «Берегись, они опасны». Мне очень нравилась атмосфера Мто-ва-Мбу.

Королевой деревни была Мама Роза, владелица самого популярного, а значит, и самого доходного ресторанчика. Ростом она была 1,70 метра, а весила кило-

граммов девяносто. Когда она смеялась, ее широкий рот делил лицо пополам, щеки надувались и прикрывали глазки. Мама Роза питала слабость к Иэну. А если ей нравились, она готова была помочь в любую минуту, когда в лагере собирался народ, Мама Роза одалживала нам глиняные котлы и снабжала продуктами.

Каждый мой приезд в лагерь Ндала вызывал страшную суету. Иэн ежедневно летал и отмечал перемещения Радио-Роберта, который следовал за Боадицей. Впервые появилась возможность наблюдать семейную группу в течение многих недель, и я пыталась запечатлеть все на пленке.

Одним из любимейших убежищ Боадицей была узкая долина реки Мусаса, пересекающая плато Мбулу. С воздуха долина едва различалась меж двух гор, покрытых неровным ковром колючих кустарников. Когда там пробираешься пешком, они цепляются за кожу, одежду, а зазевавшийся путник может наткнуться и на дикий штыкообразный сизаль. С самолета виднелись сеть «дорог», которые вились по склону, и округлые формы слонов. Антенна, укрепленная на стойках крыла, ловила радиоволны, несущиеся из долины.

Ошейник Радио-Роберта скрывался под слоем грязи, но после сильного дождя вновь сверкал своей желтой краской, и Иэн старался определить, к какой группе он ближе. Большинство толстокожих, кроме тех, кто находился на открытом месте и не чувствовал себя в безопасности, вскоре перестало обращать внимание на назойливую птицу, кружащую над головой.

Иэн был недоволен тем, что терял много времени на поездки на машине до полосы у гостиницы и обратно. Ему хотелось проследить и за слоном из соседнего парка Тарангире, чтобы сравнить расстояния и схемы перемещений. Но эти дополнительные полеты требовали устройства полосы у самого лагеря. Прежде всего следовало отыскать подходящее место. Слоновья тропа позади лагеря вывела нас на открытую поляну, где среди термитников росло немного кустарников и деревьев. Мне место показалось ужасным, но Иэн заявил, что полоса получится отличной.

Как-то во второй половине дня Иэн возвращался из

Серенгети и хотел сесть на главную полосу. Он никогда не упустил возможности потренироваться на ней. Самолет коснулся земли, затормозил, но левое колесо спустило. «Кикс» завертелся волчком, Иэн не успел его выровнять, и самолет влетел в высокую траву. Вдоль полосы оставалось множество ям и крупных камней. Самолет ударился о них, погнул винт, шасси и повредил второе колесо. «Кикс» оказался прикованным к земле на несколько месяцев. Эксперты оценили убытки, а механики разобрали самолет на части, чтобы отправить в Найроби на ремонт. Теперь Иэн каждый раз, когда следил за слонами или летал за мной в Наивашу, брал самолет напрокат, и потеря «Кикса» оказалась весьма чувствительной для нас.

Самолет стал неотъемлемой частью нашей жизни, и Иэн посоветовал мне приобрести самолет и научиться пилотировать его. Он отыскал в одном из ангаров Аруши небольшой «Пайпер-Крузер». За него просили недорого, 875 фунтов, и он уговорил нас с братом Дорианом купить его. Когда самолет пригнали из Найроби, он показался мне самым прекрасным на свете. Его построили более 30 лет назад, он имел классическое шасси, бело-голубой фюзеляж, белые крылья и совсем немного приборов. С переднего сиденья пилота открывалась широкая панорама, а на заднем сиденье умещались два пассажира. Его максимальная скорость достигала 150 километров в час, а минимальная — 75, но из-за легкости и громадных крыльев он парил в воздухе, как гигантская птица.

«Крузер» нужен был Иэну для радиослежения, а мне — для обучения пилотированию. Более того, вторая машина дарила нам свободу, о которой мы и не мечтали. Когда один самолет был неисправен, мы садились во второй и летели по своим делам.

В следующий раз, летя из Наиваши, мы пронеслись над лагерем, чтобы подать знак, но Иэн спикировал, и я увидела прямую полосу с ровным уклоном. Кустарник и термитники по обеим сторонам исчезли. На полосе паслось несколько антилоп импала, но при нашем приближении они ускакали. Мы развернулись для посадки и, коснувшись земли, докатились до верхней точки уклона.

Иэн нанял целую бригаду для расчистки полосы от

кустарников и термитников и выучился управлять грейдером, который занимал по воскресеньям у администрации парка. Длина полосы не превышала 450 метров, у нее был большой уклон, и обоими концами она упиралась в долину с деревьями. В этот раз ветер дул в спину, мы сели на полной скорости, но уклон помог нам затормозить. Посадку, казалось, мог совершить и ребенок.

Мходжа соорудил небольшую изгородь из колючих веток, как это делают масаи для коз; мы завели туда самолет, чтобы буйволам и слонам не вздумалось потереться о его хрупкий каркас, а львам — прокусить шины. Мы разгрузили самолет, а через три минуты были уже в лагере, тогда как от верхней полосы дорога занимала не менее сорока пяти минут. Какая ощутимая разница; теперь мы могли проводить любые наблюдения с воздуха и летать куда глаза глядят. Хочешь, лети за покупками в Арушу за 45 километров от нас, хочешь, отправляйся за свежим мясом и овощами к местным фермерам или в гостиницу, чтобы перекусить.

Иэн начал учить меня пилотировать самолет. Вначале я пугалась, сидя впереди одна, пока Иэн с заднего сиденья кричал мне на ухо команды, необходимые для взлета. Но в воздухе я преображалась и забывала обо всем перед красотой открывавшегося мне мира и от радости самостоятельно управлять самолетом. Я, Иэн и ветер — мы скользили меж облаков и спускались к летящим под нами птицам.

Мало-помалу лагерь Идалы становился моим вторым домом. Осчастливив Мшаку громадным чемоданом с кухонной утварью, посудой, скатертями, салфетками, тряпками и передниками для генеральной уборки кухни, я решила заняться мебелью, дабы устроить «люкс в джунглях». Не думаю, что джунгли требуют только спартанского образа жизни, я люблю переносить с собой клочок своего привычного мира.

Два лимнолога (специалисты по озерам), изучавшие Маньяру, оставили Иэну упаковочные ящики из американской сосны. Дерево с ароматным запахом смолы прекрасно подходило для столярных работ. Столяр парка помог нам изготовить шкафы, скамейки, кухонный стол и полки. Для круглых домов требовалась полукруглая мебель, чтобы она прилегала к стенам и

место не пропадало. Мы вычистили и перекрасили весь лагерь, заделали щели в полу из мягкого дерева пичей бумагой, посадив ее на клейстер.

Щели прогрызли мангусты, пометив таким образом свою территорию. Сначала зверьки мочились, а потом скребли дерево до тех пор, пока не получалась ямка. Правда, Пилинили и Ндого уже давно убежали из лагеря и примкнули к диким мангустам.

Я всегда любила наводить уют в доме подручными средствами, а не покупать недостающее в магазине. Поэтому мы сделали софу, дешевую и удобную, не затратив больших трудов. Из остатков упаковочных ящиков Мходжа сколотил раму. Мы нарезали длинными полосами старые камеры от «лендровера» и прибили их крест-накрест к верхней части рамы. Сделанный по мерке матрас обтянули хлопчатобумажной тканью цвета грашата, и ее свисающие края прикрыли обитые материей стойки. Из того же материала сделали длинную подушку, ставшую спинкой. Получилась удобная софа, на которой могли усесться четыре человека.

«Кикс» обрел новые крылья и яркую окраску. Мы решили пригласить на уикенд Миреллу и Дориана с дочерьми. Иэн взялся пилотировать самолет с четырьмя детьми. Мирелла привезла с фермы полную машину свежего мяса, овощей и фруктов, а также грудку подушек для софы. К сожалению, после целого дня в раскаленной машине мясо протухло, и с болью в сердце пришлось его скормить гиенам. Хорошее мясо редко перенадает живущим в парке представителям рода человеческого.

На заре мы отправились на машине по парку, чтобы понаблюдать за пробуждением жизни; дети были в Машьере впервые. Сотни буйволов, похожих на холмики черной грязи, усеивали берега озера, и только рога и контуры их ушей блестели на солнце. Колпицы и цапли шлепали по неглубокой воде в поисках пищи. Жирафы медленно галопировали вдоль пляжа, они, казалось, плыли по воздуху. Мы встретили Боадицею, Закорючку, Вирго и остальных членов семейства, медленно спускавшихся по крутым тропинкам холма. Боадицея грозно глядела на нас, а Вирго подошла к машине и замахала хоботом вверх и вниз, словно пыталась завязать разговор, и дети ответили ей, хотя понять друг

друга они не могли. К завтраку мы вернулись в лагерь. Бабуины, которые проводили обычно ночь в верхней долине Ндалы, камнями скатывались по склонам, изредка останавливаясь, чтобы съесть насекомое или стручок или просто погреться в лучах утреннего солнца.

После обильного завтрака дети отправились к подножию водопада купаться. Иэн вдруг стал жаловаться на жестокие боли в желудке и попросил Мходжу пойти с ребятами к Эндабашу. Мы должны были подойти попозже. Я тоже осталась в лагере, чтобы закончить подушки для софы.

В полдень зашел Мшака и сообщил, что Иэну очень плохо и ему нужен врач. Мшака боялся, что он умрет. Иэн лежал на матрасе, корчился и стонал от боли, его рвало. Дело принимало плохой оборот. Я не знала, что делать. Аптечки, как таковой, в лагере не было. Симптомы походили на пищевое отравление, но мы все ели одно и то же. Потом я вспомнила, что только Иэн ел бекон, который тоже привезли из Намзаша. Мы с Мшакой уселись у его изголовья. Когда Иэна стало рвать кровью, я решила действовать.

Спазмы повторялись через полчаса, и я рассчитала, что если успею одеть Иэна и посадить его в самолет в подходящий момент, то смогу взлететь и сесть в Аруше между двумя приступами. Я оставила сестре записку: «Иэну очень плохо. Летим в Арушу. Не беспокойся». Затем быстро его одела и подвезла в машине к самолету. Проверила все и включила контакт. Как только прошел очередной приступ рвоты, Иэн рухнул в пилотское кресло, и мы взлетели. Затем управление перешло в мои руки. Я налетала всего несколько часов и ни разу сама не взлетала и не садилась. Мне следовало подумать над тем, как самой справиться в Аруше, если Иэн не сможет мне помочь. Выглядел он ужасно, лицо стало желто-восковым, он стонал и вскрикивал при каждом толчке от воздушных ям. Я умоляла его совершить невозможное и сохранить сознание, пока мы не коснемся земли.

Над арушской полосой я спустилась до шестиметровой высоты, а затем Иэн помог мне приземлиться какими-то нелепыми прыжками, после чего он потерял сознание. Но мы в целости и сохранности очутились на земле, теперь следовало побыстрее доставить его в

больницу. Как назло, было воскресенье, и никто не мог мне помочь на аэродроме. Я с трудом извлекла Иэна из кабины и оставила в тени крыла. Его рвало. Я бросилась на поиски машины. Наконец мне удалось ее найти и доставить Иэна в небольшую клинику, которой заведовал немец.

— Ничего страшного, — сказал врач. — Отравление.

Только через сутки Иэн оправился настолько, что мы смогли улететь в Наивашу, где он несколько дней набирался сил. Затем он вернулся в Маньяру.

По прибытии в лагерь он обнаружил исчезновение Мшаки: тот ушел в Мто-ва-Мбу и не вернулся. Иэн попытался узнать, куда тот делся, но никто ничего не знал, ходили слухи, что его видели идущим пешком через Серенгети. Мне было жаль, что он ушел, но я знала, что жизнь среди дикой природы очень странно действует на людей: может, Мшаке просто надоело работать. В мой следующий приезд поваром работал Сулейман, который года три назад уже был поваром в лагере, а потом стал дорожным рабочим. Сулейман прекрасно готовил, но его прибытие поставило передо мной тяжелую проблему: он болел бруцеллезом.

— Бруцеллез, — воскликнула я, услышав новость. — У нас им иногда болеет скот. Ужасно заразная болезнь!

Но вскоре я узнала, что бруцеллезом болеют в этой части Танзании почти все. Он передается с местным молоком. У Сулеймана болезнь перешла в хроническую форму и давно перестала быть заразной.

Но наши злоключения на этом не прекратились. Перед отъездом на ферму из лагеря Ндалы я попросила Мходжу освободить от вещей главную комнату, чтобы покрасить ее. В углу стоял пульверизатор, лежали скатанные дорожки и прочее барахло, оставшееся с моего приезда. Мходжа принялся наводить порядок; он наклонился, чтобы отодвинуть пульверизатор, как вдруг из-за него высунулась кобра и плюнула ему ядом в глаза. Мходжа почувствовал ужасную боль и тут же ослеп. Закрыв глаза руками, он пополз по полу, зовя на помощь и вопя: «Ньока, ньока!» («Змея!») Все сбегались с палками и *панга*⁵ и расправились с коброй.

⁵ П а н г а — длинный широкий нож. — *Примеч. ред.*

Иэн открыл бутылку с сывороткой, промыл Мходже глаза, взял его на руки, уложил в «лендровер» и отвез к самолету, готовому к немедленному взлету. Через несколько минут они были в воздухе. Боль немного утихла, но Мходже казалось, что его голову пожирают крысы. Оказавшись на достаточной высоте, Иэн послал sos, попросив диспетчерскую Аруши вызвать «скорую помощь» и предупредить больницу, что у него на борту пассажир, глаза которого поражены змеиным ядом. Так удалось спасти Мходже зрение. В больнице он оказался менее чем через час. Сыворотка подействовала, и через четыре дня зрение полностью вернулось к нему.

По возможности мы старались каждое воскресенье совершать на самолете прогулки в места, которых не знали, приземлялись в необжитых районах и отправлялись на разведку ближайшей горы или берега реки. Благодаря самолетам мы попадали в местности, недоступные из-за отсутствия либо дорог, либо времени. Мы облетали горы и леса, озера и долины или планировали вместе с пеликанами и грифами во время долгого обратного пути, а то и соревновались с солнцем и садились в его последних лучах.

Однажды мы летели над голыми холмами, коричнево-черными в годы засухи, но сейчас покрытыми зеленым пушком. Здесь небольшими группами жили масаи-скотоводы. Они постоянно кочевали в поисках воды и травы и жили в полной гармонии с окружающей их природой.

Мы планировали над едва заселенной землей, словно охотники в пространстве без троп, и заметили дорогу, пересекавшую местность от края до края, насколько хватало глаз. Мы спустились до 200 метров. Сквозь открытые окна проник зной и ворвался ветер — все в самолете свистело, пока Иэн искал место для посадки. Мы спустились совсем низко и на бреющем полете понеслись над землей, готовые взмыть вверх при малейшей опасности. Наконец мы отыскали нужное место, зашли на посадку и приземлились на неровной почве рядом с дорогой. Самолет остановился. Выключив двигатель, мы остались сидеть, прислушиваясь к глубочайшей тишине. Только ветер шуршал у поверхности земли. Я даже закрыла глаза, чтобы продлить наслаждение этим моментом.

Было около полудня, ибо солнце сияло прямо над головой. Мы вылезли из самолета и уселись в тени крыльев, оглядываясь в поисках холма, на который стоило взобраться. Я повернула голову и увидела тонкий силуэт человека с белой тканью на голове. Он бежал к нам, поднимая тучу пыли. Странное ощущение охватывает тебя, когда видишь одинокого человека в пустынном краю. Откуда он и куда идет? На горизонте за холмом, далеко позади человека, поднималась туча пыли. Или стадо, или жители деревни, приютившейся в горах, но расстояние не позволяло различить детали.

Мы ждали. Человек приближался. Наверное, думал, что мы попали в беду и нуждаемся в помощи, а иначе зачем самолету садиться здесь? Затем вдали появились новые силуэты — все бежали к нам, наполювину скрытые пылью.

Человек подбежал и пожал нам руки; его черное лицо лоснилось от пота. Меж запыленных губ поблескивали зубы; его глаза были настороже, словно искали что-то. Он обошел самолет кругом, держа свои палки в правой руке, как делают все масаи. Он потрогал самолет, заглянул внутрь, под низ, затем заговорил по-масайски, указывая пальцем на небо. Я едва понимала обрывки его речи. Мне казалось, он объяснял, как мы падали с неба, но показывал в направлении холма, повторяя:

— Давно...

Затем подбежали остальные. Вначале мы обменивались рукопожатиями, нас поздравляли с прибытием. Многие остановились, чуть отступая, с них тек пот, они тяжело дышали, кашляли, силевывали и смотрели на нас смеющимися глазами. Наконец все подошли к нам. Ветер играл элеронами, и несколько женщин, испугавшись, бросились прочь и попадали на землю. Потом, успокоившись, подошли, пожали руку и стали рассматривать нас. Дверца самолета была открыта. По трое-четверо они заглядывали внутрь и отбегали в сторону, если вдруг там что-то двигалось. Детишкам велели подождать, надо было убедиться, что им ничто не грозит. Мужчины беседовали с нами и обменивались приветствиями. Один из них прекрасно знал английский, некоторые владели суахили, но большинство говорило лишь по-масайски.

Мужчины все время указывали пальцем на холм и говорили о самолете, который давно прилетел туда. Он упал, убив всех, кто сидел внутри. Масаи рассказывали, как они бежали, но живых не осталось, все развалилось на куски. Мы объяснили им, что не падали, а просто хотели побродить по холмам. Мужчины вызвались нас проводить и показать другой самолет. Я никак не могла понять, о чем они говорят, нигде не было видно разбитого самолета.

Подложив под колеса камни, мы двинулись вслед за двумя проводниками. Большинство любопытных сказали, что подождут нашего возвращения и присмотрят за самолетом.

Мы шли по тропе для скота, жесткая длинная трава царапала нам ноги. Палило, и меня подташнивало. Метрах в трехстах от дороги мы наткнулись на кусок металла в черную и белую полоску, который терзал ветер. Меня охватил ужас, когда я сообразила, что к чему. Невероятно, но из всех тысяч километров мы выбрали для посадки именно этот клочок земли.

Мы с Иэном остановились. Над нашими головами кружились грифы, они скользили в потоках воздуха вдоль склонов и над вершинами холмов. Остатки черно-белого самолета валялись повсюду. Обломками играли дети. Звери, пробежавшие мимо, обнюхивали их, наступали, терлись об них. Еще сохранилась арматура сиденья, часть хвоста и крыльев. Чуть дальше, точно на месте падения самолета, был выложен каменный крест.

Все, что осталось от Михаэля Гржимека.

Он и его отец были исследователями-пионерами Серенгети, долгие часы проводили они в небе, подсчитывая зверей, наблюдая за миграцией стад, пытаясь определить естественные границы парка. Погиб Михаэль в одной из типичных для Африки катастроф, характерных для маленьких самолетов: он столкнулся с белоголовым грифом. От удара согнулось правое крыло и заело тросы рулей — самолет резко клюнул носом. Какое печальное зрелище эти забытые обломки.

Жизнь Гржимеков, отца и сына, служила для нас источником вдохновения. Фильм и книги (особенно «Серенгети не должен умереть») принесли славу этому району, и именно их заслуга, что люди взялись за охра-

ну красивейшего в мире уголка дикой природы. Нам хотелось сделать нечто подобное для Маньяры.

Масай, стоявший рядом, рассказал, как он увидел, что самолет вдруг повернулся, упал, подпрыгнул и развалился на куски. Я думала, что туристы давно подобрали обломки и растащили их для домашних коллекций. Приятно было узнать, что обломки самолета Михаэля остались лежать на земле и траве любимых им плато. Пусть ими играют масайские детишки и ветер. Я удалилась, а передо мной стояло лицо Михаэля.

Мы прошли у подножия рифтового обрыва, который вздымался отвесно в небо, а там в восходящих потоках воздуха кружили грифы.

Их гнезда лепились к скалам на стометровой высоте. Птицы чувствовали себя там в безопасности. Сверху они видели все, что творилось вокруг. А далее в жарком африканском мареве тянулись, насколько хватало глаз, равнины Салей. Само наше существование ставилось под сомнение, так микроскопично малы мы были в этой огромности мира. Не было ни настоящего, ни прошлого, ни будущего. Все застыло вокруг! В нас кипела жизнь. А время иссякло! Мы шли и шли, пересекли равнину, поднялись вверх по реке; когда пропадала дорога, мы прыгали с камня на камень, карабкались по склонам — смотрели, изучали и восхищались. Только так можно увидеть страну, попытаться понять ее, досконально изучить. Мы одновременно были и птицей, и человеком, и зверем.

Масай не произносил ни слова. Он останавливался, когда останавливались мы, усаживался в сторонке, когда садились мы. На вершине мы сели, чтобы осмотреться и запомнить окружающую нас красоту. На небе ни облачка, равнины утопают в волнах зноя, и что-то кружится в лучах солнца. Самолет, казалось, растаял в ярком свете, и, сидя на этой скале, среди неведомой безбрежности, я почувствовала, что Михаэлю и живущим здесь людям повезло начать, а может, и кончить жизнь у самых истоков жизни.

Когда мы взлетали, рядом с самолетом еще оставались дети и два старика, прятавшиеся в тени крыла. Мы пожали им руки, попрощались, развернули самолет против ветра, оторвались от земли, стали подниматься ввысь, и круг земли под нами становился все шире. То

была часть нашего мира, отмеченного нашим коротким пребыванием и защищенного нашим молчанием. Мы больше никогда не возвращались туда.

Глава XI

ВСТРЕЧИ В ЛЕСУ

Когда тебя переполняет счастье, хочется остановить вращение Земли, остановить жизнь, остановить время. Время принадлежит только тебе, и никто не может помешать твоему существованию.

Насмотря на радость от волнующих визитов в Маньяру, я ощущала себя в последние месяцы 1969 года теннисным мячом, который гоняли по корту. Мы ждали ребенка и едва не потеряли его в самолетной аварии. После этого меня охватили слабость и отчаяние, но в начале 1970 года в моей жизни произошел поворот: я окончательно перебралась в Маньяру. Заново выкрашенный лагерь Ндалы стал моим домом, словно я никогда не покидала его. Даже мои походные одежды ждали меня, их аккуратно сложили на полочке рядом с сапогами. Меня встретили улыбающиеся Сулейман, Мходжа и Али.

Сулейман принес кофе, Мходжа рассказал последние новости, а Али, насвистывая свою вечную мелодию, разгружал машину. Его песня была частью его самого, как рубашка или брюки.

Две громадные зонтичные акации усыпаны крохотными гроздьями цветов, покрытых нежным желтым пушком. Ветерок гулял в ветвях, и с них на меня и на голую землю сыпались золотые цветы. Лесные обитатели наблюдали за мной поверх высокой травы, когда я бежала к вершине холма. Сверху виднелся сверкающий в лучах солнца ручеек, и среди скал слышалось песочное журчание воды, которая вскоре тонула в горячем песке. Как приятно вслушиваться в привычные шумы — шуршание одной шероховатой кожи о другую шероховатую кожу, тихую поступь слонов по песку. Когда ветер с реки пахнул в лицо, слышалось хлопанье ушей и фырканье слонов, идущих след в след; их малыши бежали рядом — они направлялись к бассейну,

что лежал под моим жилищем. Там они будут пить, играть, обливаться прохладной водой.

Хотелось запечатлеть на пленке поведение избранных слонов, зафиксировать их жизнь на фотографии. Но как добиться взаимного доверия? Как научиться узнавать их и различать «добряков», «увальней» и «злюк»? Удастся ли мне это? Если да, то смогу работать в одиночку с «хорошими» слонами. Мне представилась уникальная возможность сделать нечто новое и хорошо узнать слонов.

По словам Иэна, все было проще простого — «добряки» вели спокойную обыденную жизнь, их не волновало, что происходило вокруг, и любой человек был в безопасности рядом с ними. К «увальням» относились некоторые громадные самки и один или два самца с тяжелым характером, которые обращали в бегство любого человека, не знающего подхода к ним и причины их раздражения. При встрече со «злюками» следовало брать ноги в руки и удирать, в противном случае вы могли оказаться вверх тормашками в опрокинутом автомобиле и с бивнем в угрожающей близости от вашей особы. Надо было научиться различать их. Иэн, хотя и утверждал, что знает, в каких границах следует держаться с ними, не раз бывал сам захвачен врасплох. Я очень боялась встречи со «злюками», и, когда мы в машине проезжали по южной части парка, каждый рев вызывал мысль о смертельной опасности, от которой следовало поскорее убраться подальше! Но после долгих странствий с Иэном за Боадичеей и ее семейством я близко познакомилась и с самой предводительницей, и с другими самками из этого семейного сообщества — у каждой был свой характер. И чем больше слоны входили в мою жизнь, тем меньше я их боялась.

Первыми помогли мне избавиться от страха Вирго и Закорючка. Стоило нашей машине оказаться около семейной группы, Вирго подходила к нам, раскачивая хоботом взад и вперед, и останавливалась на расстоянии вытянутого хобота от Иэна.

Когда деревья были усыпаны плодами, Мходжа и Иэн набирали целые мешки стручков акаций, а также твердые и горькие плоды гардении, сладкий инжир, чтобы узнать, чему слоны отдают предпочтение. Вывалив все плоды около машины, мы забывали обо всем и

смотрели, с какой скоростью Вирго поедала их и какие брала первыми. Если рядом оказывалась Закорючка или еще кто-то, Вирго тут же отправляла в рот три гардении (плоды размером чуть больше теннисного мяча), а два других укрывала кончиком свернутого хобота, словно ладонью. Плоды акации тортились не больше сухих зеленых бобов; она подбирала их по одному и одним «дыхом» посылала в рот. Многие слоны имели одни и те же склонности и манеру есть; они любили гардению, инжир, акацию тортились и акацию альбида. Ели они плоды и тамаринда, и *Acacia siberiana*, если те встречались им на пути. Они никогда не трогали разносимых ветром желтых стручков пижкней опушенной и черных и красных жемчужин лесной трихилии. Очень редко они притрагивались и к длинным плодам колбасного дерева. Для Вирго у нас в машине всегда был припасен плод гардении; то было начало и самая увлекательная фаза зарождения нашей дружбы. Мы все больше узнавали ее характер, а ее доверие к нам росло. Закорючка, ее ближайшая подруга, тоже по-дружески относилась к нам, хотя после завершения эксперимента мы перестали баловать ее фруктами. Ее характер коренным образом отличался от характера Вирго — она проявляла куда меньше любознательности и наблюдательности. Чувствовалось, что Вирго наблюдает за нами и лучше реагирует на наши поступки.

Иэн выбрал для моей работы по идентификации слонов большой водоем под моей хижиной и несколько наблюдательных постов вдоль русла реки. Он вручил мне картотеку различных семейных групп, во главе которых стояли признанные матриархи слоновьего общества. Мне следовало стать первоклассной наблюдательницей.

Вначале Иэн или Мходжа сопровождали меня до реки и учили, как подходить к слонам. Иногда ветер с озера заставлял нас ползти по скалам, пока мы не оказывались в нескольких метрах от стада. Но чаще всего капризный ветер то и дело менял направление. Зола, завязанная в носовой платок, помогала определять направление ветра и подсказывала, когда мой запах мог обратить животных в бегство.

Мходжа соорудил небольшое убежище под тамариномом, отбрасывающим тень на берег реки. Там можно



Сара в 1970 году. За четыре года ее бивни выросли всего на несколько сантиметров, и общий облик — форма бивней, контуры ушей — остался прежним

было сидеть столько времени, сколько хотелось. Убежище из веток сливалось с соседним кустарником каперц; округлые камни, выступающие из земли, служили сиденьем. Перед моим укрытием река текла по плоскому песчаному руслу, и, когда воды было много, слоны приходили напиться или просто постоять, опираясь, словно люди, друг о друга, шепчась и наблюдая, как резвятся свои и чужие слонята.

Первой слонихой, которую мне удалось узнать, оказалась матриарх — она размеренным шагом приблизилась и остановилась в нескольких метрах от моего хрупкого убежища; я смотрела то на животное, то на фотографии, пытаюсь узнать слониху по ушам. Скрещенные бивни, — значит, одна из трех матриархов — Сара, Анита или Анитоид. Одна от другой отличалась деталями ушей. У Аниты на правом ухе имелся большой разрыв; такой же разрыв на ухе Анитоид имел острые, а не круглые края. У этой же слонихи уши имели ряд маленьких отверстий. Сара и ее семейная группа из 12 животных! Животное ростом около 3 метров. Мощные столбообразные ноги с подошвами, похожими на мясистые подушки с пятью гладкими ногтями на передних и четырьмя ногтями на задних ногах. Эти толстые ногти придавали ступне вид твердого и начищенного до блеска носка обуви. Краем внутренних ногтей она принялась чесать ногу. Зуд, по-видимому, не проходил, и она почесалась о скалу. Я увидела жесткую, растрескавшуюся подошву — сеть этих трещин индивидуальна для каждого слона, и по ним хороший следопыт может узнать любого слона. Сара принялась пить, поднимая хобот ко рту и снова опуская его в воду.

Другая самка рвала траву на берегу реки. Она захватывала пучок хоботом, наносила несильный удар передней ногой, срезая волокна острым ребром ногтей, как серпом. Затем отправляла траву в рот. Корни оставались в почве, так что она не глотала землю.

Вдруг ветер переменялся, и мой запах долетел до хобота Сары. Она тут же развернулась и несколько секунд стояла передо мной в угрожающей позе. Она ревели, била ногой о землю, поднимала голову и опускала глаза, словно прицеливаясь сквозь скрещенные бивни, чтобы проучить пришельца. Я оцепенела. Это громадное, мощное животное было уверено в себе, каждое дви-

жение естественно переходило в другое. Затем с видом оскорбленной матроны Сара удалилась и увела в заросли свою группу — пятьдесят две толстые ноги почти без всякого шума прошествовали мимо меня.

Иэн неоднократно предупреждал меня, что не стоит проявлять излишней доверчивости, ибо один из слонов может оказаться «дикарем» и уже не помогут ни хлопki в ладоши, ни разведение рук в стороны: слон перейдет от угроз к действиям. Для таких крайних случаев в убежище имелся запасный выход сзади, чтобы скрыться в скалах вне пределов досягаемости животного.

Чтобы сделать хорошую фотографию, надо научиться предвидеть действия животных на несколько секунд вперед. Нет ничего легче, чем снять спокойного слона. Но чтобы схватить нужное мгновение или поймать интересное выражение его «лица», следует сделать сотни снимков, а оставить только один. И в конце концов я привыкла к многочасовым ожиданиям в машине или убежище с аппаратом наготове, напроць забывая о скуке. Стали понятны их действия, а разве это не лучшее вознаграждение за тяжкий труд?

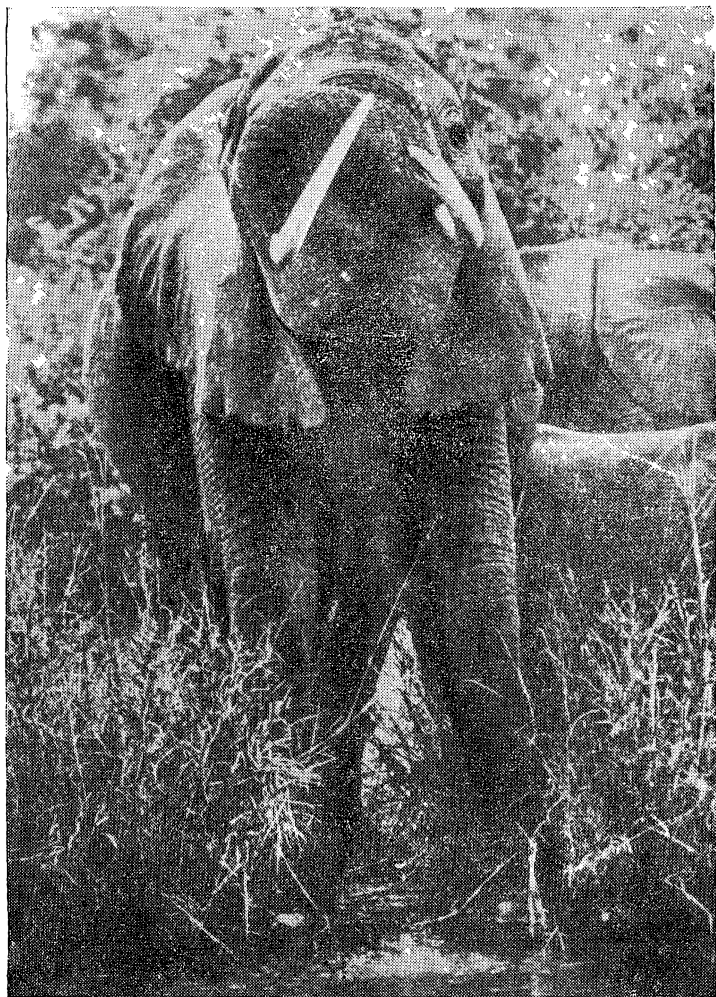
До чего же интересно сидеть и караулить в одиночку. Глаза и уши приобретают остроту, как у зверя. Ожидая прихода слонов, я наблюдала за другими животными. И многое узнала. К примеру, пугливые антилопы бушбоки осмеливались покинуть укрытие, чтобы утолить жажду, только тогда, когда на реке появлялись бабуины. Это означало, что опасных хищников в окрестностях не было. Не проходило и десяти минут с момента появления бабуинов, как начинали потрескивать веточки и среди ветвей на противоположном берегу появлялись морда или глаз, и робкий бушбок скользил мимо бабуинов и заходил в неглубокую воду. За ним следовали еще два или три животных, которые принимались прыгать и резвиться с бабуинами. Почти ежедневно вместе с бабуинами приходили стада золотистых антилоп импала с ушками настороже. Во главе стада самок находился один самец, увенчанный черными лирообразными рогами. Самец большую часть времени гонял соперников со своей территории, и ему зачастую некогда было напиться. Днем львы никогда не появлялись, но их рыки часто раздавались довольно близко.

Иногда река кишела слонами, антилопами, бабуинами, зелеными мартышками; изредка появлялись два носорога, живущие в долине реки Ндала, или к воде по горячему песку медленно приближался жираф. Тогда казалось, что животные стоворились провести утро на пляже, играя, купаясь, принимая солнечные ванны и наслаждаясь свежей водой.

В первый раз, когда я увидела Боадицею на Ндале, на реке весь день не было ни слонов, ни других животных. Но стоило мне уйти в лагерь напиться, как все русло реки заполнили толстокожие, они фыркали и ворчали, размеренно приступая к свершению привычного ритуала. Никто не слышал их приближения, хотя собралось около сотни слонов — сородичи Боадицеи и несколько других семейных групп, подошедших с противоположных концов реки. Показались Леонора, Тонкий Бивень с сынишкой Н'Думе, Изабел в окружении сородичей. Боадицея направилась к верхнему водоему, рядом с ней шли Вирго и Закорючка; в семейных группах виднелись и крупные самцы, а в арьергарде тащились самцы помоложе. Вне себя от возбуждения, я схватила в охапку фотоаппараты и мешочек с золой и, пригибаясь, чтобы меня не заметили, быстро пробралась в укрытие. Ветер дул снизу, в направлении дома. О лучшем не стоило и мечтать.

Вокруг бродили слоны, многие из которых были старыми моими знакомыми. Я словно оказалась в театре и в ожидании поднятия занавеса рассматривала прибывающих людей, узнавала некоторых из них, а музыканты настраивали инструменты. Чувствовалось, что сегодня мне доведется многое увидеть.

Группы слонов медленно поднимались вверх по течению к чистой воде. Юные самцы не осмеливались слишком близко подходить к самкам и останавливались у ям, где скапливалась речная вода. Так как в этот период река совсем обмелела и всем слонам, конечно, не удалось бы разместиться в верхнем водоеме, они начали рыть лунки вдоль берега — такое я наблюдала впервые. Обычно этим занимались самцы и старые самки. Они рыхлили землю ногами, как лопатой, а затем отбрасывали песок, пока не получался широкий колодец, иногда метровой глубины. Ногой они запикивали песок в хобот и отбрасывали в сторону, как рукой. Когда пе-



Слоны пьют несколько раз на дню, набирая воду в хобот, а затем направляя ее в глотку

сок становился влажным и начинала сочиться вода, они устраивали узкую воронку, действуя хоботом, словно пальцами. Слоны пили мутную воду, разбрызгивали вокруг или с хлюпаньем втягивали ее, как громадные насосы. Они действовали с удивительной ловкостью и за четверть часа вырыли множество колодцев на расстоянии нескольких метров друг от друга.

В этот раз мне впервые посчастливилось наблюдать семейные иерархические отношения, о которых столько говорил Иэн. Соперничество велось не только между матерью и отпрысками, но и между семейными группами.

Матриарх Изабел пила из своего колодца не отрываясь, а другие члены ее группы наполняли хобот и ждали, пока вода натечет вновь. Семья Боадицеи, напившись в верхнем водоеме, спустилась до места, где утоляла жажду Изабел. Еле заметное движение головы, и Боадицея со своей группой заняла место Изабел и ее родичей. Лунки вырыла группа Изабел, но она без всякого возражения отошла чуть выше и стала пить прямо из реки. Боадицея действительно выглядела королевой, перед которой все преклонялись.

Семейные группы бродили вдоль реки, останавливались для приветствия и по обычаю касались хоботом рта, а малыши по очереди подходили и приветствовали крупного самца. В ответ самец касался хоботом ротика или головки слоненка тем же жестом, каким массаи встречают своих детей. Небольшая группа слонов располагалась неподалеку от Боадицеи, терпеливо ожидая ее ухода, их хоботы лежали на бивнях или висели, как пожарные шланги. Они не выказывали никакой агрессивности, если только рядом не оказывались молодые самцы. До лунок с водой не допускали только маленьких слонят, которые пытались оттолкнуть или оттащить в сторону мамаш, а иногда и просто кружили около них. Слонята постарше либо пили в стороне, либо сами рыли лунки.

Когда Боадицея и ее группа утолили жажду, они величественно отправились на песчаную отмель и принялись обсыпаться песком.

Полированные наподобие камня бивни Боадицеи копиями торчали из-под щита шершавой, сморщенной кожи, казалось, что громадное толстокожее готовится к

сражению. Сзади торчал хвост с редкими волосами, идущими на изготовление браслетов, с другой стороны висело чудо природы — хобот. Как прекрасно иметь одновременно и громадное тело, и исключительно полезный орган, который может делать все. Полугуба, полупос — хобот, заканчивающийся двумя пальцами, — одновременно и рука и кисть. В нем две полости: одна — для набирания и выдыхания воды или песка, другая — для обоняния. С его помощью слон обдирает дерево и подбирает малейшие листочки. Хобот может быть мягким и дружеским, как самая нежная рука, может приветствовать и щекотать, чесать и тереть, ласкать, может скручиваться в кольца, качаться, извиваться, принимая бесконечное множество положений. Но может стать и эффективным оружием и убивать, а когда он чувствует присутствие человека, то взмывает над головой змеей, готовой к атаке.

Хорошо, что Боадицея находилась далеко от моего убежища: она бы учуяла меня, прогнала из укрытия и одним движением головы увела бы всех слонов! Но когда мимо меня проследовали Вирго и Закорючка, мне захотелось позвать их и привлечь внимание Вирго. Наша дружба крепла изо дня в день, и я чувствовала, что скоро смогу пройти рядом с ней. Один из самых волнующих аспектов наших исследований заключался в возможности узнать характер каждого слона и спокойно оставаться в нескольких метрах от него.

Однажды ранним утром Мходжа позвал меня через окно комнаты, где хранился гербарий. Он хотел мне что-то показать. В его форменной бутылочно-зеленой кепочке, помещенной в большую картонную коробку, лежал пушистый клубочек — совсем юная самочка мангусты. Ее красные глазки смотрели на меня и с ужасом и с мольбой, ведь она была так незащитна. Дикой мангусте, оказавшейся без матери и семьи, нужна была ласка. Каждые полчаса мы гладили ее и чесали спинку. Я обрадовалась новому зверьку, поскольку Пилипили и Ндого сбежали давно — может, из ревности ко мне, — и дом с тех пор казался пустым.

После дождя в высокой зеленой траве появились тысячи кузнечиков — любимое лакомство мангуст. Чтобы приручить такого малыша — мы его назвали Уиджи, — нужно не более суток, особенно если подкармли-

вать его кузнечиками. Утром, пока их холодные крылья покрыты росой, ловить кузнечиков просто, но стоит им согреться, как на поимку двух-трех насекомых уходит не один час. Мы тут же отправились на охоту, набили кузнечиками несколько мешочков и обеспечили мангусту обильным запасом лакомой еды. Думаю, Уиджи в жизни не съела столько кузнечиков, сколько в первые два дня. Ее крохотное брюшко раздулось, как мячик, я опасалась, что она лопнет. Всякий, кто проходил рядом с коробкой, давал Уиджи кузнечика; сначала она съедала голову, а потом — тельце.

В конце недели она выглядела вполне счастливой в новой семье и новом жилище. Она уже съедала кусочек яйца, пила молоко из наших чашек, попискивала, мурлыкала и шарила по всем комнатам. Если она не сидела в кармане у Иэна, то грелась у меня за пазухой.

Каждый первый четверг месяца в Мто-ва-Мбу проходила ярмарка скотоводов. Масаи, вамбулу и вамбугве приводили на продажу самых откормленных бычков и коров, баранов и коз. Вамбулу можно было легко узнать по бритым головам и шрамам на лице. Вамбугве отличались черными пронизательными глазами и гордым выражением лиц; они все время были настороже, опасались дурного глаза. Масайские женщины, укутанные в длинные куски материи цвета сливы, с украшениями из разноцветного бисера на голове и плечах, сидели под деревьями и продавали молоко, принесенное за многие километры в калебасах. Шел обмен новостями между жителями холмов и долин. Я почти всегда отправлялась на рынок с Мходжей за курами и яйцами.

Молодой высокий масай, стоявший на одной ноге — опорой ему служило копьё — и чистивший зубы *мсваки* (деревянная палочка, предназначенная именно для этой цели), крикнул мне: «*Соба, Мама Дуглас*» (здравствуй» по-масайски). То был приятель Иэна. Схватив все деревянные палочки в левую руку, он подошел, таща за собой козочку с блестящей коричневой шерсткой и острыми ушками.

— Для Дугласа! — сказал он.

Восхищенная подарком, я воскликнула по-масайски:

— *Аше олинг... Сидан олинг* (Большое спасибо...

Она очаровательна).

Он помог нам разместить козу и кур в «лендровере»

и вернулся к своим козам, а мы отправились домой с запасом пищи и животными. Как хорошо, что в лагере будет коза!

— Козу львы сожрут в первые же пять минут, — предсказал Иэн, подняв палец.

Мы назвали ее Бибой. Козу привязали к небольшой акации около ванной комнаты; она вставала на задние ножки и вскоре объела все вокруг. На ночь ее запирали в загончике. Вскоре Биба превратилась в самое шаловливое и толстое существо нашего зверинца. Особенно она любила заметки Иэна и «Нью-Йоркер» и пожирала их с такой скоростью, что отнять у нее листок, который она схватила, уже не удавалось. Любой плод в пределах ее досягаемости исчезал с такой же быстротой. Она питала слабость к бананам и изобретала самые невероятные способы, чтобы добраться до них — они висели на балке в гостиной; ради них она залезала на стулья, шкафы, подоконники.

Через несколько недель Биба подружилась с Уиджи, и они часто сопровождали нас в долгих прогулках после рабочего дня. Во время одной из таких вечерних прогулок я обнаружила вдоль взлетной полосы темные пятна. Биба, заметив их, испугалась и удрала в кусты. То была засохшая кровь. Ею окропило всю траву вокруг, а кусты были вытоптаны. Здесь ночью или задрали, или ранили крупное животное. Мы бесшумно отошли и вернулись в лагерь.

Решено было обыскать местность и найти раненое или убитое животное. Для безопасности мы захватили ружье и сели в машину. Метрах в двадцати от того места, где виднелась кровь, в траве, под густым кустарником, был спрятан мертвый буйвол. Его уже наполовину сожрали, но присутствия льва не чувствовалось. Мы сделали большой круг, возвращаясь к дому, и заметили в расщелине, метрах в тридцати от туши буйвола, двух раздувшихся от мяса львов — как мы предположили, людоедов Сатиму и Чонго.

Из окна моей хижины виднеется противоположный берег реки — желто-соломенная трава и песочная пыль, только чуть-чуть зелени на вершинах деревьев. Черная блестящая струя воды скатывается по серым скалам в неглубокий водоем, откуда вытекает ручеек и почти тут же уходит в песок. Сухой сезон. Сухой воздух, пахну-

щий пылью ветер и растрескавшаяся земля. Зонтичные кроны акаций, росших вокруг дома, крытого банановыми листьями, спасают нас от жгучего солнца.

В октябре деревья голые и обожжены солнцем, листья съеживаются, хрустит сухая трава, а от земли пышет жаром. И вдруг однажды утром вершина акации покрывается нежно-зелеными листиками; с каждым днем зеленеет все больше верхушек деревьев, а некоторые полностью одеваются в листву. Как мне объяснили, приближался сезон дождей, они польют через месяц-другой.

В дневном зное кажется, что все настороже и ждут, когда же древесная саванна покроется зеленой пеной. Звери переходят из одного клочка тени в другой, их ноздри и глаза полуприкрыты, пока не наступает вечерняя прохлада и они не отправляются на поиски пищи.

Потом вдруг деревья как бы разом уперлись макушками в прозрачный африканский небосвод, появляются громадные плоские тучи. Они карабкаются друг на друга, собираются на горизонте, как бы готовясь к миграции. С каждым днем их все больше, они, толкаясь, плывут по небу, меняя форму и цвет там, где их пронизывают солнечные лучи. Если вам нечем любоваться на земле и вы не наблюдаете за животными, вас утешает созерцание неба.

Воздух с озера столкнулся с горным воздухом, деревья склонились под яростными вихрями ветра, заревели слоны, залопотали обезьяны, затрепал кустарник, и животные разбежались.

Задул дождевой ветер. Тучи закрыли солнце. Ветер на мгновение стих. Воздух стал плотным, небо почернело, засверкали молнии, и зарокотал гром. Захлопали двери и окна в лагере, заматались темные силуэты, привязывая все что можно и пряча под навес дрова; куры носятся в поисках надежного укрытия. Скоро все зальет вода!

Ветер стих, и жаркая влажная тишина как бы облепила меня. Ни одного живого существа, ни звука, кроме воркованья пятнистой горлицы и жалобного стоны птицы-носорога. Время от времени на землю плюхается тяжелая капля дождя. Небо, кажется, придавило землю, а я очутилась в тисках между ними.

Серо-белые наклонные полосы дождя ударили по долине — шум нарастает с каждой минутой. Над моей головой трещат сухие листья крыши. Первые капли дождя смывают пыль. Чудесный долгожданный шум. Воздух посвежел, и от запаха мокрой земли защекотало в носу. Я ощущала всем своим существом, как из-под земли рвется жизнь. Хотелось петь, плясать, любить.

Дождь замолотил по земле. Его уже ничто не могло остановить. Мы укрылись от хлещущих струй и слушали грохот капель по крыше. Там, где минуту назад стлалась сухая безжизненная земля, раскинулось море коричневой воды, которую заплескивало внутрь дома через накомарники на окнах. Потом дождь умчался к холмам. Тишину нарушали только звонкие удары о землю капель, падавших с деревьев. Мы шлепали босыми ногами по красной грязи, перепрыгивали через лужи, шли на цыпочках. Среди туч проглянуло голубое небо, блеснуло солнце, и всеми цветами радуги засверкали капли, повисшие на кустах. Иссохшая земля с чмоканьем всасывала воду, и та превращалась в пар от внутреннего жара земли.

Далеко в холмах слышался страшный грохот. Дождь прошел и там. Далекие раскаты нарастали и превратились в рев воды, которая низверглась с обрыва и пыльных расщелин. Затем вспучился склон холма над верхней хижинкой, словно началось извержение. С ужасным грохотом темно-коричневый поток перевалил через край и обрушился в первый водоем, увлекая за собой камни и деревья; потом он пробился через узкую расщелину и выплеснул громадное количество жидкой грязи на белый песок пересохшей реки. Там, где только что виднелись серые скалы и желтая трава, теперь пеной кипела грязная вода, вновь вступающая во владение каждым клочком русла.

Наступила ночь, отдаленный гром сотрясал округу, на горизонте вспыхивали зигзаги молний, освещая темно-голубую цепь гор по ту сторону озера. Наступил сезон дождей.

Лило целых три месяца. Парк, выцветший от солнца, вырядился в зеленые одежды всех оттенков. С дождями наступила перемена жизни, и нашей в том числе. Дожди несли пищу, дожди несли рождения. До ливней толстыми выглядели лишь будущие матери, а самцы и

хищники были тощими. Через месяц все станет наобъ-рот.

Я уже познакомилась со многими людьми, с которыми работал Иэн, и все они беспокоились за него. Они говорили ему:

— Мы уже лет тридцать охотимся на слонов и знаем их. Если вы будете так обращаться с ними, они расправятся с вами и вы не доживете до старости. Никогда они не признают вас!

Иэн смеялся над их страхами и доказывал, что его отношения со слонами в корне отличаются от отношений охотников и дичи.

Когда наши гости выезжали в машине на прогулку вместе с нами, мы испытывали их Боадицеей. Она холодела от страха при виде дикой громадной самки, она нависала над ними, ее глаза горели, уши хлопали, как крылья колдуньи, и бивнями она молотила по кустам.

— Мы пропали! — вопили они.

— Пожалуйста, не кричите на моих слонов, — тихо говорил Иэн, спокойно наблюдая в бинокль за другими семейными группами.

Из-за дождей, обрушившихся на нас, и многочисленных посетителей лагеря возникла необходимость пристроить к домам веранды и увеличить тем самым крытую площадь.

Али и его приятель, который помогал ему чинить крыши из банановых листьев, вызвались возвести веранды за несколько дней. Смотритель парка дал разрешение напилить столбиков. Мы решили использовать для этой цели громадную ветвь дерева Мбаву-йа-Фару (ребра носорога), ветви которого действительно выглядят как громадные зелено-серо-белые ребра. Это был лучший материал для подобного строительства. Али с приятелем принялись рубить ветви с помощью *панги*, а я отправилась на машине за дикими цветами и травой, похожей на ершики для мытья бутылок. Стояла полная тишина. Вдруг раздался дикий вопль:

— *Чуи, чуи!* (Леопард!) Скорее ружье!.. *Чуи, чуи,* ружье, ружье!..

Я выскочила из машины и схватила ружье. Али с приятелем сидели на дереве, но леопардом и не пахло.

— Где он? — крикнула я.

— Здесь!

Приятель Али указывал себе под ноги.

Я скользнула к дереву, держа палец на спусковом крючке ружья, в стволах которого сидели две пули.

— Где же он?

— Вон! — закричал он, указывая вниз.

Я положила ружье на землю и вскарабкалась на дерево. На развилке ветвей пряталось небольшое гнездо из листьев, а внутри его сидели две крохотные, с мой кулак, пятнистые генетты. Мокрые зверьки дрожали и слепо тыкались друг в друга. Я завернула их в старую тряпку и прижала к себе, чтобы согреть. Потом глянула на приятеля Али, который по-прежнему сидел на дереве с *пангой* в руке.

— А если мать вернется, — крикнул он, — она меня растерзает!

— Не бойся, она не вернется!

Мы обыскали все окрестности, чтобы убедить приятеля Али в отсутствии леопарда. Похоже, родители бросили маленьких генетт.

По возвращении в лагерь мы напоили их разбавленным молоком и дали глюкозы. Они, должно быть, столодали и жадно сосали из капельницы — другой посуды не нашлось. По всему было видно: генетты выживут.

Все эти юные зверьки обучили нас главному — воспитанию ребенка в джунглях. За мангустой и генеттами надо было следить днем и ночью и повсюду таскать за собой.

Однажды ко мне с важным видом подошли Мходжа с Сулейманом и сообщили, что мне для помощи в лагере нужна женщина. Девушка прибудет завтра с Джоном, одним из шоферов парка. Она приходится ему дочерью и слывет очень серьезной девушкой. Раньше она никогда не работала, но ее можно всему обучить. Я была тронута заботой и поблагодарила их.

Девушку звали Амина. Она была красавицей и вся искрилась весельем. Мходжа представил ее всем обитателям лагеря и показал все его уголки. Она ничего не смыслила в хозяйстве, и я не знала, с чего начать ее обучение, поэтому первую неделю ею полностью занимались Мходжа и Сулейман.

Амина фыркала и смеялась каждый раз, когда слышала, какую следует сделать работу, а потом убегала

на кухню, так виляя бедрами, что казалось, ее колени вот-вот подломятся. Она коротенько вскрикивала «и-и-и» и «а-а-а» и прикрывала рот ладошкой, отчего весь лагерь постоянно смеялся и атмосфера была исключительно веселой.

Амина никогда раньше не видела слонов, а потому они и страшили и влекли ее. Мы и наша работа, казалось, зачаровывали ее, и часто, когда мы сидели за столом и ели, она застывала с блюдом или стаканом в руке и заворуженно смотрела на нас. А иногда усаживалась за стол, курила и смеялась, а глаза ее сверкали. Мы потратили немало времени, прежде чем нам удалось объяснить ей, что у нее есть и другие дела, кроме как сидеть за столом и глазеть на нас.

Амину любили все. За две недели она научилась убирать постели, мыть посуду, мести комнату и накрывать на стол. Выяснилось, что Амина раньше работала в заведении Мамы Розы. Конечно, она не была дочерью шофера Джона. Мходжа и Сулейман ловко обстригли дельце, чтобы обеспечить меня служанкой на день, а себя подругой на ночь. Я была уверена, что ей вскоре все надоест, и, увы, через месяц она потребовала зарплату и отпросилась за покупками в Мто-ва-Мбу. Только мы ее и видели.

Али сказал, что знает много надежных женщин и легко подыщет мне кого-нибудь, если ему разрешат отправиться на поиски в Мто-ва-Мбу. Мы его отпустили. И действительно, Али вернулся с девушкой. Он уверил меня, что она трудолюбива и во всем будет мне помогать. Так толстуха Амина, как мне сказали дочь одного из зрителей парка, заменила красавицу Амину, и мы обрадовались новой служанке. Толстуха Амина прошла тот же курс обучения, но в ней не было ни декоративности, ни веселья ее предшественницы. Однако с работой она справлялась. Амина любила животных, и у нее всегда на плече или меж полных грудей сидела кошка.

Но однажды Амину стало подташнивать, и у нее начались головокружения; она была беременна и вскоре покинула нас.

Как-то, когда я завтракала, Иэн принес для моего домашнего зоопарка грифа-птенца. Он, по-видимому, выпал из гнезда, не успев расправить крылья. Иэн по-

добрал его на дороге. Мы посадили грифа на подоконник, и он весь день не отрывал глаз от долины.

Мы назвали его Ауда Абу Тайи в честь известного арабского вождя, который как вихрь налетал из пустыни на турок во время кампании Лоуренса Аравийского в первую мировую войну. Получив столь грозное имя, гриф, несмотря на лысую голову и висящую кожу, приобрел некую важность и уже не выглядел так отвратительно. Его миндалевидные глаза сверкали, как рубины. И люди и животные испытывали почтение к нему и немного побаивались. Когда мы босиком проходили мимо его насеста, он спрыгивал на пол, вприпрыжку несся за нами, опираясь на крылья, и старался клюнуть в ноги, пока мы не подбирали и не сажали его обратно. Генетт оставлять с ним наедине было нельзя. Уиджи тоже не испытывала никакой симпатии к новому жильцу, она вставала на задние лапы и рычала во всю мощь своих мангустьих сил — она как бы предупреждала нас, что поблизости находится нечто большое, отвратительное и опасное. Потом бросалась под стол или стул, ждала, когда Ауда пройдет мимо, и кусала его. Куры и птицы, предупрежденные Уиджи, тут же прятались.

Когда наступал час кормления и все миски были полны, Ауда раскрывал крылья, с тяжелым стуком соскакивал на стол и, качаясь, направлялся в свой угол. Уиджи, взъерошенная, словно мягкошерстный дикобраз, издавала воинственный крик, бросалась на него и кусала куда могла.

Со временем Ауда Абу Тайи стал украшением лагеря, и мы очень привязались к нему. Но однажды он взлетел со своего насеста, перелетел через реку на другой берег, на мгновение сел на дерево, глянул в нашу сторону и исчез в тумане на границе неба и озера.

Граунд Уотер Форест всегда вызывал ощущение сказочной страны. Было что-то магическое в громадных голых деревьях с серыми ветвями и поблескивающей корой, которые соперничали с желтокорыми смоковницами в борьбе за солнце. Бабуины и другие обезьяны прыгали с ветки на ветку, и листья, когда они задевали их, шуршали, как шелк (обезьяны перекликались, фыркали и взлаивали). Прозрачные как слеза источники выбивались из-под скал и ручейками бежали под ковром изумрудно-зеленых растений, похожих на крохотные

пальмы. Лучи солнца пробивались сверху и казались волосами девы Марии. Свежий, прозрачный воздух и запах влаги наводили на мысль о каком-то древнем соборе. Ветер нес аромат цветов, смешанный с крепким запахом слонов. Нельзя было идти по этому лесу и время от времени не замирать на месте, так сильно было его очарование. Лес уникален, он живой.

Мы часто бродили по широким слоновьим тропам, усыпанным опавшими листьями, сгнившими веточками и пометом, словно по ковру, утопанному сотнями слоновьих ног. Мы ходили по тропам босиком, не опасаясь ни шипов, ни змей; изредка мы натыкались на носорогов или встречались лицом к лицу со слоном. Без сандалий было легче спрятаться, а то и бесшумно убежать или, если такая необходимость возникала, вскарабкаться на дерево. Я по-настоящему боялась только носорогов, а слонам мы уступали дорогу или прятались, стараясь не пугать их. И никогда не возникало желания вскинуть ружье и выстрелить ради защиты от животных.

Слоны расчищали подлесок, и там, где прошли эти обжоры, по лесу можно было разгуливать свободно: тропы пересекали его во всех направлениях. Громадные деревья лежали поперек речек, мы переходили по ним и добирались до родников, чтобы напиться. Наши чувства так обострились, что мы, подобно охотникам, определяли, где находятся слоны, еще не видя и не слыша их. А затем шли в нескольких шагах позади их или параллельно им. Было удивительно легко подбираться к ним на несколько метров с подветренной стороны. Сколько способов существовало для охоты на этих животных, которые даже и не подозревали о близости человека, опаснейшего из охотников.

Лес всегда припасал для нас неожиданные встречи. Однажды мы заметили Закорючку, Вирго и их малышей — они ломали ветки и лакомились молодыми ростками неподалеку от нас. Я впервые встретила с Вирго не на машине. Чуть дальше в лесу виднелись остальные слоны семейства, окружавшие Боадицею. Мы, скользя от дерева к дереву, приблизились к Вирго и остановились совсем рядом, едва скрытые упавшим деревом. Она увидела нас, перестала есть, насторожила уши и без малейшего шума стала выжидать развития

событий. Иэн стоял прямо перед ней, метрах в двух. Он протянул к ней руку. Вирго шумно фыркнула, тряхнула головой, повела ушами, подняв тучу пыли. Она непрерывно свивала и развивала хобот, словно человек, заламывающий руки в момент сильных переживаний. Иэн не шелохнулся, Вирго, видя, что ее угрозы не производят никакого впечатления, изобразила небольшой танец хобота: он змеей вился около руки Иэна. Иэн сделал шаг вперед и назвал ее по имени. Вирго отступила. Она опустила голову, фыркнула, вырвала пучок травы, потерла хоботом глаз, а затем прочистила им ухо. Вирго вдыхала воздух и поднимала ногой пыль, но не пыталась нападать на нас. Казалось, она хочет выиграть время, не зная, что делать, но одновременно хоботом отвлекала внимание Иэна. Видно было, что ей не хватало смелости коснуться хоботом человеческой руки. Они долгое время стояли и наблюдали друг за другом. Потом Вирго двинулась прямо на Иэна, с угрозой шевеля ушами, и он раскинул руки, чтобы казаться больше и шире, затем повернулся и спрятался за ветвь, где стояла я.

Все это время дочь Вирго, слониха лет семи, стояла чуть поодаль и, широко расставив уши, наблюдала за этой удивительной встречей. Подошла Закорючка и, спрятавшись за Вирго, насколько возможно вытянула хобот вперед, чтобы обнюхать нас. Она была значительно крупнее и всегда находилась поблизости. Иэн считал ее старшей сестрой Вирго.

Дважды Вирго подходила к нам на расстояние полутора метров, вытягивала хобот и водила им около наших лиц, и я слышала ее долгий вздох, словно в туннель врывался ветер. Закончив свои исследования, она удалилась, срывая на ходу листья и засовывая их в рот. Остальные двинулись за ней.

— Я знал, что Вирго не причинит нам зла, — сказал Иэн. — Потрясающая слониха. Уверен, со временем мы полностью приручим ее и поиграем с ее малышом.

Так мы впервые нешие встретились с Вирго. Остальное было делом времени, мы еще пройдемся, взявшись рукой за хобот, вместе с Вирго, Закорючкой и их малышами. Самой сумасшедшей мечтой Иэна было взобраться на спину Вирго и так следовать за группой Боадичей, спокойно наблюдая за слонами «изнутри», — он надеялся, что его при этом не заметят.

Меня поражало, на какие хитрости пускался Иэн, чтобы наладить отношения со слонами, и жалко, если все это не запечатлеет пленка. Решено — делаю фильм.

Прошел год. Много изменилось с момента моего первого посещения Маньяры. Слоны так тесно вошли в мою жизнь, что я перестала оборачиваться на яростный рев. Когда живешь среди животных, начинаешь постепенно походить на них. Зрение и слух становятся острее. Реакция ускоряется — быстрее останавливаешься, пускаешься в путь, поворачиваешь. Некоторые животные днем ищут пищу, а ночью спят, другие наоборот; мы научились двигаться и жить по их расписанию и днем и ночью, научились бегать, прыгать через скалы, надолго задерживать дыхание. Расстояния не имели границ, время потеряло всякий смысл. Наш день начинался с восходом и кончался с заходом солнца. И незаметно сменялись месяцы засухи, дождей, жаркие и холодные дни. Месяц определяется по цвету деревьев, кустарников и цветов, время года — по облакам, дождю, пыли, а часы — по солнцу. Наступает новолуние, проходит полнолуние, а звезды, сияющие в безлунном небе, означают конец еще одного месяца.

Каждое утро в 4 часа 30 минут пел петух. В 5. 30 на горизонте появлялось красное пятно, а в 6. 00 весь горизонт уже светился. Еще через полчаса восходило солнце, а когда два египетских гуся покидали верхний водоем и направлялись к озеру, было 7 часов — час завтрака, час последних известий Би-би-си для своих соотечественников, находящихся за границей; затем мы приступали к работе.

В полдень солнце стояло над головой, и слоны перебирались на отдых в тень. Наступал час наблюдения за ними с верхушки дерева.

Когда солнце уходило за холм, в 5 часов пополудни, слоны отправлялись вдоль берега озера в вечернем свете к обрыву. В лагере наступал час рубки дров, приготовления ужина, чистки керосиновых ламп. Пора было запирать кур и козу. Когда египетские гуси возвращались в верхний водоем, было еще достаточно светло, чтобы приземлиться на нашей полосе. В 19 часов 15 минут наступала ночь.

Мы разучились смотреть на часы, пользоваться календарем и телефоном. Нам вполне заменяла их природа в любой момент нашей повседневной жизни.

Глава XII

РОЖДЕНИЕ В САВАННЕ

Утро встретило нас нагромождениями туч, плывущих в черно-синем небе, похожем на громадный кровоподтек от удара молний. Весь парк был в цвету — темная зелень покрывала и землю и деревья. Обычно во второй половине дня шел часовой ливень. Тучи уходили за горизонт, и солнце так нагревало влажную землю, что она дымилась и от нее поднимались пьянящие запахи. На гребнях холмов, вдоль обнаженных скал и на склонах дрожали и сверкали желтые листья стеркули и коммифоры. Цветущие акации превращали древесную саванну в страну изобилия, а мад кустарниками и дикими цветами кружились бабочки.

Посетители парка не испытывали никакой тревоги, но ученые знали, что цветущее покрывало листвы и зеленый полог кустарника скрывали ободранные слонами стволы акации тортилис. Они отрывали широкие полосы голубоватой коры, оставляя белый обнаженный ствол, пережевывали ее и высасывали сок. Через месяц зеленые деревья поблекнут, их тонкие ветки потеряют последние листья, и деревья умрут. Иэн год за годом наблюдал их постепенное превращение в скелеты.

— Скоро их совсем не останется, — говорил он.

На доске объявлений была припнута записка Гарвея Кроза, специалиста по слонам Серенгети, с приглашением Иэну прибыть на ежегодную перепись толстокожих и буйволов. Записка гласила: «Пожалуйста, приезжайте и окажите помощь в подсчете слонов с 29 по 31 мая. Захватите инструмент для исследований» (то есть самолет). Нам обеспечивалась только крыша над головой, пищу же и спальные принадлежности следовало взять с собой.

Мы решили поехать пораньше; две недели в Серенгети позволили бы Иэну подготовить семинар, посвященный четырехлетней работе по проблеме Маньяры.

Семинар намечался на начало июня и давал возможность обменяться с коллегами результатами последних работ. Мы упаковали книги, бумаги, карты, провизию, одежду, спальные мешки и до отказа набили самолет.

Груз был тяжел и очень важен для нас. Мы захватили все, что имело ценность в наших глазах. Уиджи разместились у меня на коленях, а генетт Алишу и Амину, свернувшихся меховыми колбасками, засунули в рукава куртки и завязали, чтобы они не удрали и не покусали нас при взлете. «Кикс» взлетел и поднимался все выше и выше, как птица на восходящих потоках воздуха.

Преодолев невидимый за тучами гребень Нгоронгоро (на высоте более 300 метров), Иэн понесся вдоль склона, как горнолыжник в гигантском слаломе. Острые скальные выступы терялись в бесконечности, тянувшейся, насколько хватало глаз. Вся земля под нами была в черных пятнах: в саванне паслись антилопы гну. Солнце светило нам в спину и освещало гривы и хвосты сотен тысяч кочующих животных. Малыши, бежавшие рядом с матерями, выглядели белыми пятнышками. Как мне сказали, к миграции готовилось более миллиона животных.

В Серенгети я была дважды. В первый раз в 1955 году, когда единственный смотритель парка жил в единственном домике в Баагаи. Я работала для маленькой кинофирмы, снимавшей фильм «Тото и браконьеры», и меня приютили в одной из немногочисленных хижины Серонеры, где проживали смотрители парка и случайные посетители вроде меня. Во второй раз, в 1965 году, я приехала сюда снимать миграцию животных и очутилась как бы в доисторическом времени, когда по необъятным просторам свободно бродило множество животных. Но до сих пор мне не приходилось касаться научного подхода к дикой флоре и фауне, а потому нынешнее путешествие имело для меня вкус новизны.

Научно-исследовательский институт Серенгети — центр комплексных научных исследований. Он разместился в нескольких новеньких зданиях, выросших словно грибы. А вокруг простирается 7500 квадратных километров плато, на котором обитает около 2 миллионов диких животных. Для тех, кто любит нетронутые африканские просторы, институт словно бельмо на глазу. Главное здание называется Лабораторией имени Ми-

хаэля Гржимека. Животные, растения, климат, соседние племена и туристы — все это для ученых и ЭВМ элементы анализа, который позволит разработать план для поддержания равновесия всех этих факторов в данной окружающей среде. Я спрашивала себя, думали ли Гржимеки об институте такого масштаба, когда добрый десяток лет назад впервые приземлились в Серенгети.

Институт снабжен электричеством, водопроводом, специальным оборудованием. В нем работают картографы, лесоведы, биологи, экологи, этологи и прочие специалисты, необходимые для работы центра.

Попав внутрь института, я забыла обо всем и окунулась в атмосферу карт, цифр и тщательнейшей исследовательской работы. Будучи совершенно чуждой университетскому миру, я с трудом сходилась с работавшими там людьми. Однако проведенное в центре время не пропало даром. В первый же день мне объяснили, как по аэрофотоснимкам, сделанным на протяжении нескольких лет, специалисты определяют изменения окружающей среды, вызванные слонами, и показали лабораторию, где путем вскрытия устанавливают причины смерти животных. Не раз приходилось видеть, как слоны вырывают с корнем деревья, а львы убивают свою добычу, но подобное методическое собирание статистических данных для ЭВМ оказалось для меня новостью.

Очень скоро мне стало понятно, что планы создания множества национальных парков для защиты диких животных наталкиваются на серьезные проблемы. Будущее животных зависело не только от законов, охраняющих их от охотников. Стоял вопрос об увеличении популяций животных и быстром исчезновении деревьев. Никто не знал, что мешает восстановлению лесов — слоны с их аппетитом или ежегодные пожары в саванне. Ученые находили ответы лишь на отдельные вопросы. Несколько лет назад со всей серьезностью поднимался вопрос об «устранении» слонов Серенгети, но теперь, при получении новых данных, проблема потеряла свою срочность. Наука медленно идет вперед. Во время дискуссии каждый специалист оперировал своими собственными убеждениями, которые зачастую полностью противоречили высказываниям предыдущего оратора, но каждый из них говорил так убедительно, что диву

даешься, как им иногда удается достигнуть согласия. Ученый всегда анализирует и подвергает сомнению все общепризнанные идеи и факты. Когда был затронут вопрос о целесообразности существования парков, мнения разделились. Идеалисты продолжали стоять на своем. К счастью, африканцы, живущие среди дикой природы, не забивают себе голову подобными проблемами. Когда они не могут что-нибудь объяснить, они говорят: «*Шаури йя Мунгу*» («Божий промысел»), и, наверное, они правы.

Настало время начать подсчет слонов и буйволов. Но тут над нашими головами сгустились тучи, и разразилась гроза. Самолеты из других парков пролетали над институтом и просили, чтобы за участниками присылали машины. Институт гудел в ожидании важнейшего события. На аэродроме появлялись все новые и новые лица. Пилоты готовили самолеты к полетам.

Вечером Гарвей Кроз собрал всех пилотов, штурманов, учетчиков на короткий инструктаж по слонам и буйволам, а также для раздачи карт, кинокамер и пленок и указания зон работы. Имелось шесть самолетов и десяток пилотов, которые летали по четыре часа. Для перекрытия секторов парка в первый же день надо было, чтобы большинство пилотов совершило по два полета. Самолеты могли заправляться на взлетно-посадочных полосах в саванне, куда заранее доставили горючее.

Через двое суток мы получили окончательные результаты — 2000 слонов и 50 000 буйволов.

Вечером был устроен прием по случаю успешного завершения операции. Так как основной целью был подсчет слонов, то прием состоялся на территории семейства Кроз. Нани Кроз напекла хлебцев и кексов, потратила несколько часов на приготовление соусов, нашпиговала пряностями свиную грудинку для жаркого, присланную из Найроби на специальном самолете. Мы с Анни Нортона Гриффит установили большую палатку и раздобыли стулья, столы и посуду. Солнце кануло за горизонт, словно растворившись в горной долине. Самолеты пронесли над нами и покачали крыльями, как бы говоря: «Ждите нас». Мы наполнили все кружки свежим пивом — мучили жара и жажда. Праздник начался.

Под выцветшей крышей палатки неровным светом горели свистящие ацетиленовые лампы, вырывая из тьмы бумажные цветы и фольгу, намотанную на подпорки. Стол украшали большие глиняные котлы с горячей остро приправленной пищей и маленькие букетики диких сильно пахнущих цветов. Под открытым небом на раскаленных углях жарилось мясо. Такие праздники в саванне — редкость, а потому мы вырядились в самые лучшие из своих повседневных нарядов. По веселым лицам пробегали сполохи света, вырывавшегося из распахнутой двери палатки. Гремела музыка. Босонogie люди танцевали на траве, где ночью львы, гиены и шакалы подчистят остатки нашего пира. Большинство мужчин было в зеленом — униформа парков, но некоторые надели фуляр, или яркую рубашку, или брюки — вполне допустимая вольность ради праздника. Иэн изменил своему обычному костюму и появился в длинном желтом африканском платье, его светлые волосы развевались по ветру.

— Вы мне все больше и больше напоминаете Иисуса Христа,— сказал Джон Оуэн.

Это был наш последний вечер с друзьями из Института Серенгети.

Всю ночь я прислушивалась к рыку львов и топоту копыт бесчисленных стад. Выли и хохотали гиены, отзвуки музыки долетали до моей комнаты — ночные шумы так и не позволили сомкнуть глаз. Под моим окном продолжалась жизнь, неизменная для антилоп гну, которые год из года мигрировали, пересекая Серенгети во всех направлениях. В период непродолжительных дождей их популяция росла. В тот год появилось 200 000 малышей. В «пиковые» недели сезона рождений каждые сутки рожало не менее 10 000 матерей.

Никогда мне не забыть одного рождения, которое довелось наблюдать как-то во время миграции. Всегда хотелось присутствовать при начале жизни и запечатлеть на пленке это событие. Увидеть и прочувствовать все тяготы родов. И вот, еще находясь в Серенгети, ранним утром я выскользнула из дома до того, как первые отблески зари вспыхнули на горизонте. Львы бродили так близко, что слышалось их дыхание, но они находились в блаженном состоянии обжорства. У меня была машина без фар, но с помощью подфарников уда-

валось освещать дорогу и двигаться довольно быстро. Ночью прошел дождь; дорога была скользкой, и когда я добралась до долины, то остановилась, боясь увязнуть. После походов, лазанья по горам и акробатических упражнений на деревьях в Маньяре я была в прекрасной физической форме. Мне хотелось вжиться в этот мигрирующий мир. Шум стоял невероятный. В свежем предутреннем воздухе дрожали миллионы звуков. С первыми лучами солнца я погасила подфарники и тихонько двинулась навстречу потоку мигрирующих животных.

Утро началось тысячами рождений. Подлинное сотворение мира: из тьмы рождалось утро, и солнце освещало новую жизнь. Повсюду, куда ни кинь взглядом, на тонких дрожащих ножках покачивались малыши, еще дымящиеся от горячих вод материнского лона, — они спешили встать и научиться бегать: нельзя было терять ни минуты.

Мать с любовью обнюхивала новорожденного, облизывала его — первой приветствовала его появление в мире. Но с самого рождения малыши были в опасности: вокруг повсюду виднелись как предупреждение следы смерти.

Ночью вволю пировали хищники: добыча была беззащитна. Рождение и смерть были неразлучны. Повсюду валялись кости, которым суждено побелеть от солнца. Высоко в пустом небе незаметными знаками грифы указывали, где лежит утренняя добыча. Львы с трудом волочили переполненное брюхо по земле.

Повсюду учились бегать малыши: вначале они делали несколько шагов и падали, но тут же поднимались и снова делали несколько шагов. Кровь и сила приливали к их конечностям, готовя к жизни в постоянном беге, ибо нужно уметь хорошо бегать, чтобы выжить.

Когда машина остановилась, животные вокруг меня застыли всего в нескольких метрах. Они смотрели на меня, как бы спрашивая, что я буду делать. Наброшусь на них? Как ни странно, моя персона, казалось, не особенно пугала их. Прямо передо мной одна из матерей легла на землю; роды длились минут пять-десять. И в то время, пока мать лежала на земле и рожала, она была легкой добычей для хищника.

Как только малыш появился, она поднялась, не-

сколько раз слабо проблеяла, повернулась к нему, обнюхала и начала вылизывать, насторожив ушки. Я видела, как трепещут при каждом вдохе ноздри малыша и моргают его мокрые, липкие веки. Через несколько мгновений он, казалось, понял, что ему поскорее надо встать на ноги и бежать. Тогда у него появлялось девять шансов из десяти, чтобы выжить. Между моментом его рождения и моментом, когда он галопом понесся рядом с матерью, прошло не более четверти часа. Напади на него гиена в это время и встань на его защиту мать, у него остался бы на выживание лишь один шанс из десяти. Напротив, если мать бросается в бегство, увлекая за собой малыша, им удается удрать от хищника, если только малыш на затеряется в общем хаосе.

Меня уверяли, что генетическое наследие регулирует количество матерей-защитниц и матерей, бросающихся в бегство. Первые намного уменьшают шансы своих малышей в борьбе за жизнь. Я готовилась стать матерью и знала, что при опасности брошусь на защиту ребенка, но, понаблюдав за жизнью животных, поняла, что лучше убежать, схватив его в охапку.

Грифы летели со всех сторон, планировали вниз, словно на парашюте, складывали крылья, вытягивали шею и с открытым клювом подходили на прямых ногах к добыче. Там, куда они опускались, было что поесть. Я взобралась на крышу машины. Хотя было еще рано, жаркое солнце светило всюду, и везде грифы рвали убитых за ночь животных или подбирали то, что осталось после родов.

Когда наблюдаешь за грифами издали, они внушают отвращение, но, как и все в мире, они по-своему красивы и полны достоинства. Разве их можно осуждать за привычку питаться падалью или презирать за голую тощую шею, лысую голову и крючковатый нос? Гриф есть гриф.

На обратном пути я медленно двигалась по дороге среди моря антилоп гну. Стада животных разделяло расстояние метров в сто-двести.

Чуть дальше слева появились три гиены, которые поодаль друг от друга трусили по направлению к антилопам. Я не обратила на них особого внимания, считая, что они просто следовали за мигрирующим стадом и уже

давно отъелись, ибо выглядели упитанными. Но вдруг они остановились, огляделись, принюхались и побежали дальше. Я двинулась вслед за ними. Меня сбеспокоило их поведение, поскольку неподалеку на земле лежала самка, схватки уже начались, и малыш уже появился. «Этот пропал!» — подумала я. Животные вокруг бросились прочь, но мать не чувствовала опасности: хищники приближались с подветренной стороны.

И гиены обрушились на нее. Мать подняла голову, увидела их, вскочила одним прыжком и бросилась прочь. Но гиены подошли слишком близко. Они прыгнули, ухватили теленка и потащили его. Он отбивался копытцами, но его мгновенно разорвали на куски, словно бумажный листок. Я остановилась и разревелась, уткнувшись лицом в ладони. А потом пустилась в обратный путь, думая об ужасной участи матерей.

В саванне рождение — дело случая! Новорожденный гну несется галопом рядом с матерью и выживает; я оказалась свидетелем и другой судьбы. Но рождение животного мало чем отличается от рождения человека: одна мать может легко родить двойню в затерянной деревушке, а другая потеряет дитя в самой современной больнице.

Наутро мы летели над зеленой благоухающей землей и наблюдали за миграцией. Сверху казалось, что на земле царит мир.

После заключительного заседания в Институте Серенгети мы отправились в Маньяру. Самолет скользил между рифтовой стеной и зеркалом озера, и казалось, что опрокинулось само небо. Плотный свод зелени впитывал в себя солнце, ветви смоковниц, пинкнен и прочих лесных пород накрывали землю своей тенью. В древесной саванне зеленые высокие травы под мертвыми акациями и густая последождевая растительность скрыли все следы разрушения леса, словно природа сама нашла решение и как бы сказала нам: «Зачем же мучить себя?» Мы пролетели низко-низко над травянистой посадочной полосой и убедились, что она свободна, а потом спикировали на Ндалу и предупредили о своем прибытии. Лагерь выглядел покинутым — ни дыма, ни машин, никого. Ничто не шелохнулось, только текла вода под

залитыми солнцем скалами. Перед самой посадкой сердце защемило от радости, как это бывает каждый раз, когда колеса касаются земли. Мы выключили двигатель, и нас окружила тишина. Мы вернулись домой. Оставив багаж в самолете, пешком пошли к дому. Как приятно очутиться одним! Ни машин, ни людей — никто не встречает нас. С нами неразлучные компаньоны — генетты и Уиджи, они тут же поспешили на разведку, посетили муравьев и жуков и съели несколько кузнечиков, не толще былинки.

На тропе мы встретили Кипроно — он рубил дрова со своей женой Алимой и Бибой. Мы шли и слушали отчет Кипроно: сколько слонов бывает в лагере каждый день, сколько кур съедено, как хорошо он ухаживал за газоном и оберегал от слоновьего обжорства наши глинобитные крыши. Мне нравился рассказ о жизни лагеря в наше отсутствие, ибо хотелось, чтобы все здесь хранилось в чистоте и порядке.

У нас должен будет состояться большой коллоквиум по слонам, в котором примут участие многие ученые. Они заслушают Иэна и ознакомятся с результатами его работы.

Несколько дней мы занимались распаковкой багажа, приводили в порядок лагерь, читали груды писем и газет, заказывали провизию и заканчивали подготовку к коллоквиуму. Я поинтересовалась у Джона Оуэна, не смогут ли участники разместиться в гостинице и домике парка. Мне ответили: «Нет». Все предпочитали остановиться в Ндале. Нам во всем обещали помочь: из отпуска вернется Мходжа, к нашему лагерю прикрепят еще двух смотрителей, даже главный смотритель парка Дэвид Стивенс Бабу, сменивший на этом посту Джонатана Мухангу, будет сотрудничать с нами. 5 июня все было готово к приему гостей.

Ночью под песни сверчков и лягушек мы обнаженными искупались в водоеме при свете звезд. Потом мы мокрые шли вдоль реки, обсыхали в еще горячем воздухе и слушали ночные шумы: с шорохом по подлеску пробегали мелкие животные, фыркали буйволы, журчала вода. То была последняя прогулка, завершившая целый отрезок нашей жизни, и я ее никогда не забуду. Через несколько дней все пойдет по-иному.

Как обычно, я проснулась на заре. Солнце прора-

лось сквозь скопления туч, и его ласковые лучи гладили лицо. В корзинке, позади изголовья, верещали Уиджи, Алиша и Амина. Они почесывались в ожидании знака, который позволил бы им перебраться на постель.

Я спустилась по тропинке, вдыхая свежий ароматный воздух, и увидела Мходжу. Он пек хлеб. Иэн слетал на ферму по ту сторону озера за барашком для жаркого. Большая часть еды и напитков была доставлена по воздуху за 90 километров. Надо было одолжить столы, стулья, тарелки, стаканы и столовые приборы в гостинице Маньяры и у администрации парка. У меня был один крохотный холодильник, и следовало заранее сварить и запечь мясо и прочие продукты, чтобы ничего не пропало. Разместить и накормить шестнадцать человек не просто, когда у тебя в распоряжении всего один повар и три зрителя.

Некоторые участники прибыли заранее; их напоили, кого — кофе, кого — прохладительными напитками, и усадили за доделку карт перемещений и плотности слонов и раскраску цветных диаграмм, которые указывали процентное отношение поврежденных слонами деревьев. Обычно диаграммы демонстрируются в виде слайдов, но увы, электричество в лагере отсутствовало.

Джон Оуэн прилетел на самолете, и ему, как начальству, выделили верхнюю рондавеллу с красивейшим видом. Десмонд Вези-Фитцджеральд прибыл из Аруши в «лендровере» со всем своим хозяйством, в том числе с котелком и кружкой, вмещавшей кварту жидкости. Гарвей Кроз приехал с Нани в автофургоне, набитом детьми, домашними животными, палатками и постельными принадлежностями. Мы разбили их лагерь недалеко от реки, в тени акаций, рядом с Майком Нортоном Гриффитом, главным экологом Серенгети, и его женой Анни. Америкец Денис Герлокер, лесовед Серенгети, приехал ознакомиться с судьбой деревьев в Маньяре. Дэвид Уэстерн из Амбосели, который изучал экологию масаев и дикой флоры и фауны, прибыл на машине из Кении. Директор Института Серенгети Хью Лэмпири прилетел из Серенгети на планере, кружа в вихрях и восходящих потоках вместе с грифами и пеликанами. Дэвид Стивенс Бабу, главный смотритель парка, едва успевал приветствовать ученых, прибывающих в Маньяру. Весь день

он мотался между дирекцией парка и нашим лагерем; он хотел самолично убедиться, что все в порядке.

Одни гости привезли еду, другие — напитки. Все вооружились карандашами, бумагой, картами. Возбуждение охватило всех. Выросшие повсюду палатки напоминали лагерь колонистов. Не обошлось и без происшествий. Так, Майк, забивая последние колышки в землю, зацепился за корни и свалился вниз на берег прямо в колючий кустарник. Хью, не желая перегружать крохотную ванную комнату, отправился помыться к водопаду, поскользнулся и скатился по скалам, порезавшись и ободравшись.

В центральной части дома стояли два длинных стола, окруженные стульями, на столах лежали бумага и карандаши. В одном углу разместился Иэн со своими картами; в другом была развернута фотозэкспозиция, посвященная маьярским слонам. Полная луна спорила яркостью с костром. Обмазанного маслом и травами барана зажарили целиком. Перевернутые пироги служили и столами и скамейками. Мама Роза одолжила большие глиняные котлы, в которых варили бобы с пряностями, рис под соусом кэрри и различные похлебки. Чтобы еда не остывала, ее держали возле костра. И, конечно, имелись вино и пиво для всех «выходцев из джунглей». Пир затянулся до полуночи. Потом мы постелили постели и наконец в час ночи рухнули на свои матрасы.

Меня разбудил Мходжа, в руке он держал чашку чая. День был холодный и сумрачный, накрапывал дождь. У меня еще осталось два дела — подать завтрак и удостовериться, что в 8.30, время начала семинара, все сидят на своих местах.

Сулейман заготовил полные чайники и кофейники, а Мходжа подсушивал на костре гренки. Я на кухне жарила бекон, сосиски и варила 30 яиц всмятку. Завтрак мы подали в 7.30, а в 8.30 начался коллоквиум.

Когда все расселись, я приняла ванну. Какое счастье, что все прошло хорошо и наконец можно расслабиться. Я возвращалась к себе, как вдруг почувствовала, что по моим ногам течет горячая вода. Я позвала Мходжу и попросила его немедленно сходить за Мамой Кроз. Он ворвался в ее палатку с криком:

— Скорее, скорее! Мама Дуглас зовет вас! Она заболела!

Нани прибежала ко мне, и я ей сказала, что начались схватки, но происходит что-то странное.

— Ребенок идет,— сказала она.

Я подумала: «Не может быть».

Но она заявила:

— Надо прервать семинар и немедленно отвезти вас в больницу. Ребенок ждать не может.

Я едва умолила ее ничего не предпринимать до конца семинара. Мы потратили на его подготовку два месяца; разве стоило прерывать работу из-за родов? Если Иэн узнает о моем состоянии, он разволнуется и не сможет сосредоточиться.

— Прошу вас, подождите перерыва. Пока будут разносить кексы и кофе, шепните Иэну о детях, которые рождаются в саванне, и что для беспокойства нет причин.

Я улеглась на простыню, расстеленную на цементном полу хижины, и стала ждать. В связи с осложнениями ребенку не появиться без кесарева сечения. Анни Нортон Гриффит, жена Кипроно Алима и Нани Кроз сидели со мной. Присутствие женщин успокаивало, хотя они не знали, что делать. Время тянулось медленно.

В перерыве прибежал Иэн и предложил немедленно отвезти меня в Найроби, но я предпочла ждать до конца. Я сказала, что все идет хорошо. *«О'кей, каза рохо!»* («Выше нос!» на суахили) — подбодрил он меня и убежал на семинар. Он заявил присутствующим: «У меня мало времени, а потому вернемся к слонам».

— В Маньяре хорошо прослеживаются некоторые факты. Например, популяция слонов увеличилась в результате резкого уменьшения их территории...

Иэн ходил от стены к стене, быстро комментировал заметки и карты. Коллеги слушали его со вниманием. Семинар, конечно, следовало немедленно прервать, но Иэну оставалось еще так много сказать. После доклада он вкратце ознакомил гостей с экологическими опытами.

Он высадил несколько деревьев, чтобы замерить скорость роста акации, из семян, собранных в помете слонов и просто с земли. Семена он поместил в различные виды почв. Специалисты осмотрели деревья и измерили высоту стволов. Мне стало казаться, что конец никогда не наступит. Я ждала, когда начнутся вопросы.

— Очень интересно,— сказал кто-то.— Вы считаете,

что семена, прошедшие через пищеварительный тракт слона, имеют больше шансов прижиться и дать здоровое дерево?

— Да, — ответил Иэн.

Они стояли под окном и обсуждали шансы деревьев на выживание, но ни один не просунул голову в окно и не спросил у меня:

— А сколько шансов на выживание у вас?

Наконец семинар закончился. Открыли бутылки, Нани и Анни накрыли на стол. Все поздравили Иэна с блестящим докладом.

Я оделась и спустилась в главный дом в сопровождении жены смотрителя. Все африканцы сидели в тени гардении и выглядели озабоченными. Я помахала им рукой и с улыбкой сказала:

— Все в порядке, завтра привезу вам ребенка.

Широкие улыбки появились на их черных лицах, сверкнули белые зубы и белки глаз.

— *Мунгу агасаидиа* (Бог в помощь). Мы будем ждать тебя. Бог даст тебе ребенка.

Сердце щемило от тоски, но и радость не оставляла меня, что меня окружает любимая дикая природа. Успеют ли меня довести до больницы, где мне помогут родить ребенка? Все было делом случая...

Мы с Иэном доехали до полосы на машине. Все попрощались с нами, машины с исследователями саванны, детьми и животными подъезжали одна за другой. Когда мы разместились в самолете, каждый поцеловал нас, в том числе генетты и мангуста. У самолета не было стартера, и Хью Лэмпри крутанул винт вручную, двигатель взревел, и ветер ударил в лицо. Мы захлопнули дверцы, прокатились по узкой полосе и взмыли, сначала над деревьями, а потом над рифтовой стеной.

На маньярском аэродроме нас ждал Джон Оуэн со своим более крупным и быстрым самолетом. Мы пересели в него и пустились по хорошо освоенному пути.

Самолет подбрасывало в небе, и мой живот разрывало на части от сильнейшей боли, волной проносившейся по всему телу и стихавшей, чтобы через пять минут начаться снова. До Найроби было еще очень далеко. Наступил момент, подумала я, обрести пресловутое британское спокойствие и убедить себя, что ничего особенного не происходит. Во время предыдущего драматиче-

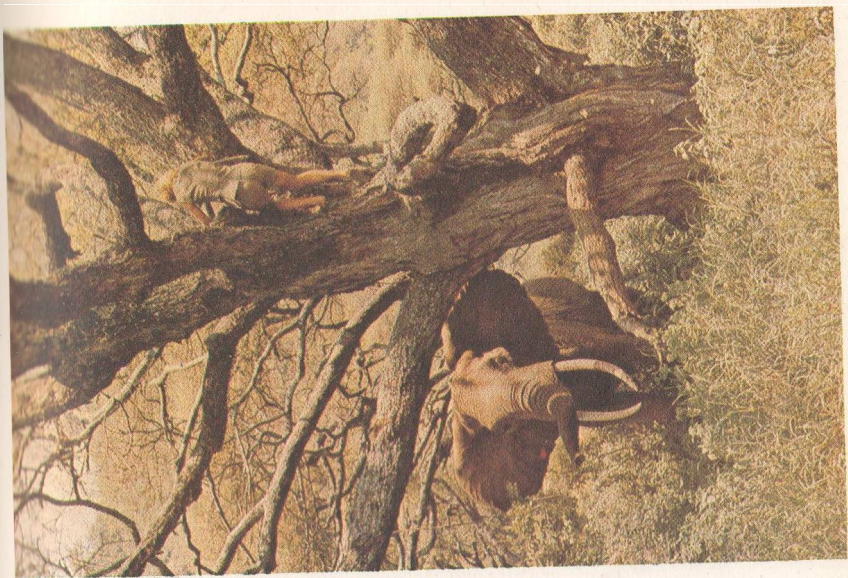
ского полета с больным Иэном я представляла себе место прибытия, видела, как оно растет на горизонте, а потому забыла о страхах перед вихрями и перестала волноваться. И снова понадобился образ для сосредоточения. Слева в странных розовых бликах показались озеро Натрон и длинные цепочки плывущей красной солевой корки. Я очень любила это пустынное озеро.

Над головой слышались голоса. Установилась связь с внешним миром.

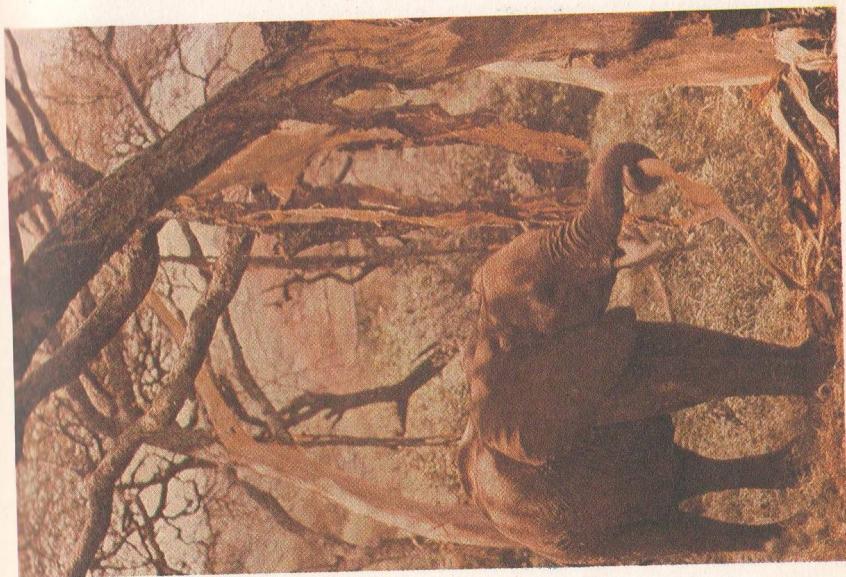
— Говорит «Ист Эйр Сентер». Не можем отыскать вашего врача. Сегодня воскресенье, и он уехал на целый день. Попытаемся прислать карету «скорой помощи».

Мы сели в Найроби в 2.30, а так как прибыли из Тапзании в Кению, пришлось пройти иммиграционный контроль и искать такси. «Скорой помощи» не оказалось. Ну и что! Следовало сохранить силы на потом — то был мой первый ребенок, и сердце колотилось от страха. «Если что случится, это будет моя вина, — думала я, — и все из-за моего образа жизни без каких-либо забот о единственно важной вещи в мире — ребенке». Теперь наша с ребенком жизнь зависит от других, от их преданности делу и компетентности.

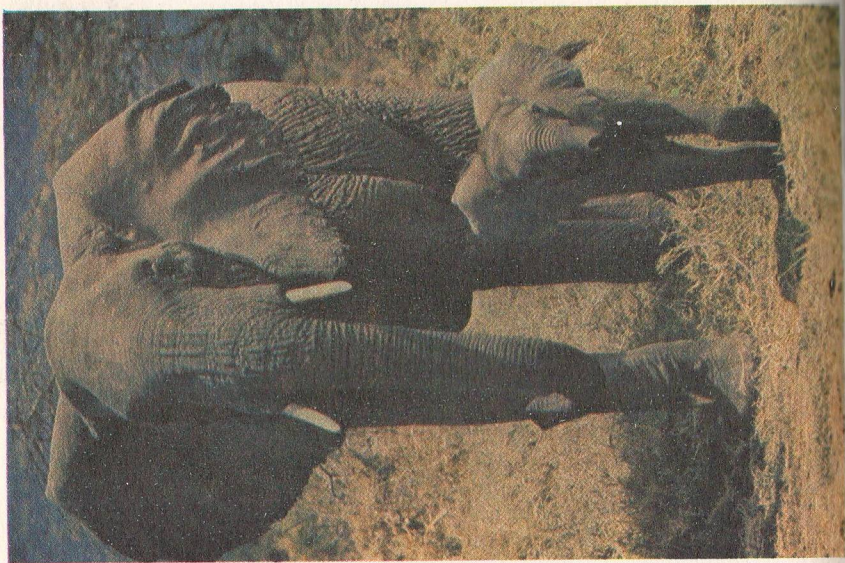
-
1. Деревья с ободранной корой торчат среди леса словно скелеты
 2. Автор выбрал наблюдательный пост и следит за Боадицей
 3. Взрослый самец приближается к матриарху и семейным группам, которые мирно отдыхают на реке Ндала
 4. Мать со своим первенцем
 5. Первейшая помощь обездвиженному слону — охладить его, поливая водой голову и уши
 6. Пример семейной близости
 7. Одинокий самец отступает перед чибисом, который защищает свою территорию
 8. Знаменитый Ахмед в последний год своей жизни
-



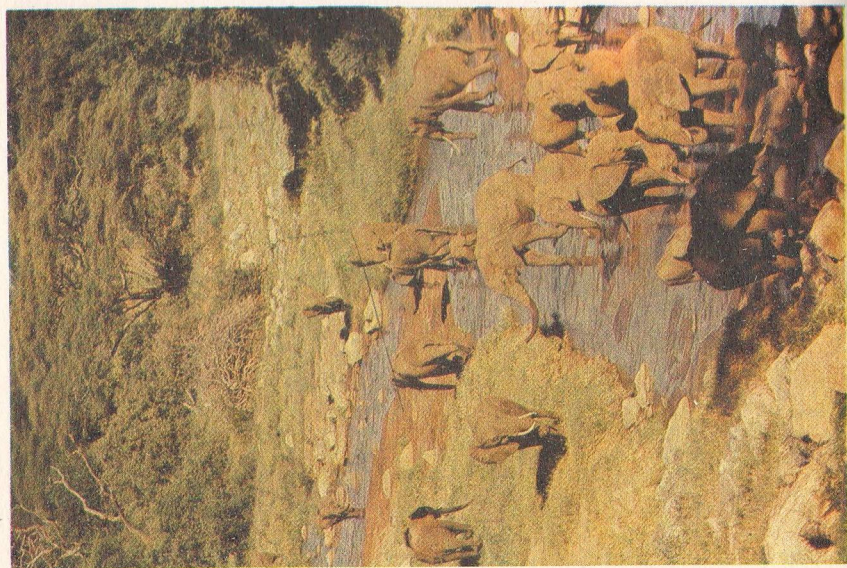
2



1



4



3

Час спустя я лежала на больничной койке, а Иэн названивал всем знакомым с просьбой помочь в поисках нашего врача.

Он приехал в 6.30. Адриано Ландра — друг и превосходный врач. Он был решителен и уверен в себе. Его круглое лицо сияло улыбкой. Я поняла: все будет хорошо.

В мое тело воткнули иглы. Я смотрела в громадную белую лампу над головой. Вокруг меня сгрудились лица в масках и шапочках, они смотрели на меня и походили на выходцев из музея восковых фигур мадам Тюссо. Я узнала Иэна по очкам в черной оправе между маской и шапочкой. На нем был зеленый передник без рукавов. Он стоял рядом с Адриано. Мы обменялись взглядом. Раздался голос врача:

— О'кей, можете ее усыплять.

Потом обратился ко мне:

— Теперь медленно считайте до десяти.

Я начала считать, и вихрь унес мое сознание.

Я медленно вынырнула из сна и услышала голоса. В комнате стояло множество цветов. Боль мешала шевельнуться. Глаза отыскиали Иэна и остановились на его лице с нимбом взъерошенных волос и вчерашней пылью. Вся моя семья сидела здесь же.

— У вас девочка, она чувствует себя хорошо, сейчас ее поместили в бокс для недоношенных детей. Ее вес — два триста.

В открытое окно светила луна. Теперь я знала, что такое родить ребенка. Мне повезло.

Новость объявили на ферме, и африканцы нарекли ребенка Саба (Семь на суахили), потому что она родилась в седьмой час седьмого дня недели, седьмого дня месяца и была седьмой в этом поколении семьи.

Глава XIII

СМОТРИ И УЧИСЬ

Когда Сабе стукнуло три недели и ее вес достиг двух семисот, мне разрешили покинуть Найроби и провести две недели на ферме, чтобы набраться сил перед возвращением в Маньяру.

Иэн отвез нас на самолете в Наивашу. Нас встречали увешанные украшениями африканки в ярких национальных костюмах. Они принесли яйца и кур для нас с ребенком и, выстроившись полукругом у самолета, начали петь, покачиваясь в такт. Кто-то поцеловал меня и руки Иэна за то, что он дал мне ребенка. Событие было важным, и отметить его следовало торжественно. Наутро явились мужчины-масаи. Подойдя ко мне, они взяли мои ладони в свои и плюнули в них. Затем самый старый из них приступил к ритуальной «церемонии плевков». Он открыл мою рубашку и плюнул на груди, чтобы отогнать дьяволов, защитить от дурного взгляда и открыть путь моему молоку. Он плюнул мне чуть ниже затылка, а затем на свои ладони и коснулся ими моего лба. Настоящее слюноизвержение! Но я не могла от этого отвертеться, ибо мне оказывали великую честь, поскольку для масаев ребенок — самое важное в мире. Жизнь должна продолжаться, и продолжается она в наших детях.

В течение десяти дней на ферме появлялись женщины из других племен и по четверо-пятеро поднимались по ступеням дома, чтобы посмотреть на Сабу. Она спала в соломенной колыбели под накомарником; они смотрели на нее и говорили: «*Аааах мзури сана!*» («Ах, какая она красивая!») Жена Ресона подарила нам курицу, расцеловала нас обеих в щеки, потом воздела одну руку к небу и, прикрыв второй рукой рот, возблагодарила бога за наше спасение:

— Все на ферме рады за тебя, Ория. Все молятся за ребенка и за тебя.

— Но я допустила серьезную ошибку, — сказала я. — Для сохранения имени нужен сын!

— Нет, нет. Такова воля бога. Следующим родишь сына.

Силы прибывали с каждым днем. Наконец я могла гулять по холмам и садиться на лошадь. А потом мы загрузили самолет провизией, пеленками, соломенной колыбелькой и отправились в путь. Обернувшись, я увидела родителей, они стояли рядышком в пустом загоне и с волнением смотрели, как мы уносимся по голубой дорожке неба за горизонт.

По возвращении в Ндалу мне показалось, что началась новая жизнь, волнующая и полная неожиданностей.

С момента рождения ребенка прошло ровно шесть недель. Комнату украшали дикие цветы, а пол устилал ковер лиловых и пунцовых лепестков, собранных в парке, чтобы отпраздновать наше возвращение. Все сияло чистотой, на огне варился обед, и вокруг вертелись привычные животные.

Мходжа взял Сабу на руки и со смехом поздравил ее с благополучным прибытием в джунгли. Ребенок был не менее важен, чем слоны. Уиджи, Алиша и Амина превратились в красивых сильных зверей. Генетты прыгали с плеча на плечо и изредка обнюхивали Сабу. Только Уиджи не проявляла к нам интереса: она всегда отказывалась признавать нас после долгого отсутствия. Иэн с шумом открыл шампанское и разлил его по стаканам. Мы выпили, засмеялись и расцеловались, на мгновение пойманные в сети счастья незримыми пальцами жизни.

Перед моим возвращением Мходжа, Сулейман и Али отправились в Мто-ва-Мбу, нашли *айю* (няню) и уже обучали ее. Ее звали Мария. Это была пожилая женщина с мягкой улыбкой. Ее щеки украшали шрамы, характерные для вамбулу.

Мы перенесли сумки, корзины и ребенка в нашу маленькую хижину и вместе со всеми животными расселись на матрацах и вытряхнули скудные пожитки Сабы. Она приняла первую ванну по-дикарски — в желтом тазу, наполненном коричневой речной водой.

Бездетная Мария раньше прислуживала в баре в Мто-ва-Мбу. Она мечтала заниматься Сабой и не хотела иметь дел с мужчинами. Мы пошли обедать. Посреди стола лежал старый львиный череп-подсвечник, принадлежащий Иэну, его так залило воском, что на свету поблескивали только зубы. В Маньяре ничто не изменилось. Все было просто: ребенок стал еще одним членом нашей дикой семьи. Не знаю, кого из четырех детенышей любила больше, потому что приемные дети столь же близки, как и собственное дитя. Раньше я не верила Иэну-биологу, который убеждал меня, что рождение ребенка — одна из самых естественных функций женского организма. Я была уверена в невероятной сложности всего и думала, что мой образ жизни претерпит огромные изменения. Теперь, как у любой матери, во мне проснулся инстинкт защиты потомства.

Меня никогда не интересовали ни акушерство, ни уход за новорожденными. Я была даже немного старовата для первенца, но вместо покупки известного учебника доктора Спока, библии молодых матерей, решила следовать советам Иэна, который настаивал на важности физического контакта матери и ребенка, как это недавно доказал один кембриджский профессор на примере макак-резусов. Что мы знаем о поведении приматов? Иэн убеждал меня в важности этих знаний, и я с жадностью впитывала их.

В начальные часы жизни для малыша-резуса был важен осязательный контакт. Детеныш хватается за мать в трех точках. Двумя руками он держится за шерсть, а сосок не выпускает изо рта. Но на моем теле не имелось шерсти, а мой ребенок был куда менее развит, чем малыш-резус, и приходилось постоянно держать его на руках.

Лучшим методом был, бесспорно, метод африканок. Они носят ребенка на спине в куске материи. Там он защищен от животных и греется от материнского тела. Мать-африканка понимает важность осязательного контакта для своего ребенка, не будучи супругой этолога.

Опыт показывает, что малыш-резус, в ранней стадии своего существования лишенный матери, а следовательно, и осязательного контакта, в дальнейшем не может устанавливать правильных отношений с себе подобными. Иэн все время повторял, что надо избежать такой опасности для нашего ребенка.

Живя среди животных, следовало учиться на их примере. В городе подобные мысли никогда не пришли бы мне в голову; уверена, ребенок был бы закутан в грудку красивого тряпья и спал бы в белой колыбельке под накомарником под ахи и охи других мамаш: «Ах, какое чудесное платьице!» Разве у матери есть контакт с ребенком в таких условиях? Меня, конечно, волновал вопрос, можно ли вырастить ребенка, сообразуясь с природой, а не с требованиями социального порядка, которые часто придают излишнее значение гигиене. Можно ли перенять что-либо полезное от животных и что изменится в нашей жизни?

Утром первые лучи солнца проникали через окна и будили меня. Воздух дышал прохладой. Шумела по ска-

лам вода. Одна птичка пела, другая насвистывала. Полусонная, я открывала глаза, потягивалась и осматривалась. Темнота еще скрывала деревья парка, но оранжевые лучи уже касались ручья у подножия нашего дома, вдоль которого темными силуэтами мелькали слоны. Всю ночь они ревели, фыркали и стонали на тропках древесной саванны.

Я натягивала брюки и куртку, выскальзывала из рондавеллы и бегом спускалась по тропинке, идущей по высокому берегу. Однажды я не пробежала и десятка метров, как услышала хруст травы. Я застыла на месте, взгляделась в подлесок и заметила пару белых бивней. Животное стояло в метре от меня. Радуюсь, что это слон, а не буйвол, но не зная, как реагировать, я пошла дальше, не спуская с него глаз. Он слегка удивился и на мгновение перестал есть.

В кухне Мходжа готовил чай. В печи пылал сильный огонь, клубился густой дым. Я сказала ему, что чуть не столкнулась со слоном около хижины, а он ответил, что слоны явились поздравить меня с возвращением. Выходя от себя, он прошел чуть не под брюхом одного из них. Мы посмеялись. Слоны ходили и мимо его жилища.

Слоны ломали ветки и ели их на склонах позади лагеря. Это была семейная группа Портии из семейства Сары, которая часто искала пропитание рядом с нашим домом. С восходом солнца оранжевые, красные и желтые полосы исчезли, и ослепительное солнце медленно всплыло над озером. Речка блестела словно зеркало. Было приятно увидеть столько слонов в ранний час; в это время они проводили весь день в разреженном лесу. Счастье — очутиться среди старых друзей после долгой разлуки.

Слоны подошли ближе — из черной массы иногда высовывался хобот или белый бивень. Дул ветер, гоняя пыль у них под ногами. Одна семейная группа покинула речку, уступив место другой. Встречаясь, они приветствовали друг друга — поднимали хобот и клали его в рот встреченным слонам. Это были родственные группы, но я не узнала их. А ведь знала большинство матриархов парка. Я чувствовала себя частичкой их мира и радовалась, когда узнавала их.

То была та же радость, что и оказаться в кафе в

Найроби с друзьями, которых давно не видел. Хотелось улыбнуться, кивнуть головой и крикнуть: «Хелло, как приятно видеть вас опять!»

Возвращаюсь в рондавеллу с красными и желтыми чашками, чайником и кувшином молока на подносе. 6.30 утра. Одна из стен комнаты блестит от солнца. На земле, в разных уголках и на разных постелях, спят пять существ, которых надо разбудить. Мы с Иэном размещаемся на матрасе посреди комнаты. Рядом с нами, в соломенной корзине, отдыхает наш ребенок, а с другой стороны в другой корзине спят, прижавшись друг к другу, две генетты и мангуста Уиджи. Все потягиваются, позевывают, каждый по-своему вскрикивает. Комната оживает.

Усаживаюсь с подносом на пол и начинаю разливать чай-сафари с привкусом дыма и порошкового молока. Уиджи, а затем Алиша и Амина подбираются к своим чашкам и с мурлыканьем начинают лакать молоко, низко опустив головы. Затем они выбегают во двор по нужде, но делают это без особого энтузиазма. Обычно Иэн сопровождает их, ибо мы совместно занимаемся воспитанием малышей, для которых стали приемными родителями, и каждый из нас влияет на них по-своему. Затем приступаю к кормлению Сабы, но здесь проблем не возникает, поскольку у меня много молока. И слава богу, ведь вода в лагере грязная, пришлось бы помучиться со стерилизацией и сосками. Затем к нашему чаепитию присоединяется Биба, только-только выпущенная из загона. Она входит и принимается за простыни, хотя знает, что белье — пища запретная. Мы гоняемся за ней по лагерю минут десять, пока не отнимаем у нее наполовину изжеванную простыню. Такое утреннее семейное чаепитие заряжает нас энергией на целый день.

Мой зверинец ни на шаг не отстает от меня в моих хождениях по лагерю. Саба сидит в безопасности на моей спине, крепко привязанная *кангой* (пестрая полоса африканской ткани), и ничем не стесняет моих движений. Биба скачет впереди, а Уиджи издает протяжные боевые крики «ти-ти-ти-ти-ти-ти». Генетты, будучи ночными животными, боятся перебежать из дома в дом средь бела дня, и стоит им оказаться на открытом месте, как они тут же бросаются под прикрытые кустов. Я все

время боюсь, что одна из них потеряется, поскольку люблю бродить со зверюшками по лабиринту песчаных тропок. Ветерок с реки доносит запах дыма, леса, бекона и кофе.

С ветки на ветку перелетают птицы. Над цветами порхают бабочки. Привычный стук — кто-то рубит дрова — и крики бабуинов, спускающихся к реке напиться, разносятся над лагерем. С началом дня в долине Ндалы закипает жизнь. И каждый раз я с неподдельным удивлением вижу, насколько точно образ жизни каждого животного соответствует окружающей среде.

Мы тоже свыклись с нашим особым образом жизни и малым количеством людей, окружающих нас.

Мария не задержалась у нас: она поссорилась с Сулейманом, который как-то в 4 часа утра сделал ей загадочное предложение: «Пошли!» Она «идти» отказалась и со слезами убежала. Мне позарез нужна была няня, чтобы заниматься с Сабой, пока я буду снимать фильм. К счастью, постаралась Мирелла и отыскала мне подлинную жемчужину. Мы слетали за ней в Наивашу. Это была пожилая женщина родом с Сейшел по имени Виолетта Тезе, которая занималась воспитанием детей уже несколько десятков лет. Узнав, что ей надо сесть в крохотный самолет, улететь в какое-то затерянное место в лесу и жить среди слонов, она храбро уселась на заднее сиденье, взяла в руки четки, закрыла глаза и кончила молиться уже на земле. Прибывшую Виолетту радушно встретили все обитатели лагеря.

Объем работы ее совершенно не волновал, если к ней относились с должным почтением и придавали ей эскорт: она была уверена, что все львы, леопарды, буйволы, носороги и слоны парка только и мечтали положить конец ее существованию, и она, естественно, не жаждала встречи с ними. Вечерние проводы Виолетты на покой превратились в настоящую церемонию. Впереди шествовал Мходжа с ружьем, за ним шла Виолетта, а за ней — Али с факелом. В арьергарде двигался Сулейман, вооруженный *пангой*. Переговариваясь и громко смеясь, они поднимались к верхнему дому.

В полдень Виолетта гладила в тени гардении, где располагался ее «двор». Виолетта была незаурядной личностью с потрясающим чувством юмора. Новость о ней разнеслась по всему парку, и по вечерам, перед воз-

вращением домой, к нам съезжались шоферы и зрители, чтобы выпить чашечку чаю и послушать рассказы Виолетты. Под гарденией собирались и все жители лагеря Ндалы, ставшего наконец единым целым.

Европейцу может показаться, что наш лагерь был затерян в безжизненной равнине. Ничего подобного, он находился среди кипучей жизни — она была повсюду, наблюдала за нами из высоких трав, пряталась в кустарнике или дремала на деревьях. Одни птицы преследуют других или охотятся на мышей и насекомых. В вышине парит коршун, высматривая добычу. Никто не может чувствовать себя в безопасности. Следить надо за малышами, за домашними животными, за населением птичьего двора, даже за едой. Змеи, скорпионы, мухи цеце, комары, грифы, взрослые генетты, леопарды, львы, буйволы наносили визиты в лагерь и днем и ночью. Я была все время настороже. И только слоны не причиняли никаких забот.

Мы жили среди насилия, но насилие вызывалось необходимостью. Смерть в дикой природе видишь часто, ибо чья-то смерть дает жизнь другим. Страха в нас не было; напротив, мы ощущали громадную радость от причастности к миру Маньяры; следовало только опасаться хищников.

Вскоре после возвращения я как-то вздремнула на солнышке, и вдруг дрожь ужаса пробежала по моей спине. Начинался сухой сезон. Листья и деревья пожухли и поблекли. Ярко-зеленая трава выпцвела и приобрела бледно-желтую окраску, отовсюду доносились шорохи. Что-то зашевелилось в кустах; я обернулась и с ужасом увидела позади себя похожую на перископ плоскую голову и серо-желтое длинное туловище кобры. Моего материнского инстинкта как не бывало; забыв о ребенке, мирно спавшем в колыбели на столе, я стрелой вылетела из комнаты и бросилась на поиски Мходжи. Он прибежал, вооружившись палками и *пангой*.

— Нельзя оставлять грудного ребенка! — сказал он мне с гневом. — Ты что, не знаешь: змеи любят молоко! Его запах притягивает их к детям!

Меня охватил стыд; я решила, что подобное никогда не повторится. А потому приказала немедленно выжечь кустарник вокруг лагеря. Во время этой операции

мы обнаружили двух африканских гадюк. И пока трава и кустарник не выросли, Уиджи без труда рыскала повсюду. Змей в лагере больше не попадалось.

С течением времени мы свыклись почти со всем и соответственно перестроили свою жизнь. С Сабой ничего не могло произойти, поскольку днем она находилась под постоянным присмотром няни, а ночью спала с нами. Коза Биба проявляла достаточно ума, чтобы не совершать дальних прогулок без нас. Следовало приглядывать за генеттами, особенно ночью, защищая их от других хищников и генетт, на чьей территории они находились. Только Уиджи была независима и сама защищала себя. Ее маленькие красные глазки всегда были настороже. Если она чувствовала опасность, шерсть ее становилась дыбом, она вставала на задние лапы, шевелила ушами и издавала боевой клич, похожий на пронзительный рев. Такое предупреждение не раз позволяло нам спасти курицу от ястребиных когтей. Однажды мы даже прогнали буйвола, который шел по тропке. Всегда было полезно осведомиться о причине боевого клича Уиджи, даже если она избирала своей мишенью повара.

Если мы отсутствовали ночью, то не закрывали ни дверей, ни окон, поскольку ни одно человеческое существо не решалось нас обокрасть. Как ни странно, но мы защищались от дикой фауны, а фауна защищала нас. Разве есть лучшие ночные сторожа, чем слоны, буйволы и львы? Они держали на расстоянии любого человека-хищника.

В тот период мы приступили к съемкам фильма «Семья, которая живет среди слонов» для телестудии «Англия Телевижн». Их начало совпало с рядом обрушившихся на нас трудностей.

В нашу райскую жизнь вдруг ворвался мир конкуренции. Угрожал нам, в частности, и род человеческий. Наверное, мы слишком долго жили среди животных и не всегда понимали других людей, а это, конечно, отразилось на нашей жизни. Но для будущего следовало познать и этот аспект жизни и научиться быть настороже с себе подобными, а не со слонами и прочими животными, поглощавшими все наше внимание.

Первым ударом оказалось исчезновение генетты Амины. Однажды вечером, играя в прятки с Уиджи и

Алишей, она ударилась об оконное стекло, разбила его и выпала наружу. По-видимому, затем она спряталась в кустах и замерла там. Ни мои призывы, ни лакомые кусочки не смогли выманить ее из убежища. Так мы и не узнали, вернулась она к дикой жизни или погибла. Алиша и Уиджи стали совсем неразлучны. Они не расставались ни на мгновение, облизывали друг друга, играли, вместе ели и спали.

Как-то ночью среди мирной тишины нас вырвал из сна пронзительный вопль Мходжи: «Али наме куфа! Али наме куфа!» («Али умер!») Мы с Иэном, который освещал дорогу бледным светом фонарика, выбежали из дома. Иэн никак не мог сообразить, что произошло. Алиша убежал из кухни; на земле и ветках густого колючего кустарника кардиожина виднелись следы крови. Уиджи рыскал в окрестностях. Я взяла его на руки и отправилась на поиски Алиши. Он, по-видимому, неосторожно проник на территорию других самцов-генетт. Мы обыскивали все вокруг до тех пор, пока не потеряли всякую надежду.

Спустя четыре дня, во время нашего послеобеденного кофе, появился Алиша. Он отощал и хромал. От него несло дохлятиной. У него была сломана нижняя челюсть, и обнаженная кость гноилась. Одна лапа находилась в ужасном состоянии, а на теле не осталось живого места от силовых ран. Он направился за утешением к Уиджи, но та отвернула голову и удалилась, не разрешив генетте даже приблизиться.

Единственным выходом было немедленно отвезти Алишу к Сью и Тони Хартхоорнам. В Восточной Африке за ними укрепилась репутация лучших ветеринаров диких животных, с которыми они обращались как с самой важной персоной.

Они ампутировали сломанную часть нижней челюсти и укрепили задний зуб, необходимый для жизни. Операция удалась. Постепенно Алиша вернулся к жизни и рана зарубцевалась; они обучили его есть половиной нижней челюсти, кормя вначале из шприца, а потом приучая ловить бабочек и прочую живность.

Алиша обрел новый дом у Сью и Тони. Я никогда не забуду, сколько трудов они положили, чтобы выводить его. Мало кто поймет наше отношение к этому животному. Мы вырвали его из дикой жизни, приоб-

щили к нашей, но забыли научить правильно вести себя в его мире, который управляется правом на территорию.

Чуть позже подобная история случилась и с Уиджи. Один из эпизодов фильма должен был сниматься в Марсабите, на севере, где живет знаменитый Ахмед, слон с самыми длинными бивнями в Кении. Киногруппа отправилась на машине, а мы побросали все свои пожитки в самолетик, заняли с Иэном передние сиденья, Сабу я усадила на колени, а Виолетту с камерами и багажом — сзади. Когда пришло время разместить маленькую круглую корзинку с Уиджи, места уже не оставалось. Уиджи поняла, что мы улетим без нее. Как только двигатель завелся, она взвыла, забилась, куснула Мходжу за руку и выпрыгнула из машины. Она подбежала к самолету и вспрыгнула с моей стороны на колесо, ожидая, когда распахнется дверца. Воздух от винта сбивал ее, и ее призывы едва доносились до нас сквозь рев двигателя.

По возвращении в Маньяру настроение у нас было преотвратительное: наши отношения с киногруппой не ладились. В лагере дела обстояли еще хуже. Уиджи была деморализована, глубоко несчастна, у нее началось кожное заболевание, на теле висели клещи. Когда я брала ее на руки, она отворачивалась или кусала меня, как бы упрекая в предательстве. Потребовалось много времени, слов и ласки, чтобы убедить ее в неизменности нашей любви. Мы ухаживали за ней, но с каждым днем ее состояние ухудшалось, и в конце концов пришлось отвезти ее к Хартхоорнам. Они осмотрели ее и поставили диагноз: чесотка, клещевая лихорадка и, быть может, бешенство. Но для полной уверенности следовало подождать некоторых анализов. Дело могло обернуться трагедией: Уиджи перекусала в лагере всех, кроме Сабы, а сыворотку применять было уже поздно. Нам грозила смерть от бешенства. Я представила себе момент кризиса: пена на губах и ружье — избавление от мучений.

Только Саба выглядела счастливой и здоровой. Она набирала вес и крепла с каждым днем, а ее улыбки напоминали нам о жизненно важных делах, о которых мы наполовину забыли. Три дня мы провели в постоянном страхе. Потом пришла радиограмма: Уиджи лучше, ре-

зультаты анализов отрицательны. Через неделю у нее прошла клещевая лихорадка, чесотка пошла на убыль, а шерсть стала клочками отрастать, но до полного выздоровления ей было еще далеко.

Однажды на берегу Ндалы Иэн сказал мне:

— Невероятно. Здесь сестры Торон.

Я уже давно мечтала о встрече с этими «злыми» слонихами, о которых он так часто говорил. Эти четыре громадные самки с отпрысками были исключительно агрессивны и атаковали без предупреждения, как только видели врага. Каждое их появление в парке сопровождалось трагическими событиями.

Иэн сталкивался с ними только три раза за все время пребывания в Маньяре. Я удивилась, поскольку думала, что когда они шли вверх по реке, то должны были почуять нас и напасть на лагерь, как громадные танки. А они мирно пили, и их малыши стояли рядом. Мы оказались с подветренной стороны. Держа в руках их фотографии и фотоаппарат, мы подоברались к «знаменитостям» по берегу на расстояние 50 метров, и нам удалось сделать новые снимки всех сестер Торон.

Три следующих дня отовсюду поступали сведения о нападении слонов на туристов. Мы получили отчет смотрителя парка, где говорилось о «фольксвагене» с канадскими туристами, который был опрокинут слонем. К счастью, никто не пострадал, только машина получила легкие повреждения. Зато канадцы теперь могут долгие годы рассказывать, как на них напал слон. Мы показали гиду фотографию сестер Торон, но тот не мог с уверенностью сказать, что именно они совершили нападение.

Первое наше столкновение с ними произошло вечером на нижней дороге через Граунд Уотер Форест. Понесся пронзительный рев, треск раздвигаемого кустарника, затем наступила тишина. И вдруг из-за толстого белого ствола дерева (словно она пряталась от нас) появилась одна из сестер Торон с поднятой головой и висящим хоботом. Она наблюдала за нами поверх кончиков бивней и покачивала ногой, готовая ринуться на нас. Мы находились всего в нескольких метрах и как замороженные смотрели на нее: Ее глаза пылали гне-

вом. Вдруг она ринулась вперед, решив добраться до нас во что бы то ни стало. Мы тронули машину, поддерживая между нами расстояние в несколько метров, чтобы проследить, во что выльется ее атака. Она пробежала за нами метров двести, скрутив хобот в кольцо и целясь в заднюю часть машины. Она ни на секунду не спускала с нас глаз. Спектакль был ужасающий. Случись что с двигателем, громадное животное превратило бы нас в кровавое месиво. Желание слонихи настигнуть нас было так велико, что она без остановки перебежала через мост. Иэну никогда не доводилось видеть подобного поведения слона. Когда мы выехали из леса, она с ревом сошла с дороги и принялась бивнями крушить кустарник, подбрасывая вверх ветки и пыль, словно показывая, какую она уготовила бы нам участь, по-пади мы ей «в бивни».

Зрелище было столь страшным, что Кипроно, смотрящий, бывший с Иэном в тот день, когда его топтал носорог, присел в «лендровере» с криком:

— *Квенда ту, квенда ту, хийя мбайя сана!* (Вперед, вперед. Она ужасно злая!)

Впервые оказавшись свидетелем атаки «дикарей» Эндабаша, я была так ошеломлена, что забыла о фотоаппарате. Целый год, посещая Эндабаш, я всматривалась в лес и прислушивалась к каждому шороху, но ни разу не встретила с «диким» слоном.

На следующий день мы возвращались домой и были от него метрах в трехстах, как вдруг среди деревьев фанфарами взревели «дикие» слоны; мы услышали топот бегущих животных и увидели, что они направляются к нам — четыре самки и их малыши. Это было второе столкновение с сестрами Торон в нашем районе.

— Ория, скорей заряжай ружье, — сказал Иэн.

И остановил машину, не выключая двигателя. Ему хотелось понять их поведение. Я умоляла его не делать этого, но он объяснил, что необходимо проверить ингибицию. Вся группа животных остановилась метрах в двенадцати от машины. Они поднимали головы, грозили бивнями, «сестры» ревели, ворчали, вертели хоботом — они, казалось, колебались. Ярость горела в глазах и самых маленьких, и более взрослых слонят. Иэн пробормотал:

— Все хорошо, у них есть ингибиция.

Обе стороны напряженно наблюдали друг за другом, выжидая, что предпримет противник. Мое сердце бешено колотилось. Я сидела в машине, смотрела назад и пыталась унять дрожь в коленях, вцепившись в спинку сиденья. Если нужно, я бы выстрелила поверх их голов. Но они без предупреждения разом повернулись и исчезли в подлеске среди акаций разреженного леса, растворившись в сумерках.

Кончились прогулки вдоль реки и по дорогам без ружья. В любое время и в любом месте могли появиться сестры Торон и внезапно наброситься на нас, как на своего ненавистного врага. Должно быть, в них не раз стреляли, а потому запах человека и шум автомобиля немедленно пробуждали их враждебность.

На другое утро Иэн отправился исследовать кормовое поведение слонов одной из групп вблизи лагеря и попросил Мходжу захватить с собой ружье. Я осталась дома из-за множества неотложных дел. Вдруг послышался выстрел, другой, затем ужасающий шум — перепуганные слоны удирали напролом через лес, с грохотом ломая на ходу огромные ветви. Все происходило, казалось, недалеко от дома. Я выскочила на аллею, но ничего не увидела, хотя из леса доносился сильнейший шум. Меня охватила паника. Что делать? Мелькнула мысль: «Если Иэну пришлось выстрелить, значит, произошло нечто ужасное; он никогда не выстрелит в слона, если только ему не угрожает смертельная опасность». Я побежала к гардении, где были Виолетта и Сулейман, и мы с волнением принялись ждать, вглядываясь в лес.

Через десять минут приехала машина. Иэн со слезами на глазах сказал:

— Мы убили одну из сестер Торон! Я не хотел в нее стрелять, но Мходжа имеет право убить слишком опасное животное.

Передняя часть машины вздыбилась, на ней виднелись отверстия от бивней. Крыши на машине не было: жизнь Иэна и Мходжи висела на волоске.

Нападение слонов захватило Иэна врасплох. Он наблюдал в бинокль за группой Изабел и записывал, что ели слоны, как вдруг из кустарника выскочила одна из четырех сестер Торон, перемахнула через ствол дерева, подцепила машину под бампер, и, подняв го-

лову, разорвала металл бивнями. Иэн дал задний ход, но скорости не хватило, и животное опять бросилось на них. Когда слониха приподнимала машину, Мходжа выстрелил, и пуля пробила ей голову. Она буквально рухнула на «лендровер», и Мходжа выстрелил второй раз для верности. Нет никаких сомнений, что слониху пристрелили бы рано или поздно, поскольку сестры Торон были очень опасны.

Мы немедленно отправились к месту драмы. Около головы убитого животного образовалась лужа крови, красная густая жидкость лилась из небольшого отверстия от пули. На бивнях виднелись следы зеленой краски «лендропера». Соски слонихи разбухли от молока, она явно кормила малыша. Нас интересовало, придет ли слоненок. Я сделала снимки и залезла на акацию, чтобы выждать. Слоны бродили вокруг, но ни один не подошел ближе.

Через несколько часов мы решили сделать вскрытие и выяснить, нет ли внутренних причин агрессивности животного, к примеру старых пулевых ран. С дороги труп не был виден, и мы могли работать, не опасаясь любопытных глаз туристов. Мы извлекли сердце, печень, легкие и другие органы, но нигде не нашли ни старых ран, ни следов заболеваний, которые могли бы повлиять на характер матриарха. Огромная кишка диаметром до 30 сантиметров выпирала из брюха и еще дымилась. Ковер свернувшейся крови покрывал землю вокруг нас. Сколько лет понадобилось животному, чтобы превратиться в такую громадину, а жизнь покинула ее в считанные мгновения!..

Я впервые видела внутренности слона. Следовало узнать, беременна ли самка. В задней части брюшной полости виднелась белая труба, выходящая из тазового пояса. Ее передняя часть расширялась и раздваивалась. «Рога» оканчивались яичниками. Мы аккуратно иссекли эти органы и разрезали трубу по всей длине, чтобы тщательно рассмотреть сантиметр за сантиметром.

Наши усилия были вознаграждены: мы нашли слоненка размером с ноготь мизинца. Он находился на рыбьей стадии развития, у него имелись жаберные мешки и совершенно сформировавшиеся ноги, а также заостренный носик, который впоследствии должен был

превратиться в хобот. Мы поместили зародыш в бутылку со спиртом.

Мы изо дня в день наблюдали за медленным разложением громадного трупа, покрытого черным ковром мух и червей. Вонь стояла невыносимая. Иэна интересовало, за сколько времени соли и минералы вернуться в почву. Прилетели первые грифы; они расселись на ближайшем дереве, вытянули шеи и стали похожи на стариков в шубах, сидящих на скамьях в суде. Потом появились крупные марабу на длинных ногах, с розовой шеей и черными перьями. Они собрались вокруг гниющей туши, медленно промерили ее шагами, закинув крылья за спину. Они словно совещались перед вынесением приговора. Затем появились новые стаи грифов и спланировали на труп, благо пищи хватало всем. Они так обжирались, что с трудом взлетали на ближайшее дерево. Обычно белоспинные грифы не могут прорвать толстую слоновью кожу, но вскрытое брюхо позволяло им засовывать длинные голые шеи внутрь туши и вырывать мягкие куски, которые находились в пределах досягаемости их клюва. Кончики ребер торчали, как окровавленные пальцы. Марабу клевали подсохшие куски, а агрессивные грифы дрались, издавая пронзительные крики, за полосы мяса, которые они отрывали от костей одним поворотом широкого клюва. Ночью какой-то падальщик отгрыз кончик хобота.

С каждым днем туша уменьшалась в объеме. На нее наткнулись львы и обгрызли кожу, чтобы добраться до оставшегося мяса. Кишки и желудок были разорваны, и их волокнистое содержимое, смешанное с кровью, образовало черное разлагающееся болото, пропитавшее землю на большую глубину. В конце концов осталась сухая корка. Бивни выпали. Вскоре на земле лежала лишь сухая, съезжившаяся шкура на костях, по которой ползали мухи. Печальный конец необузданной и храброй медноголосой королевы.

Смерть одной из сестер Торон опять напомнила мне о хрупкости нашей жизни. Все мы ходим под богом. Малейшее событие может изменить весь ее ход. Так закончилась встреча слонихи с Иэном и Мходжей. Мозг ее подавал сигналы бегства и боя; ее выбор оказался неверным, она атаковала и погибла.

Если для перехода от жизни к смерти нужен лишь

такой незначительный каприз всемогущей судьбы, то следует жить полной жизнью. Жизнь коротка, и сделать ее полезной можем лишь мы сами.

Мне всегда были больше по нраву перемены, чем стабильность и безопасность раз и навсегда принятого образа жизни. И я старалась избежать такой ситуации. Ненавижу сидеть на одном месте и терять время, ведь оно уходит и довольно быстро приводит нас к старости. Безопасность и стабильность противоречат моим бродячим инстинктам, которые дарят мне истинные радости существования, особенно свободу наслаждаться огромными пространствами. Ребенком я мечтала о чуде, которое превратит меня в масая. Позже искала откровения жизни в путешествиях. Но каждый раз, оказываясь вдали от Африки, чувствовала тягу к родине. Здесь мои корни, здесь моя жизнь.

Пребывание среди слонов оказалось счастливой случайностью, выигрышной картой, брошенной к моим ногам, и я ее подобрала. У меня появился компаньон в жизни, и моя тяга к странствиям нашла выражение в нашей работе и нашем образе жизни. Вместе мы могли мечтать, ставить на карту жизнь против смерти: мы умели встречать трудности, удары судьбы, могли бросать вызов миру и смеяться над ним. Мы жили в гуще жизни, в реальности. Со сладострастием упивались первым дождем и получали удовольствие даже от судорог, когда от вынужденной неподвижности сводило мышцы. Ветер бросал нам в лицо пыль, солнце палило нас от зари до зари, но они несли нам запах африканских просторов и музыку дикой жизни.

Рождение Сабы еще более сплотило нас с Иэном. Я любила уединенность Ндалы. Меня окружало бесконечное пространство, и моя простая жизнь оставляла много времени на заботы о семье. Мы были сильны, здоровы и наметили себе трудную цель, а потому вели размеренную жизнь. Нам было неизвестно монотонное прозябание в пригородах больших городов.

Мы жили замкнутым кланом из шести человек среди 500 слонов — целого общества, открытого для наших исследований и околдовавшего нас. Мы знали возможности каждого из нас и прекрасно ладили друг с другом. Мы изучили малейшие уголки парка и делили мир со слонами. Наше поведение часто обуславливалось

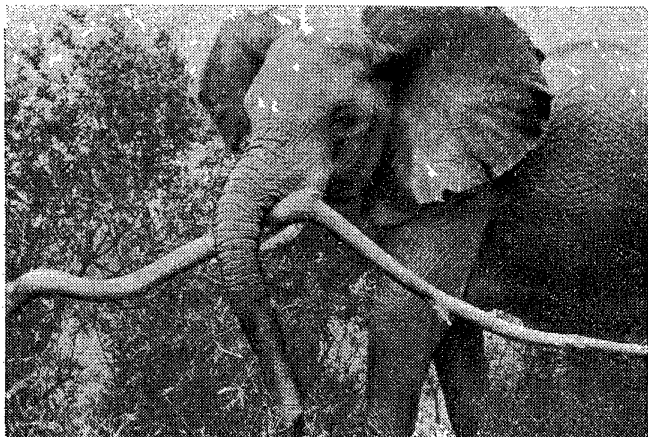
теми же мотивами, что и поведение слонов в сходных ситуациях.

Я перестала бояться слонов и могла противостоять атакующему животному, разоблачить его блеф, размахивая руками, а потом спокойно удалиться. Здесь нет никакой бравады. Я знала, что делала. Сама различала опасность и избегала ее, чтобы не оказаться на бивнях враждебно настроенного слона. И слонами нельзя не восхищаться. Они влекли меня к себе. Быть может, их обаяние крылось в их росте, силе, благородстве? Трудно сказать. Я любила общество слонов и радовалась ему.

В лунные ночи, когда слоны приходили к реке, мы часто лежали неподалеку на скале и слушали плеск воды в песке. Черные недвижные громадины с хлопьями втягивали воду, выпускали ее обратно, брызгались и уходили. В эти неповторимые ночи незаметно пролетали долгие часы. Сверху струился бледный свет луны, уходили печаль и скука. Мы впитывали в себя тишину и наслаждались богатством простой жизни.

Фотографируя целыми днями слонов, начинаешь понимать, что они наделены устаревшими добродетелями: они лояльны, защищают и любят друг друга. Так как мы жили вдали от себе подобных и все больше проникали в интимную жизнь слонов, то проводили, сознательно или нет, параллели между нашим и их обществом. Моя связь с ребенком, необходимость физического контакта между нами, вера в предводителя, солидарность всех членов группы, когда опасность грозила одному из нас, были аналогичны поведению слонов.

Один из важнейших элементов жизни слонов — единство семейной группы. Меня глубоко волновали их привязанность друг к другу и постоянные знаки внимания, которыми обменивались члены одной группы — матери, сестры, дочери, малыши. В их общении чувствовалась подлинная нежность. Их безопасность зависела от стабильности группы. Самцы не жили со стадом. Наверное, слонам легче, ведь им не приходится разрешать извечные женские проблемы. Самки встречались с самцами только ради продолжения рода, а это в конце концов единственный смысл жизни. Но когда появлялись самцы, неизменно происходил ритуал приветствия в виде касаний. Матриархи несут на себе не только обычные материнские обязанности, но



Юная самочка играет с большой ветвью.
Природное поведение, которое использует человек,
приучая слонов к переноске тяжестей

и играют ту роль, которую мы обычно приписывали самцам, то есть являются главой семьи и обеспечивают ее эффективную защиту. Эти матриархальные семейные группы исключительно стабильны.

Я не специалист по слонам, но, живя рядом с этими животными, наблюдала невероятную сложность и тонкость их повседневной жизни. Я научилась понимать, уважать их, но мне захотелось и защищать их. Разве можно без боли смотреть, как кто-то целится в голову слона и готов пристрелить его только ради удовлетворения охотничьего инстинкта или прибыли. Какая пустая трата своей и чужой жизни!

Долгие месяцы изучения поведения слонов дали мне то, чего не найдешь ни в одном учебнике. Мало кто изучал поведение диких животных в их среде обитания, а особенно животных, по общему мнению, опасных. Нельзя провести в одиночестве несколько лет в тропических джунглях без призвания, любви к приключениям и к дикой природе. Исследователи обычно получают фонды на два года, а потом должны возвращаться в свои университеты для составления отчета. Мало кому удастся вернуться и продолжить работу. Хотя узнать каждое животное и завязать дружбу с ним

можно только в таких условиях. Так было с Джейн Гудолл и ее шимпанзе, с Дианой Фоссей и ее гориллами, с Иэном и его слонами.

Когда сталкиваешься лицом к лицу со слоном, один из секретов — нам удалось его раскрыть — не двигаться, не шуметь и лишь потом медленно приблизиться к нему или уйти. Вирго, Закорючка и еще добрая сотня слонов считали нас безобидными существами. Но лишь Вирго вошла с нами в контакт, и то после пятилетнего общения. Другие не подходили ближе чем на несколько метров. Когда Сабе стукнуло три года, а мы готовились к отъезду из Маньяры, нам как-то вечером встретилась Вирго со своими сородичами. Я приблизилась к ней и в виде приветствия протянула плод гардении. Нас разделяло расстояние вытянутого хобота, она взяла плод, положила его в рот, потом нарисовала хоботом в воздухе над головой Сабы несколько маленьких восьмерок, приняв к ней. Меня разбирало любопытство, понимает ли она, что это мой ребенок. Мы стояли лицом к лицу, и с нами были наши дети. Момент был очень трогательным. Уверена, Вирго останется нашим другом и после долгих лет разлуки.

В Маньяре я впервые в полной мере ощутила безмятежность, неведомую мне прежде. С рождением Сабы стабильность и безопасность перешли в какое-то новое измерение, и я приняла его. В моей жизни наступила пора зрелости.

Конечно, когда мы завершим работу со слонами и переедем в город, нам трудно будет сохранить эти взаимоотношения. Как миллионам других людей, нам с Иэном придется столкнуться со сложностями перенаселенной среды обитания, и мы окажемся мало приспособленными к новому существованию. И все же мы выживем, как и миллионы других.

Срок контракта кончился, и отъезд был не за горами. Я физически ощущала ценность каждого уходящего дня. Солнце исчезало за холмом, и длинные тени пересекали долину. Передо мной текла река, которую я видела тысячи раз. Никого в окрестностях, никто не бродит по песку. Безмолвно прощаюсь с самым дорогим в жизни. За рекой высятся деревья, хранящие тайну своей судьбы. Озеро, горы и безграничный мир, где правит жизнь, песчинкаминося нас по ветру.

Глава XIV

КАК ДАЕТСЯ ЖИЗНЬ

Рядом с дорогой стоял слоненок пескольких месяцев от роду и лениво перебирал хоботом листья, покрытые пылью. Он едва поднял глаза, когда мы с грехотом промчались мимо него.

— Одинокий слоненок! — воскликнула Ория.

Я остановился и развернул машину. Слоненок не шелохнулся. Он не понимал, что происходит. На три километра в округе не было ни одного слона. Я еще помнил о слоненке-сироте, которого убил и сожрал лев Думе Кубва. Этот тоже остался в одиночестве, и ему грозила верная смерть.

— Надо его поймать, может быть, мы что-нибудь для него сделаем.

Мы быстро сделали лассо из веревки и медленно подошли к слоненку. Юный самец совсем не обращал внимания на происходящее вокруг и заметил меня, когда я оказался совсем рядом. Он очнулся и сделал смелую попытку защититься. Он распустил уши, мотнул головой в моем направлении, но лассо охватило его шею. Он повернулся и бросился в чащу, увлекая нас с Мходжей за собой. Мы едва смогли справиться с ним. Успокоился он лишь после того, как ему завязали глаза. Ория отправилась на машине в лагерь за подмогой. Сулейман и его приятель, гостивший в лагере, помогли нам взгромоздить слоненка в кузов «лендровера». Он был мал, но тяжел.

Только наш главный дом с верандой, соединяющей две рондавеллы, был достаточно просторен для него.

Мы уложили его на матрац и сняли повязку с глаз. Он встал на ноги, потрянул головой и словно обезумел: подбросил в воздух водяной фильтр, перевернул мой стол, растоптал рассыпавшиеся бумаги, толкнул холодильник. Тот покачнулся, но устоял. Когда я хотел успокоить его, слоненок бросился на меня и стал гоняться за мной по всей комнате. Весил он в этом возрасте килограммов 120—150, и меня не устраивала перспектива оказаться прижатым к стене. Несколько часов подряд он оставался в довольно возбужденном состоянии. Мы сочли, что он держится неплохо и лучше всего подбросить его в ближайшую семейную группу, которая, быть может, позаботится о нем.

Мы снова взгромоздили слоненка на «лендровер» и отправились к реке Багайо, где заметили стадо слонов. Мы выпустили его вблизи семейной группы, и он затрусил к своим сородичам. Те встретили его ревом. Самки обнюхали малыша с ног до головы, потом каждая вложила свой хобот ему в рот для закрепления знакомства. Когда группа тронулась в путь, он двинулся за ними.

Нам удалось понаблюдать за группой в течение двух суток. Взрослые самки мирились с его присутствием, но ни одна не позволяла сосать. По-настоящему им занималась лишь одна самочка лет двенадцати. Без молока слоненок угасал. На второй день он лежал, пока другие ели. Его опекунша пыталась поднять его собственными силами, когда остальные пошли прочь. Ее попытки остались безуспешными, и самочку, казалось, раздирали сомнения — остаться с ним или уйти с семейной группой. Она отошла метров на сто, потом с ревом быстро вернулась. Слониха осталась около него, пока ее сородичи не исчезли совсем. Только тогда она удалилась вслед за своей группой. Я подогнал машину поближе к слоненку и вылез, но, увидев меня, он собрал последние силы, встал на ноги и скрылся в густом кустарнике. Нам так и не удалось отыскать его. Скорее всего, он погиб.

Это происшествие укрепило мою уверенность в том, что выживание молодых животных, как, впрочем, и старых особей, в основном зависит от семейной группы. Обычно семейная группа заботится о слонятах, но, быть может, этот был болен и не мог следовать за ста-

дом. Самки в большинстве своем относятся по-матерински ко всем слонятам, даже если это не их собственные отпрыски. Один из моих друзей, Симон Тревор, нашел однажды около убитой матери малыша; когда Тревор подбросил его к совершенно чужой семейной группе, самки приняли малыша и даже позволили ему сосать молоко. Такой же случай произошел и с Элеонорой, самкой, воспитанной с «подросткового» возраста супругами Шелдрик Цаво. В своей книге «История слона из Цаво» Дафни Шелдрик рассказала, как Элеонора усыновляла покинутых и больных слонят, встречая их громким ворчанием — выражение сильной эмоции. Она выхаживала их, обеспечивая им необходимый осязательный контакт и проявляя бесконечную нежность, которую можно назвать лишь любовью.

Все время после переезда Ории в Маньяру и пока шло слежение за Радио-Робертом, меня не покидало беспокойство за судьбу слонов Маньяры. Что будет с ними, если плотность их популяции не уменьшится? Следовало выяснить, влияет ли социальное положение на поддержание определенной численности. Если удастся доказать, что слоны благодаря специфике своего поведения могут предотвратить рост популяции выше того порога, за которым окружающей среде наносится непоправимый ущерб (а некоторые уже считали это свершившимся фактом), то их не придется уничтожать ради спасения деревьев.

Такой самоконтроль мог осуществляться несколькими путями, как и у других млекопитающих. Д. Б. Кэлхаун, проведя множество лабораторных экспериментов на мышах, доказал своим классическим исследованием, что антисоциальное поведение растет вместе с плотностью вплоть до полной ингибиции размножения. Мыши переставали заботиться о потомстве, не искали общения друг с другом. Наблюдались даже случаи пожирания себе подобных. Сообщество в данном опыте сократилось до размеров, грозящих полным уничтожением.

Перенаселение имело тем более тяжкие последствия, что в основе поведения мышей лежит территориальный принцип. Слоны ушли далеко от мышей, хотя Ричард Лоуз и Иэн Паркер опубликовали не так давно сообщение, где говорилось, что, возможно, пове-

дение слонов тоже обусловлено территориальным принципом и что некоторые, пока неизвестные факторы могут вызывать замедление цикла воспроизводства, которое отмечалось в районах с высокой плотностью слонов, например в Кабалеге.

В Маньяре плотность слонов была выше, чем в остальной Африке, и это подтверждали последние подсчеты. Если с плотностью связано антисоциальное поведение, следовало ожидать его проявления в самых острых формах. Прежде всего хотелось изучить социальные проблемы внутри семей и групп самцов, а затем ответить на вопрос о территориальном поведении, собрав всю информацию о перемещениях слонов и размерах их жизненного пространства.

Радио-Роберт стал одним из объектов этого исследования. Его переходы от группы к группе внутри сообщества Боадицеи открывали сложную сеть социальных взаимоотношений; их и следовало изучать.

Мы смогли хорошо оформить эти наблюдения: Ория, сначала во время уикендов, а потом, после переезда, ежедневно, делала фотографии, а я — записи. Примерно в тот же период к нам приехали Симон Тревор и его жена Лейла. Они снимали полнометражный документальный фильм, посвященный биологии африканского слона. Мы предложили им разбить лагерь рядом с нашим, в тени большой акации. И пока Симон орудовал кинокамерой, Лейла наговаривала тихим голосом в диктофон свой отчет о поведении слонов. То был ценнейший источник дополнительной информации.

Симон работал смотрителем Восточного Цаво под началом Дэвида Шелдрика. Превосходный оператор, умеющий найти подходящее место и терпеливо ждать, когда что-нибудь произойдет. Он снимал слонов Кабалеги, шествующих в высокой траве и покрытых красной пылью Цаво, слонов Марсабита, бредущих в тумане и роющих водяные лунки в песках Руаха; теперь он приехал в Маньяру, чтобы заснять поведение семьи слонов и, если повезет, рождение слоненка. Каждый день Симон увозил с собою мою картотеку и список самок, которые должны были вскоре принести приплод. Многие из них входили в сообщество Боадицеи, и, когда я предложил давать ему время от времени оборудование для радиослежения, он с радостью согласился. Он

знал слонов достаточно хорошо и верно оценивал угрозы Боадицеи.

В семейном кругу Боадицеи можно было наблюдать самые различные типы отношений между самками. Тщательно и многократно отмечая, кто находится ближе к тому или иному слону, удалось выделить в семейной структуре несколько подгрупп. Беспокойная Боадицея, которой никогда не стоялось на месте, чаще всего находилась рядом с Жизелью. Тесная связь существовала между Вирго и Закорючкой; вместе ходили и две молодые самки — Диана и Калипсо; самой независимой была молодая самка по кличке Изабел с ушной дырой в форме Суэцкого залива. Она часто уходила от других, и ее сопровождали только три ее малыша. Старшая из ее дочерей быстро выросла. Она интересовалась только трехмесячным отпрыском матери. Развитие ее сосков наводило на мысль, что она, возможно, беременна.

Сухой сезон в этот год никак не кончался, грязь на болотах засохла и растрескалась. Лианы на кустарниках походили на сморщенные коричневые обрывки веревки, а ндальский водопад, превратившийся в струйку воды, исчезал в песках сразу в месте своего падения. Воды и пищи для слонов пока хватало. Как раз в это время начали проявляться первые признаки соперничества и антисоциального поведения. В солидарной семейной группе возникла напряженность и даже происходили разрывы.

Изабел крупные самки гоняли чаще, чем других. У нее не было такой массивной подруги, как Закорючка у Вирго. Мне довелось видеть, как ее ударила бивнем Жизель, толкнула Закорючка, а однажды Боадицея головой нанесла ей удар такой силы, что Изабел выронила изо рта ветку, которую матриарх тут же подобрала и съела. Около водяных лунок она всегда держалась в стороне, а когда дело касалось пищи, отчужденность проявлялась еще больше. С ней ходили только три ее малыша. Они образовали подгруппу в семье Боадицеи. Реакция Изабел на антисоциальное поведение других проявилась в усилении ее независимости.

Вечером, когда мы вернулись из Наиваши, нас встретил Симон. Он сообщил, что дочь Изабел родила

слопенка. Ему удалось заснять первые часы его жизни, но самого рождения он не видел. Мы назвали малыша Ершиком, поскольку его волосатый хвостик словно специально предназначался для мытья бутылок. Его мать мы нарекли Лейлой, в честь супруги Симона. Ершик удостоился чести быть снятым в кино так, как никакой другой слоненок до него. Он стал звездой фильма «Король-слон» и завоевал огромную популярность своими играми, купанием в грязевых ваннах и препотешными движениями, когда ненароком наступал себе на хобот.

Лейла и молодая бабушка Изабел души не чаяли в Ершике. Его рождение, казалось, ускорило ослабление родственных связей с остальными членами семейного сообщества Боадицеи. Иногда даже было трудно сказать, есть ли у них контакт со стадом.

Однажды, когда они паслись в стороне, Боадицея предприняла марш-бросок к болотам в устье Эндабаша. Изабел, трое ее детей и малыш остались в разреженном лесу. Ндалы одни — они вволю ели и пили, не опасаясь соперничества с более сильными самками. Это было так же интересно, как и первое открытие стабильности семейной ячейки. Вдруг выяснилось, что стабильность не была абсолютной и изредка происходил распад больших семейных групп.

Когда Боадицея, Леонора и Джебазель со своими детьми вернулись, Изабел присоединилась к группе, но начиная с этого момента она рвала контакт и уходила, когда ей хотелось. Она и ее родственники образовали автономную семейную ячейку, как семьи Леоноры и Джебазель.

В Маньяре ничто не указывало на то, что разрыв семейных сообществ или социальная агрессия самок, свидетелем которой я неоднократно бывал, вызывали повышение смертности или уменьшение популяции. Такие случаи, наоборот, подчеркивали поиск равновесия со стороны молодой самки, которая, решив держаться подальше от властных матриархов и пользоваться плодами своей независимости, получила легкий доступ к пище и воде, к грязевой ванне без какого-либо соперничества, не отказываясь в то же время от преимуществ групповой защиты в случае реальной опасности для нее и ее близких.

Родственные семейные группы оставались обычно в

пределах слышимости и быстро объединялись, чтобы отогнать хищника. Быстрота этой реакции подтвердилась в тот день, когда Симон Тревор организовал для фильма нападение слонов по всем правилам. Мы подъехали к семье Боадицеи на расстояние тридцати метров в бронированной «тойоте», специально оборудованной для съемок. Симон отрегулировал камеру, приготовился к съемкам и, сложив руки рупором, издал исключительно правдоподобный львиный рык. Тут же все 48 членов семейства заволновались. Все головы повернулись к нам. Галопом прибежала Изабел и заняла место в строю остальных крупных самок, стоящих плечом к плечу. Затем под руководством Боадицеи они широким фронтом бросились в атаку. Даже извечно мирная Леонора стояла в первых рядах — впечатляющая громадина с длинными бивнями и распущенными ушами в ярости пелась прямо на камеру Симона. Атака прекратилась в десяти метрах от машины, и животные принялись с недоумением разглядывать нас — мишень оказалась совершенно иной. Боадицея крутила хоботом и, как обычно, качала ногой, но не осмелилась подойти ближе — жертвой она избрала тяжеленный сук. Она подняла его и изо всех сил бросила в нас. Он просвистел мимо меня и ударился о крышу машины. Случаен или преднамерен был ее жест, я сказать не могу, но даже если такое поведение оказалось случайным, жест она могла запомнить и повторить. А повтори она его несколько раз, ему научатся и другие слоны.

Такая реакция была характерна для семейных групп. Слоны так же преследовали льва Чонго и прайд львиц Чем-Чема. Слоны издавали пронзительные крики и рев, а львы, прижимаясь к земле, удирали со злобным рычанием. Толстокожие останавливались лишь после того, как львы взбирались на деревья. Стивен Макача наблюдал однажды, как слоны пасмерть затоптали львенка у подножия дерева на глазах беспомощной матери. Если представлялась возможность, львы убивали слонят, а слоны — львят.

Крепкие связи между слонихами цементируют их общество, обеспечивающее защиту малышей. Именно поэтому уход Изабел из сообщества представлял большой интерес. И в других группах наблюдался разрыв между поколениями. Таким же образом семейные

группы покинули две другие самки, но они продолжали поддерживать связь со своими группами, а пять других самок стали ядром новых семейных групп, но никогда не удалялись на расстояние более километра от основной семьи. Эта дистанция представляла границу, за которой слоны уже не могли поддерживать контакт с помощью издаваемых звуков.

Связь матери и дочери могла развиваться двумя путями: либо она ослабевала, и мать иногда демонстрировала свою неприязнь к дочери (Изабел была, по-видимому, дочерью Боадицеи, но доказательств тому нет), либо она укреплялась, развивалась из доминирующей привязанности малыша и матери и тесно объединяла двух взрослых животных против опасностей, которые нельзя было преодолеть в одиночку. Думаю, что такова судьба Леоноры и Тонкого Бивня, которые никогда не проявляли друг к другу нетерпимости, но и здесь, к сожалению, нет полной уверенности в степени их родства.

Я пришел к выводу, что размеры семейной группы регулируются двумя противоположно направленными силами — необходимостью рассеивания, дабы избежать соперничества, с одной стороны, и объединением ради взаимной защиты — с другой. Если размеры группы зависят от этих двух факторов, то, вероятно, группы имеют тенденцию к увеличению, когда растет число хищников, и к сокращению при уменьшении количества пищи. В Маньяре группы стремятся рассеяться в сухой сезон, когда пищи мало. Но эта тенденция никогда не проявлялась здесь слишком ярко: запасы пищи не иссякали, так как зависели не от дождей, а от подземных вод, питающих леса и болота.

Результаты работ многих исследователей и смотрителей парков подтверждают мою гипотезу. В Серенгети слоны образовывали крупные стада в сезон дождей, когда пищи было много и соперничество особой роли не играло. Ричард Лоуз и Иэн Паркер зафиксировали крупные группы на границах национального парка Каба-лега, где слоны вступали в конфликт с человеком-хищником. Напротив, во время страшной засухи 1971—1972 годов, которая нанесла тяжелый урон центральной части Цаво, когда пищи было так мало, что жизнь каждой особи находилась под угрозой, все семейные группы

разбились на подгруппы из 3—5 животных. Когда засуха кончилась и земля снова покрылась травой, слоны объединились в стада до 200 и более животных. Эти потрясающие события изложены в книге «История слона из Цаво» Дафни Шелдрик.

Но каким бы плохим ни было в некоторых случаях отношение к молодым самкам, оно не шло ни в какое сравнение с нападками на Радио-Роберта. Ему совершенно не давали житья. Стоило слону подойти к самке на 40 метров, как она в ярости мотала головой, а если он ел и, паче чаяния, позади него оказывалась самка, то вполне мог получить добрый удар бивнями. Рана на левом ухе от удара бивнем в момент обездвиживания еще не закрылась — из нее сочилась водянистая жидкость. И, несмотря на это, он продолжал следовать за своей группой, играл с малышами, которые удирали за пределы опасной для него зоны, где царили матриархи.

Он достиг критического возраста молодого самца, и это силой пытались прогнать взрослые члены семьи. Н'Думе ждет такая же участь после беззаботного детства, ведь маленький самец становится все более и более несдержанным в связи с половым созреванием и самки в какой-то момент ополчатся против него. Каждое нападение будет отдалять его от группы, а он будет тащиться за ней, быть может, еще несколько лет, как Радио-Роберт.

Радио-Роберт уже был спутником стада в момент мсего прибытия в Маньяру. За это время он встретил множество молодых слонов-одногодков, живущих как он или независимо, хотя они еще и не достигли вершины своего развития. Большую часть дня он проводил в утверждении своего места в еще не установившейся и шаткой иерархии, которая со временем будет управлять отношениями между молодыми самцами. Борьба настолько захватывала их, что я часто открыто подходил к ним вплотную, а они не замечали меня.

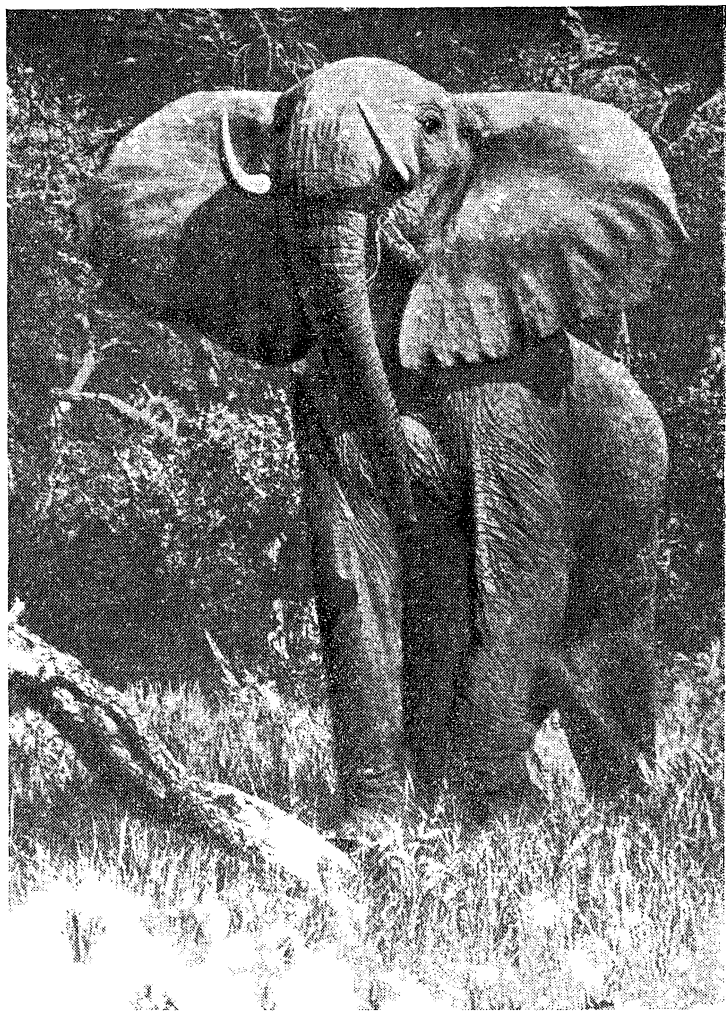
Окончательный разрыв Радио-Роберта с его семейством происходил почти незаметно. Как Изабел и Лейла, он все больше и больше отставал от родных. Как-то семейство провело несколько дней в зарослях Эндабаша. Потом Боадицея направилась к северу, а юный самец — к югу, на исследование новых территорий вне пределов привычного жизненного пространства его родичей.

Он отправился прямо на юг к обрыву у подножия леса Маранг. Я с нетерпением ждал, когда он вскарабкается по склону и исчезнет среди высоких деревьев около эндабашского водопада, как вдруг отказал передатчик. Роберт появился лишь через несколько месяцев, и неизвестно, где он бродил все это время, тогда как Боадичею с семейством мы обнаруживали несколько раз и без помощи радио. Во время странствий ему удалось избавиться от ошейника и дорогостоящего приемника — потеря практически невозможная.

Радио-Роберт покинул свое семейство исключительно поздно. Он еще поддерживал с ним связь, но уже обогнал в росте многих взрослых молодых самок, и, когда они угрожали ему без поддержки матриархов, он атаковал их и обращал в бегство. Он угрожал даже матриархам, если находил удобное место, например крутой склон, где их бивни не могли его достать.

Он завязал дружеские отношения со взрослыми самцами, но не провоцировал их, требуя доступа к водяной лунке или особо сочную ветку. Он вступал в яростные схватки только с соперниками своих размеров. После таких схваток на хоботах бойцов оставались раны, поскольку в близком бою бивнями наносились и колющие и режущие удары. Когда выяснялись относительные силы каждого самца, установившиеся связи между взрослыми животными определялись равновесием между агрессивным и дружеским поведением, что очень походило на взаимоотношения внутри семейной группы. Вся свою жизнь самцы ведут такие игры-бои, и они, несомненно, являются тем социальным механизмом, который позволяет слону постоянно проверять, какое место он занимает в иерархии взрослых животных.

Самцы, хотя и независимы, любят общество. Их часто можно встретить километрах в полутора от семейной группы или от других самцов. Кроме простого желания быть рядом со своими сородичами, у них нет пристрастия к определенному компаньону: они могут объединиться как с другими самцами, так и самками и их малышами, когда достигают таких размеров, что матриархи не могут их прогнать. Самое большое стадо самцов, которое мне довелось видеть, состояло из 14 животных, но оно быстро распалось и совершенно нехарактерно для слонов. Ни один из 80 знакомых мне самцов не



Дабы устрашить противника, слон пытается как бы «подрости». Он наступил на ствол дерева и раздвинул уши

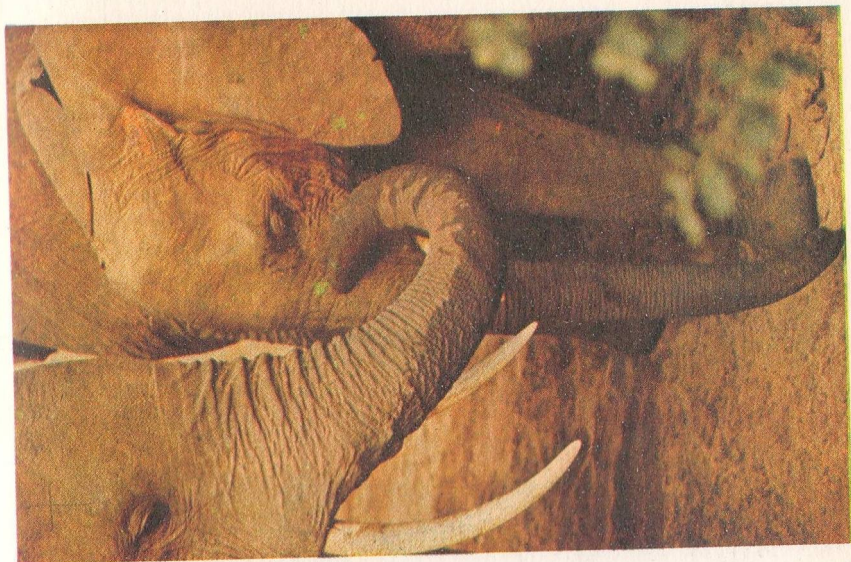
жаждал общества того или иного животного любого пола, кроме редких моментов течки какой-либо самки. Не существовало постоянной привязанности между взрослыми самцами и семейными группами, хотя об этом в литературе о слонах можно прочесть довольно часто.

Я никогда не присутствовал на настоящих боях между взрослыми самцами, но однажды нашел мертвого самца с глубокой раной на голове, похожей на удар бивня. Время от времени приходилось слышать яростный рев и шум ломающихся ветвей в разреженном лесу и видеть сверженных слонов, которые, похоже, дрались между собой. Но обычно взрослые самцы знают свое место в иерархии, а последняя устанавливается по их росту. Угроза бивнем чаще всего и разрешает конфликт. Доброе согласие самцов нарушается лишь в период течки самки. Но и тут слоны помельче отступают перед более крупным самцом.

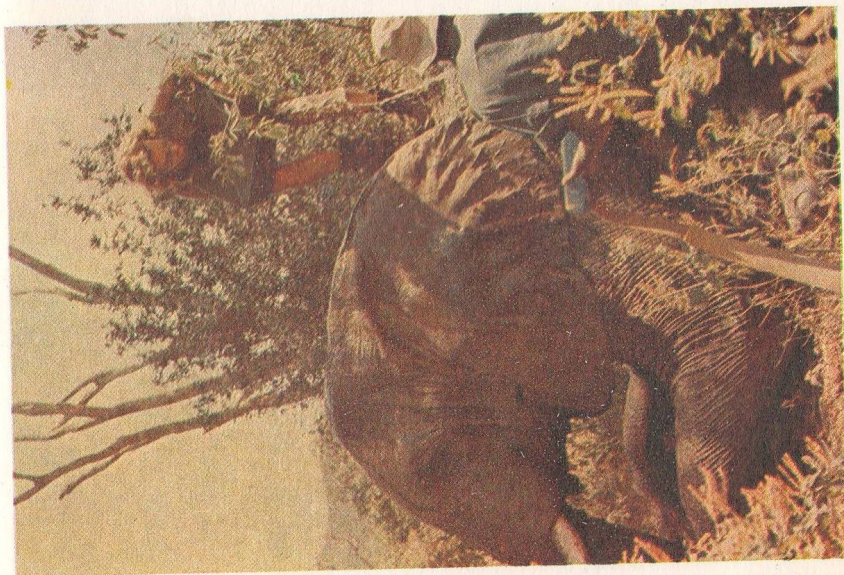
Во взаимоотношениях самок и слонят с самцами тоже иногда проявляется агрессивность. Случалось, что крупный самец приближался к семейной группе, наполовину раздвинув уши, и эта едва намеченная угроза обращала в бегство самок и малышей. Но чаще они поворачивались к нему и клали ему в рот хобот — по видимому, в знак повиновения.

Несколько лет назад в национальном парке Аддо (Южная Африка) самец убил самку, в которую зритель выстрелил шприцем с транквилизатором. Слонохиха была старой и больной, и наблюдатели сочли, что видели акт этаназии, но, возможно, она, находясь под действием наркотика, не проявила достаточного уважения к подошедшему самцу. Нетерпимость самцов к самкам и малышам — исключение; обычно они весьма дружелюбны.

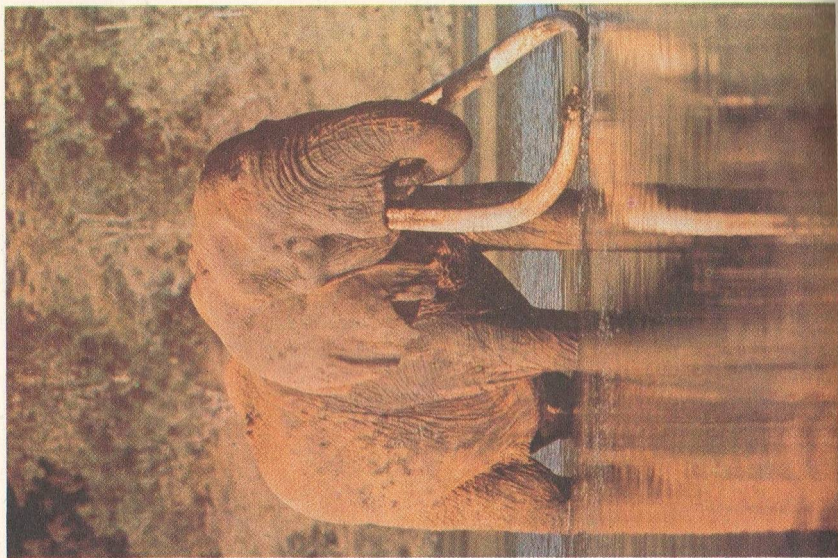
Поведение самцов никак не воздействует на размеры популяции и не уменьшает рождаемости при снижении их половой активности. Сильвия Сайкс высказала гипотезу, по которой перенаселение и безудержная охота на самцов с самыми крупными бивнями привели к тому, что в живых остались лишь молодые самцы и оказался нарушен порядок старшинства в стадах парков Восточной Африки. Поэтому молодые и плодовитые самцы получили возможность чаще совокупляться, что привело



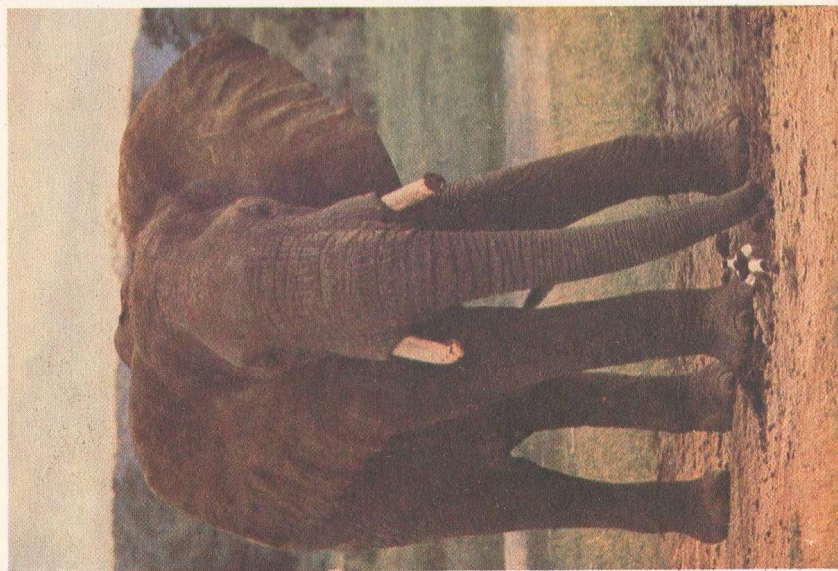
6



5



8



7

к повышению показателя рождаемости. Мне хотелось проверить эту гипотезу на примере слонов Маньяры.

Обычно, когда самец присоединяется к семейной группе, он обнюхивает половые органы каждой самки, чтобы узнать их состояние. Слонихи способны к зачатию примерно три дня в течение эстрального цикла, который длится две-три недели. Если самка понесла, то последующее зачатие может произойти лишь через три-четыре года. Поэтому для продолжения рода самцы не должны пропускать ни одной возможности. Слониха Диана, родственница Боадицеи, оказалась исключением из общего правила. Я как-то оказался свидетелем ее любовных игр с самцом: она пятилась к нему, обнюхивала его пенис. А ведь она уже была на десятом месяце, поскольку через год принесла крупного слоненка. Случается, что самку во время течки сопровождают до десяти самцов. Слоны становятся раздражительными, часто режут и ворчат. У самцов наблюдаются обильные выделения из пениса, которые длятся по несколько дней.

Маньярские слоны практически не ухаживают. А как обстоят дела в других популяциях? Не знаю, но этолог Вольф-Дитрих Кюме наблюдал у африканских слонов полный комплекс «боев» перед самым совокуплением.

В Маньяре взаимоотношения самцов и самок носили исключительно временный характер. Ни один самец не имел постоянных связей с какой-то семейной группой или сообществом; более того, крупные самцы и не стремились к установлению таких связей. После совокупления самцы исчезали — их роль на этом кончалась. Они уходили куда глаза глядят в одиночку или с другими самцами, а малыши оставались на попечении самок. Общество самцов было непостоянным, текучим, без жесткой иерархии, которую можно было бы нарушить. Поэтому я считаю маловероятной гипотезу, по которой уничтожение крупных самцов приводит к росту показателя рождаемости.

При опасности каждый самец действует в основном сам по себе, а потому весьма удивительно, что самцы иногда помогают раненым собратьям так же, как самки защищают упавшего члена семейной группы. Среди охотников распространены легенды о том, что старого,

ослабевшего самца, отягощенного грузом слоновой кости, всегда опекает молодой (последнего называют *аскари*). Для проверки этой легенды я отправился на гору Марсабит, чтобы увидеть старого самца-гиганта Ахмеда (он умер в 1974 году в возрасте 55 лет). У Ахмеда были самые большие бивни из всех известных живых слонов. Вес каждого достигал 80 килограммов. Рассказывали, что рядом с ним всегда играют более молодые слоны, готовые прийти ему на помощь по первому зову. Однако за те несколько дней, что я наблюдал за ним на горе Марсабит, он жил совершенно один без всяких *аскари*. Смотритель Билл Вудли, а потом Питер Дженкинс, которые защищали его от браконьеров, говорили мне, что часто встречали его в сопровождении других слонов, самцов и самок, старых и молодых, но союзы эти носили случайный характер. Ни одного слона из сопровождавших Ахмеда, которого они прекрасно знали, нельзя было назвать *аскари*.

Их наблюдения подтверждают мои исследования поведения молодых самцов в Маньяре, а также более поздние выводы Гарвея Кроза о жизни некоторых самцов Серенгети. Вера в молодых *аскари*, защищающих старого самца, берет начало в рассказах о приключениях охотников, которые, приближаясь к старому слону, отягощенному грузом слоновой кости, часто подвергались атаке более молодого и активного самца, случайно оказавшегося рядом. Устрашающая атака — неотъемлемая часть защиты любого слона, и молодые самцы так поступают по личным соображениям, а не из альтруизма.

Парк Серенгети позволил мне впервые сравнить свои заметки о перемещениях слонов и структуре их общества с наблюдениями других ученых. Говард Болдуин переделал один из львиных ошейников на слона. Гарвей Кроз с радостью ухватился за возможность проследить за перемещениями одного из неуловимых слонов Серенгети, снискавших славу робких и одновременно агрессивных животных, не подпускавших к себе слишком близко. Мы провели операцию, которая прошла без сучка и задоринки. Майлс Тернер со своим крупнокалиберным ружьем разместился позади меня, чтобы обеспечить защиту в случае опасности, но мы быстро усыпили слона, а самки группы, в которую он

входил, сделали всего одну попытку поднять его. При нашем приближении они бросились прочь, и мы легко надели на слона оборудование для радиослежения.

Наутро мы с Говардом и Гарвеем сели в мой самолет, чтобы разыскать животное. Слон стоял рядом с семейной группой из десяти членов, входившей в более крупное сообщество. Пока мы кружили над ними, самки семьи, раздраженные шумом самолета, излили свой гнев на несчастного молодого самца, который, по-видимому, ждал момента занять свое место в плотном оборонительном кругу семьи. Самки все вместе напали на него и отогнали от безопасного убежища, к которому он стремился.

К сожалению, ошейник держался только четыре дня. Техника радиослежения, превосходно отработанная на земляных белках и гризли, оказалась недостаточно эффективной в условиях слоновьей жизни. Самец из Серенгети совершил более долгий и быстрый переход, чем маньярский слон за тот же период. Хотя в некоторых формах поведения и проглядывало сходство, но наблюдения были слишком поверхностными, чтобы оценить приемлемость маньярской социальной организации слонов для других условий.

К счастью, представился еще один шанс сравнить мою информацию с информацией из нового национального парка Тарангире, расположенного по другую сторону озера Маньяра. Чудесная дикая равнина с баобабами и массой слоновьих троп, куда было легко прилетать из вдальского лагеря. Поведение этих слонов оказалось куда сложнее, чем слонов Серенгети, и нам потребовалось около десяти дней, чтобы надеть радиоошейник на одного молодого самца из семейной группы, насчитывающей 11 особей. Я обнаруживал его 22 раза за три месяца, и каждый раз в одной и той же семейной группе. Он тоже являлся объектом таких же атак, как и самцы Маньяры и Серенгети. Рядом с его семейной группой всегда находилась еще одна группа из 12 животных, среди которых выделялась крупная самка без правого бивня. Иногда обе группы сливались; изредка они присоединялись к более крупным стадам, напоминающая маньярских слонов, временно объединившихся для еды. В общем, взаимоотношения этих двух групп были идентичны родственным отношениям маньярских сло-

нов как по перемещениям, так и по разделявшему их расстоянию.

Самцы в других районах выглядят столь же независимыми от групп самок и малышей, как и в Маньяре. Кое-где они образуют большие стада самцов: Иэн Паркер видел в Цаво группу из 144 животных. В отдельных местах наблюдается небольшое количество самок и малышей — там живут практически одни самцы. Например, в Серонере, в кратере Нгоронгоро, в некоторых районах парка Крюгера и Цаво. Если в какой-нибудь район приходит популяция слонов, то самцы осваивают территорию первыми.

Подводя итоги наблюдениям за социальным поведением слонов, надо сказать, что оно не содержит ни одного фактора, способствующего уменьшению рождаемости или росту смертности. Слоны живут в добром согласии, несмотря на высокую плотность. Однако следует учитывать возможность расширения их радиуса действия, если их поведение носит территориальный характер.

Глава XV

...КАК ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА

Как-то поздно вечером, за несколько месяцев до прекращения работы передатчика Радио-Роберта, мне встретились Боадичея, Леонора, Джезабель и их семейные группы к югу от реки Багайо, там, где обрыв почти упирается в озеро. Дорога проходит по белому песку пляжа, на который набегают пенистые щелочные воды. Животные решительным шагом направились вдоль дороги к плоской равнине Эндабаша, заросшей кустарником. Я ехал параллельно семейству километра три, затем обогнал его и вскоре наткнулся на большое стадо «диких» слонов Эндабаша, шедшее им навстречу. Вскоре оба стада должны были столкнуться лицом к лицу. Увы, день быстро угасал, и ночь наступила до их встречи.

Рано утром я отправился на поиски Радио-Роберта и других слонов. После получасового безрезультатного полета над Эндабашем я решил попытать счастья к се-

веру. Боясь пропустить сигнал, я вывел приемник на полную громкость, заложил вираж над долиной реки Мусасы, и крыло «Пайпер-Крузера» почти вертикально встало над ущельем. И тут же в уши ворвался электронный стрекот радиопередатчика. Звук был так силен, что пришлось сорвать с себя наушники. Я полетел вдоль ущелья и различил быстро идущих слонов: Леонору, Жизель, Тонкого Бивня, Радио-Роберта — все находились здесь.

Что они делали в этом месте? Согласно ритуалу их перемещений они должны были все утро питаться на берегах Эндабаша, а затем в полдень перебраться в болота устья Эндабаша. Быть может, Боадицея отступила перед эндабашскими «злюками», шедшими ей навстречу? Такая вероятность заставила меня с большей тщательностью исследовать территориальное поведение слонов.

Боадицея относится к активным матриархам и редко остается на одном месте более трех дней. Проходит со своим семейством километров пятнадцать на север или юг и снова останавливается. За месяц она обходит все свои владения, которые километра на три проникают в Граунд Уотер Форест у Мто-ва-Мбу на севере и простираются на юг до реки Эндабаш, которую ей случается пересекать, но она никогда не заходит дальше двух-трех километров. В ширину ее территория протянулась от берега озера до вершины обрыва. Но Боадицея ни разу не уходила в лес Маранг и не покидала границ парка. Единственной зоной, где ее группа рисковала столкнуться с враждебно настроенным человеком, было ущелье реки Мусасы.

Почему Боадицея не пользовалась всей территорией парка? Может быть, имелись зоны, куда ее не пускали другие слоны? Или она избегала пограничных зон, где могла встретить людей? Для ответа на эти вопросы необходимо было получить полную информацию о территориях других семейных групп и самцов, составлявших всю популяцию. Только тогда можно понять территориальное поведение слонов и роль леса Маранг.

Наше исследование перемещений слонов совпало с радиослежением за одной из семейных групп, состоящей из пугливых, но «диких» слонов, живших в районе Эндабаша. Я с трудом поддерживал связь с ними, лишь

иногда замечая массивные головы и слыша хруст ломающихся кустарников и ветвей при их бегстве. Предполагалось, что они могли обходными горными тропинками мигрировать через лес Маранг к большому соляному озеру Эяси. Я не смог снять ошейник с Радио-Роберта и стал умолять Гарвея Кроза отдать мне аппаратуру, присланную Говардом Болдуином, — близился мой отъезд из Маньяры для составления письменного отчета о работе. Он согласился. Он же помог мне и надеть ошейник, но мы столкнулись с массой трудностей. Слоны были столь же робки, сколь и опасны. Мы не могли допустить нападения на нас, а это сковывало наши действия. Такая ситуация никогда не возникала при работе с северными группами. Не ожидая, пока какая-нибудь эндабашская группа отправится на север, мы решили провести операцию на их территории. Но оказались побежденными. Правда, не животными, а разливом реки Эндабаш, которая перерезала дорогу и снесла машину на глубину во время переправы через нее. Последний свободный день Гарвей помогал мне извлечь машину со дна реки. Другая попытка обездвиживания сделала нас свидетелями необычайного происшествия. Нам удалось усыпить молодого самца, как вдруг какая-то самка из совершенно чужой семейной группы прогнала семью слоненка, попыталась поднять его, а после неудачи повернулась и уселась на него. Нет никаких объяснений столь ошеломляющему поведению, кроме одного: по-видимому, самка была наделена сверхсильным инстинктом защиты себе подобных.

В конце концов нашей до минимума сокращенной группе удалось завершить операцию. Мы с Орией, Мходжей и Сулейманом надели ошейник на молодую эндабашскую самку из семейного сообщества матриарха Джен Эйр. Опыт на самке проводился впервые, и решились мы на него только потому, что она отстала от группы. Такой оказией пренебрегать не следовало. Наконец-то появилась возможность проследить за одним из таинственных слонов Эндабаша с помощью радио. Мы сидели на самке и крепили ошейник, как вдруг с ужасом заметили бесшумно вернувшуюся Джен Эйр. Она нависла над нами всей своей массой, а ее загнутый к земле бивень придавал ей вид некоего гигантского грызуна, которого обуревали весьма недобрые намере-

ния. Я вскочил на ноги, развел в стороны руки и закричал. К счастью, Джен Эйр не очень стремилась к защите сородича, и мои действия напугали ее. Бесчувственная молодая самка осталась в нашем распоряжении. Такое поведение матриарха тоже вызывало удивление. Следовало ожидать, что она, как и прочие матриархи, будет с яростью защищать лежащего на земле члена семейства, особенно самку. Но как узнать, что творится в ее голове? Быть может, ее охватила паника от страха, что она стоит лицом к лицу со своим смертельным врагом? Быть может, связь между ними была не столь прочна, а такое часто случается в обществе слонов, где есть и млад и стар? Чем больше я узнавал слонов, пытаясь установить общие правила их поведения, тем чаще сталкивался с исключениями. Мы назвали молодую самку Радио-Эвелин — в честь одной из моих приятельниц, ставшей жертвой ее нападения несколькими месяцами раньше.

В то время в идальском лагере готовился семинар, на котором мне предстояло отчитаться властям национального парка. Подготовка к семинару требовала тщательного анализа наблюдений, и оставалось мало времени на Радио-Эвелин, «своего» слона в группе Джен Эйр. Удавалось лишь дважды в день устанавливать местонахождение группы. Я вылетал каждое утро и парил в потоках воздуха вдоль окрашенного зарей обрыва. Внизу среди зелени еще клубился туман, который с восходом солнца превращался в красно-золотое море. Обычно хватало 20 минут, чтобы взлететь, засечь нужную группу животных и снова приземлиться на полосе Идалы. После этого я весь день корпел над записями, подбирал цифровые данные, а вечером, когда солнце скрывалось за обрывом, зажигая огнем облачные громады над озером, совершал вечерний облет, чтобы отметить, куда ушли мои слоны.

Джен Эйр была куда менее активным матриархом, чем Боадицея. Почти все дни она бродила в зарослях Эндабаша, делая в день не более километра. Но ночью она обретала живость и совершала большие переходы, чем Боадицея. Любопытная инверсия суточной активности, связанная, по-видимому, со страхом перед человеком. Такой же пример перехода к ночному образу жизни наблюдался у львов парка Крюгера, когда был раз-

решен их отстрел. Как только отстрел запретили, хищники появились вновь на радость туристам. В некоторых парках, например в Уанки в Родезии, ночная деятельность слонов доминирует, хотя охота на них запрещена уже несколько лет. Должно быть, это результат наследственного опыта, передаваемого младшим от старших, которые ничего не забывают. Быть может, у Джен Эйр были неприятные встречи с колонистами и она нашла убежище в парке? За три месяца, которые я следил за ней, она явно избегала южных ферм и часто бродила у подножия обрыва, за которым начинался лес Маранг, как бы разведывая путь туда, где нет людей.

За все время Джен Эйр ни разу не покинула границ парка, но благодаря ей я познакомился со многими новыми слонами, которых иначе не увидел бы. Однажды утром я заметил громаднейшую самку с кривыми бивнями на краю обрыва у леса Маранг, высоко-высоко над парком. Левый бивень был особенно велик и загибался у самого основания. Удивительно, что он не сломался, поскольку мешал ее движениям. Ниже тропа упиралась в цирк с отвесными скалами, у подножия которых бродили Радио-Эвелин и Джен Эйр. Я не думал, что снова встречу ее, но в тот же вечер заметил ее на берегу Эндабаша. Она находилась в большом стаде из ста слонов — редкое зрелище в Маңьяре, и ни один из них не относился к числу моих знакомых.

Сомнений не оставалось: слоны могли проникать прямо в парк — у них вряд ли хватило бы времени, чтобы пересечь ферму итальянца.

Утром мы с Мходжей приехали к подножию обрыва. Лес Маранг тонул в облаках и тумане, а на наши головы и спины лился непрерывный дождь. Дважды нам казалось, что мы нашли искомую дорогу, но каждый раз утыкались в отвесные скалы или водопады, скрытые нависшими деревьями. Наконец мы пересекли густейшие заросли шалфея и наткнулись на сеть слоновьих троп, сливавшихся чуть дальше в одну широкую тропу, которая петлями поднималась все выше и выше меж громадных скал и обрывов. Похолодало, но дождь перестал. С обеих сторон высились деревья, покрытые лишайником. Мы достигли границы тумана, и, к нашей радости, уклон стал более пологим — мы вступили под своды больших деревьев. Мы шли по гребню в зеленом

лабиринте, вдоль которого тянулась самая большая из виденных мною слоновьих троп. От воздушного наблюдателя ее скрывала листва, хотя ширина тропы превышала 3 метра. Почва была утоптана тысячами слоновьих ног.

Отыскав эту дорогу, я взял себе за правило прятаться здесь и наблюдать за спускающимися и поднимающимися слонами. Эту границу пересекал непрерывный поток животных. Парк Маньяра вовсе не был замкнутой экологической системой. Теперь можно было предсказать последствия острейшего кризиса, если департамент вод и лесов изменит свою политику и разрешит отстрел слонов в лесу Маранг. Коль скоро слонов заставят искать убежища в парке, популяция последнего, и так самая плотная в Африке, удвоится.

Такая перспектива вновь заставила задуматься о важнейшей проблеме территориального поведения слонов. Если в парк явятся новые слоны, то как их встретят старожилы? Будут ли они защищать свое жизненное пространство и изгонять пришельцев? По окончании работы по радиослежению мне осталось собрать все данные о местах пребывания слонов и их перемещениях, сравнить площади, занимаемые каждой семейной группой, и отметить, как они перекрываются. Имелось 48 семейных групп и около 80 независимых самцов. Всех их я наблюдал четыре с половиной года более 5000 раз.

Территории сообществ значительно перекрывались. Слоны не дробили владения на мелкие кусочки, как это делают животные с территориальным поведением. Однако их территория не была и общей. Каждая семейная группа могла бродить в любом уголке парка, но многие отдавали предпочтение своим любимым местам. Боадицея держалась в основном в тридцатикилометровой зоне в центре парка. Радиослежение подтвердило контуры ее владений на карте, выполненной на основе визуальных наблюдений.

Джен Эйр проводила больше времени на юге, однако ее территория заходила на территорию Боадицеи. Другие группы не покидали Граунд Уотер Форест, ограничивая свои перемещения меньшей площадью. Большинство семей обходило свои владения за месяц, но в засушливый сезон слоны, чья территория приходилась на древесную саванну с акациями тортились, чаще оста-

вались в лесах и болотах севера и юга. Прослеживался как бы континуум владений с севера на юг — каждое из них имело площадь шириной 3—4,5 километра от берега озера до ферм над обрывом и длиной от 4 до 22 километров вдоль озера.

Подсчеты с воздуха показали, что группы не разделялись, а стремились сблизиться, и это не случайно. Анализ их распределения и перекрытия земель на карте Маньяры с сеткой в четверть километра показал, что в среднем вся популяция занимала лишь 7% клеток. Все это еще ярче подтверждалось на примере Серенгети, где можно лететь несколько часов и не увидеть ни одного слона, а потом найти 10—15 семейных групп на площади всего в три квадратных километра.

Меня заинтриговала громадная разница в размерах и расположении территорий. Семейные группы Афродиты и Ори жили на самом севере парка и никогда не уходили на юг. Группа Ори владела самой маленькой территорией и ни разу не покинула пределы «своих» 14 квадратных километров. Почему она не стремилась в разреженный лес, чтобы полакомиться множеством вкусных растений? Тайна. Ее владения заходили на территорию 28 семейных групп, но занимали лишь шестую часть парка.

Семейные группы Афродиты и Ори отличались также и тем, что редко бывали в обществе других групп. Но так как наблюдения велись в густейшем лесу при плохой видимости, быть может, осталась незамеченной и какая-нибудь родственная им группа. Но меня волновал вопрос, сознательно ли они избегали других слонов и не по этой ли причине предпочитали маленькие владения около *машамба* (ферм) Мто-ва-Мбу. Однако в те редкие моменты, когда я их наблюдал вместе с другими слонами, ничто в их поведении не подтверждало этой гипотезы. У слонов не ощущалось никакой вражды, вызванной территориальным поведением.

Даже опасные сестры Торон во время своих экскурсий на север прекрасно сосуществовали с мирными семьями, встреченными по дороге. Однажды в сумерках я заметил сестер Торон во главе семейной группы из 30 голов, когда они переходили открытое пространство между рукавами в дельте Мусасы. Они прошли мимо других семейных групп без всякого рева, шума и ка-

ких-либо угроз. Наутро вместе со встреченным стадом они пили и искали пропитание. Этот пример еще раз подтверждает, что отдельный слон или семейная группа в новом районе просто присоединяются к живущим там группам и не проявляют никаких признаков территориального поведения.

Скорее всего, если слоны и оказывают какое-либо воздействие на перемещения своих сородичей, то больше притягивая, чем отталкивая их. Однако тайной остается самоограничение семей Афродиты и Ори в перемещениях. Если они не избегают других слонов, то почему остаются на крохотном клочке леса? Быть может, причина кроется в консервативных привычках слонов, свывшихся с данной территорией? А может, раньше территория Афродиты и Ори лежала там, где сейчас находится деревня Мто-ва-Мбу? Они по крайней мере упорно продолжали устраивать ночные набеги на банановые плантации и лакомились новыми для них плодами. Ущерб от этих экспедиций был так велик, что стала страдать репутация парка.

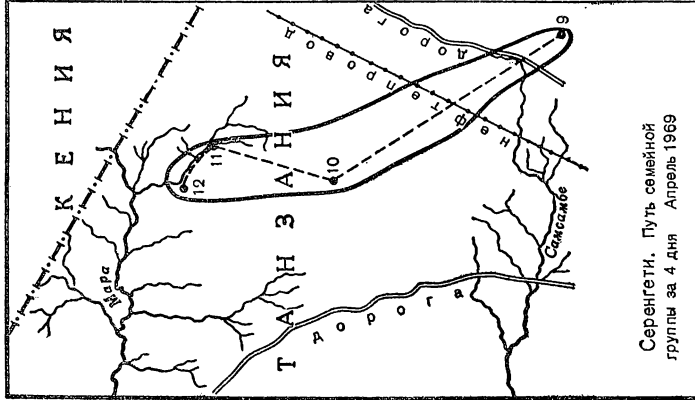
Кроме истребления существовал лишь один метод, позволявший уменьшить вражду к слонам, которые разоряли плантации жителей деревни и уничтожали урожаи. Несколько лет Вези экспериментировал с электрифицированной оградой вдоль границ небольшого национального парка Нгурдото (теперь парк Аруша). По стандартной изгороди пропускался обычный ток, и слоны боялись ее касаться. Джонатан Муханга, главный смотритель парка, установил такую же ограду в Маньяре для защиты деревни Мто-ва-Мбу, но ее так часто ломали, что пришлось отказаться от нее. Чтобы изучить реакцию слонов, когда они подходят к барьеру, я натянул электрифицированную проволоку на одном участке разреженного леса. Первая группа заметила проволоку на расстоянии десятка метров и осторожно подошла, чтобы исследовать ее. Молоденькая самочка кончиком хобота коснулась ее и взвизгнула от боли и удивления. Тогда ее коснулась матриарх, получила удар, взревела от ярости и сорвала барьер, унеся проволоку на бивнях метров на сто.

Дэвид Стивенс Бабу, молодой энергичный человек, сменил на посту Джонатана Мухангу. Первым делом Дэвид залатал все прорехи в электрифицированной ограде

и организовал ежедневное патрулирование вдоль нее от дороги, ведущей в парк, до Мто-ва-Мбу. Ограда проходила вдоль главной дороги и спускалась почти до самого берега озера. Бóльшая часть ее находилась на берегу реки Кирурум, естественной границы между парком и деревней. Слоны и другие животные переходили реку и оказывались перед оградой совершенно мокрыми. А потому получали ужасный удар, хотя напряжение не превышало стандарта для электрифицированных оград. Так как Дэвид упорно заделывал бреши, все больше слонов парка соображало, чем пахнет прикосновение к проволоке, так как умели наблюдать и имитировать осторожное поведение тех, кто уже получил удар. Ограда стала эффективным средством защиты не только против слонов, но и против буйволов, носорогов, гиппопотамов.

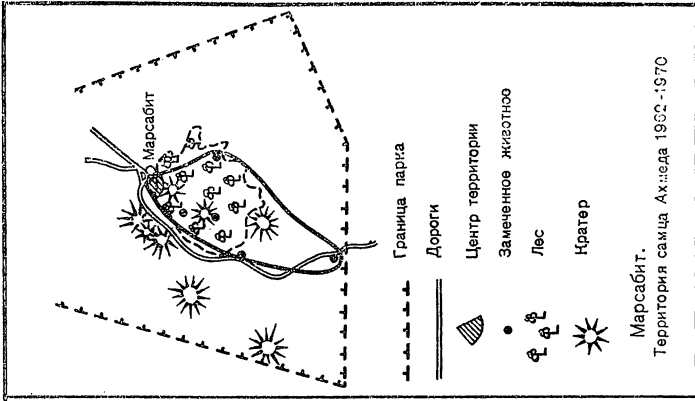
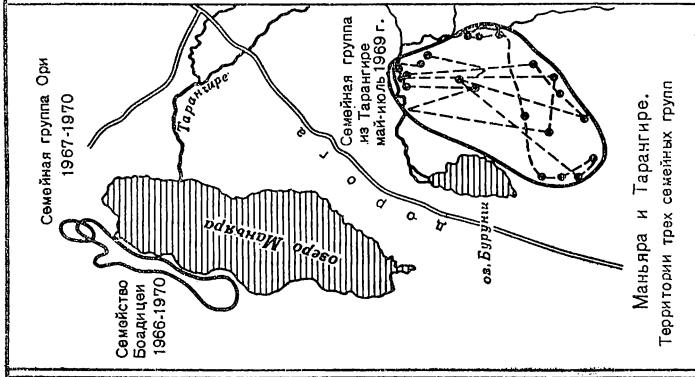
Как только маньярские слоны на собственной шкуре ощутили неприятные особенности ограды, они стали избегать ее, как чумы. Вспоминаю об одной полнолунной ночи, когда Дэвид Стивенс Бабу пытался изгнать слонов с ферм, чтобы предотвратить ущерб, после которого жители деревни потребуют от нас расправы с ними. Мы хорошо видели слонов среди маиса с запретной для них стороны дороги. Мы бесшумно подобралась к ним и запустили петарду, которая взорвалась с оглушительным треском. Слоны бросились наутек и пересекли дорогу в поисках укрытия в Граунд Уотер Форест, который начинался сразу за пей. Но путь им преграждала электрифицированная ограда. Тогда они побежали вдоль нее к входу в парк и только там скрылись в густых зарослях. Слоны прекрасно знали, что такое ограда, и не хотели дотрагиваться до нее.

Конечно, неприятно ограничивать передвижение слонов таким образом, но это делалось для их же блага. Увы, семейная группа Афродиты привыкла почти каждый вечер обходить ограду и лакомиться бананами деревенского старосты. Под давлением общественного мнения Дэвид Стивенс Бабу скрепя сердце согласился ради успокоения страстей на отстрел одного слона. Так как одному слону предстояло умереть, я решил провести операцию сам, чтобы избежать риска гибели матриарха. Моей жертвой стал молодой самец из семьи Афродиты. Это единственный слон, которого я убил. Когда на моих



Серенгети. Путь семейной группы за 4 дня Апрель 1969

Минимальное жизненное пространство отдельных слонов или семейных групп в четырех районах Танзании и Кении, приведенных к единому масштабу



глазах этот великолепный организм рухнул на землю и покатился по отвесному склону, словно бумажный мешок с отрубями, я невольно спросил себя, как можно убивать ради удовольствия.

Добрые взаимоотношения с населением — один из основных принципов политики парков, но иногда с трудом удается убедить пострадавших жителей деревни в том, что дикая фауна — национальное богатство страны. Каждый год происходят несчастные случаи, но официальные власти об этом умалчивают. Там бегемот перекусил надвое рыбака; там раненый буйвол распорол живот крестьянину — он преследовал его до самого дома, высадил дверь и убил его; а там носорог проткнул рогом женщину на главной дороге. Дэвид должен был успокаивать население и уничтожать виновных животных. А какая поднялась паника, когда львы съели трех человек, от которых остались лишь конечности и головы! Около четвертой жертвы Дэвид организовал засаду. Лев вернулся к добыче и получил пулю. Утром оказалось, что это молодой самец Сатима.

По сравнению с другими районами владения маньярских слонов выглядели крохотными.

Территория слона, за которым провели радиослежение в Тарангире, равнялась 325 квадратным километрам, то есть в 6 раз превышала владения Боадицеи и в 23 раза — территорию семьи Ори. Самец из Серенгети носил радиоошейник до выхода последнего из строя четыре дня; за это время он прошел 56 километров, что вдвое превышало длину территории слона из Тарангире. Очень трудно рассчитать размеры его владений, исходя из столь скудной информации, но Гарвей Кроз, совершавший ежемесячные полеты для уточнения распределения групп слонов в парке, считает, что владения слонов Серенгети достигают 2500 квадратных километров. Доктор Уолтер Летхольд, который проводит долгосрочную программу радиослежения в национальном парке Цаво, сообщил мне, что владения некоторых слонов распространяются на 3000 квадратных километров и в ширину достигают 130 километров. Во всяком случае, территория слонов Цаво в 160 раз превышает территорию семьи Ори и в 43 раза — владения Боадицеи. По этим цифрам можно представить себе, насколько велика приспособляемость слонов к окружающей среде.

Несомненно одно: территории слонов Маньяры были бы обширнее, не будь постоянного давления человека на границах парка. Однако слонам пока вполне хватает пищи, и они не стремятся расширить свои владения. Наибольшей угрозой их существованию являются все более расширяющиеся сельскохозяйственные угодья, которые препятствуют распространению слонов в случае нарушения экологического цикла. Стоит слонам вернуться на свои бывшие территории, как они тут же войдут в конфликт с человеком.

Электрифицированная ограда охраняла слонов от людей, а урожай — от слонов, но только вдоль границы парка с деревней; в других местах к самым границам парка, не имеющим спасительной ограды, подступало настоящее море ферм. У меня в памяти остался инцидент, хорошо иллюстрирующий участь слонов, которые переходят границу и лакомятся посевами.

Однажды, разыскивая Радио-Эвелин, я заметил над обрывом мертвого слона, которого разделявали люди в лохмотьях с помощью топоров и *панга*. Я спикировал на них, они бросились на землю, а потом разбежались по кустам, но мне было трудно определить, находились ли они в границах парка, которые плохо различались в этом месте, где противопожарная полоса давно заросла. Я развернул самолет, нырнул в восходящие потоки воздуха и на полной скорости зашел на посадку. «Лендровер» стоял у полосы. Я заскочил в дом за Орией, ружьем, Мходжей, фотоаппаратами, и мы понеслись к подножию обрыва, туда, где лежал труп слона. Ория была на последнем месяце беременности, но ей удалось вскарабкаться по крутым тропкам, протоптанным слонами в колючем кустарнике, шипы которого нещадно царапали и кололи нас. Когда мы оказались на вершине, утро было в разгаре. Я послал Мходжу и Питера вперед, чтобы те перехватили браконьеров. Ория очень устала, но мы упорно продолжали свой трудный путь и вскоре подошли к Мходже, который стоял, опершись о муравейник, с ружьем меж ног и созерцал печальный спектакль. Человек двадцать вамбулу окружали тушу молодого самца. Бивни, уши и хобот были уже обрублены. Внутренности расплзлись по всему склону, а вокруг туши стояли большие лужи крови.

— Почему ты их не задержал? — спросил я.

— Его убил егерь.

Мходжа указал на худого высокого человека в свитере и шортах цвета хаки. На его голове красовался красный берет с медным значком с изображением буйвола. Столбик, указывающий границу парка, находился метрах в двухстах позади нас. Скорее всего этот самец и другие слоны разоряли посевы уже несколько дней. Егерь приехал на велосипеде из Карату и устроил засаду, чтобы принести «ритуальную жертву», которая временно успокоит владельцев *шамба* и на несколько недель отведит от посевов слонов, напуганных смертью одного из сородичей. Когда пуля настигла самца, он тут же развернулся к парку, зная, где искать убежище, но вернуться в безопасное место не успел.

Все произошло по закону. Среди вамбулу царило праздничное оживление. Одни толпились вокруг, чтобы получить свою долю мяса. Старик, чьи владения подверглись набегу, отрезал огромные куски и раздавал их другим. Нам тоже подарили метровый кус мяса. Разделка начиналась с висков животного, и уже кто-то жарил на костре эти куски, на которых еще держались ресницы и один глаз. Люди выглядели дикарями и говорили на кушитском диалекте. Их язык звучал так непривычно, что жители Мто-ва-Мбу, говорившие на суахили, называли их вамбулу — «шептуны». Сами себя они называли иракуа.

Я не впервые видел, как люди, которым не хватает животных белков, разделяют слона из парка, но этот инцидент показывал, как родилась проблема маньярских слонов. По возвращении в лагерь я достал аэрофотоснимки 1958 года и разыскал место, где молодой самец и его сородичи поедали посевы. На фотографиях не было ни человеческого жилья, ни полей. Фермеры-вамбулу поселились у границ парка в последние десять лет. Ущерб от слонов пока еще сдерживал их распространение, но проблема посевных площадей становилась все острее, и они, конечно, в ближайшие десять лет вплотную подойдут к границам парка. Под растущим давлением демографического взрыва может стать нежелательным и сам парк. И коль скоро окружающее население не будет получать от парка никаких выгод, трудно будет доказать необходимость его существования.

СЛОНЫ И СМЕРТЬ

Для меня смерть слона — одно из самых печальных событий. В день нашей неожиданной встречи с четвертой сестрой Торон в ндальском лесу она выглядела воплощением бьющей через край жизни. За несколько десятилетий она превратилась в великолепный экземпляр, наделенный недюжинным умом. Ради защиты своих родных она атаковала нас с Мходжей, словно броненосец. А секундой позже, когда стрелка на часах совершила едва заметный скачок, смертоносный свинец разорвал живую ткань и превратил слониху в гигантскую грудку безжизненной плоти с маленьким отверстием в голове, откуда струйкой бежала кровь.

Для статистика смерть лишь цифра, указывающая на динамику популяции, и причины смерти анализируются только ради уточнения ее относительного значения. Для слона, как и для человека, смерть приобретает иное значение, поскольку она оказывает влияние на поведение живых. Они объединены крепкими семейными узами и прилагают максимальные усилия, чтобы помочь больным или умирающим родичам.

Многие ученые-зоологи, в том числе и Чарлз Дарвин, считали, что животные испытывают сильные эмоции. Не сомневаюсь, что, когда умирает слон, остальные испытывают чувство, которое мы называем грустью. Увы, наука пока не может измерять или просто определять эмоции у человека, а о животных и говорить нечего.

Слоны не прекращают попыток помочь собрату и после его смерти. Однажды, когда мы с Мходжей искали новые дороги в лес Маранг, мы услышали крики попавшего в беду слоненка где-то на высоте двухсот-трехсот метров на склоне эндабашского обрыва. Они доносились слева; мы осторожно подобралась по крутым склонам к тому месту, откуда доносились крики. Сквозь густую листву виднелась голова самки, лежащей в неудобной позе на земле. Глаз ее был открыт, но она не шевелилась. Передо мной высилось дерево, и я взобрался на него.

Моим глазам открылась печальная картина. Взрос-

лая самка лежала на боку, ее задняя нога застряла между скалой и толстым деревом. Голова откинулась назад под невероятным углом. Она была мертва. Рядом стояли три слоненка разных размеров. Самый старший постанывал и изредка издавал протяжные крики. Второй стоял неподвижно, уткнувшись головой в тело матери. Самый маленький слоненок, ему еще не было и года, делал жалкие попытки сосать мать. Потом старший опустился на колени и стал подталкивать головой и крохотными бивнями труп, тщетно пытаясь сдвинуть его. Я наблюдал за ними четверть часа. Потом порыв ветра донес до них мой запах, и они медленно удалились.

Я подошел к трупу. Он еще был теплый, и мухи пока не завладели им. Значит, трагедия случилась совсем недавно. При падении слониха сломала несколько деревьев и вывернула из земли крупные камни. Мы взобрались по склону метров сто тридцать, до точки, где остались следы ее последних шагов. Она ступила в яму, прикрытую зеленью, потеряла равновесие, скатилась вниз, ни за что не зацепившись, и осталась лежать неподвижно. Слонята с большим трудом отыскивали ее, совершив дальний обход из-за крайне неудобной местности. Они, казалось, не понимали, что она мертва, но чувствовали что-то неладное, а быть может, и не верили в необратимый характер ее смерти.

Гарвей Кроз и его приятель-фотограф видели в Серенгети, как умирала старая самка среди семейной группы. Она агонизировала почти весь день в прекрасном уголке, изрезанном долинами, где мы обездвжили молодого самца. Вначале Гарвей заметил, что она с трудом плелась за группой; когда слониха упала, все окружили ее, вложили по очереди кончик хобота ей в рот и подтолкнули, пытаясь поднять. Больше всех прилагал усилия самец, случайно оказавшийся с самками и малышами; несколько раз он отгонял других и в одиночку помогал агонизировавшему животному. Слониха умерла среди родных, и они несколько часов оставались около нее. Самец, чьи усилия оказались бесполезными, показал пример совершенно уникального поведения. Он взгромоздился на мертвую самку, словно хотел совокупиться с ней, а затем вместе со всеми удалился. И только одна самка, по-видимому имевшая с умершей

слоником особо тесные связи, задержалась надолго и нехотя ушла лишь с наступлением ночи.

Билл Вудли, смотритель национального парка Абердэр в Кении, оказался свидетелем еще более поразительной привязанности к мертвому животному. Самки и малыши защищали труп убитой молодой самки трое суток. Удивительный рассказ приводит Ренни Бер в своей книге «Африканский слон». Мать не бросала разлагающийся труп своего новорожденного слоненка и несколько дней несла его на бивнях. Насколько мне известно, только самки бабуинов таскают по неделе и более труп своего детеныша.

Такая реакция на безжизненное тело помогает спасти тех слонов, которые просто потеряли сознание. Спасители заинтересованы в выздоровлении больного животного, которое снова начинает играть отведенную ему роль в семейной группе. Оно опять занимается воспитанием и совместной защитой молодых, а если это матриарх, то она остается главой и в трудные минуты всю семью выручает накопленный ею опыт. Зоологу, воспитанному на традициях естественного отбора, ничего не остается, как объяснять внешне альтруистическое поведение спасителя последующими выгодами для него; если какое-то животное пытается спасти другое, его поведение можно объяснить стремлением сохранить соплеменника, то есть животного той же крови и с той же наследственностью. Труднее найти разумное объяснение невероятному, почти магическому влиянию на слонов даже совсем разложившихся трупов.

После десяти дней гниения под акациями древесной саванны четвертая сестра Торон превратилась в черную полость, обтянутую кожей, сквозь которую торчали кости. Ноги были объедены гиенами. Я каждый день отмечал, с какой скоростью происходит процесс разложения. После дождей процесс пошел быстрее, и через несколько недель почерневшие волокна, бывшие ранее содержимым ее желудка, должны были скрыться под травой и кустами.

Утром десятого дня в разреженный лес Ндалы явились южные слоны. Какова будет их реакция на труп слона? Я поставил «лендровер» неподалеку от останков и стал выжидать. Через некоторое время появилась матриарх Клитемнестра со своей семьей. Это были сви-

репные жители юга, и их владения во многих местах переходили во владения сестер Торон. Клитемнестра, конечно, знала четвертую сестру Торон. Заметив мою машину, она развернула уши и косо глянула в мою сторону, а затем спокойно продолжила свой путь. Я знал ее четыре года, и за это время она стала заметно терпимее относиться к машинам. Слоны, за исключением непримиримых сестер Торон и некоторых других, свыклись с туристским бумом и все бóльшим количеством автомашин, появлявшихся даже в самых диких уголках парка. Клитемнестра сделала еще несколько шагов, и вдруг ветер донес до нее запах трупа. Она развернулась, вытянула хобот, словно копье, расставила уши, как два больших щита, и двинулась прямо на запах, похожая на некий средневековый снаряд. За ней двигались три другие самки; все, с беспокойством подняв головы, окружили труп. Вначале они осторожно принюхались, поводя хоботами. Затем прошлись вдоль тела, трогая и исследуя каждую торчащую кость. Бивни вызвали особый интерес. Самки поднимали их куски, повертели и бросили. Все это время они знали о моем присутствии. Еще ни разу они не стояли так близко ко мне. Вдруг одна из молодых самок сделала два шага в мою сторону и с гневом потрянула головой; остальные переняли ее построение. Они приняты несколько неубедительно угрожающих поз и удалились. Я пожалел, что устроился так близко от трупа; думаю, не будь меня здесь, они еще долго занимались бы исследованием останков.

Часто рассказывают о кладбищах слонов, о месте, куда они приходят умирать. Но сей миф не соответствует действительности. Мне приходилось находить трупы слонов на всей территории парка. Также ходили слухи, что слонов очень интересуют трупы их сородичей; очередная сказка, подумал я и выбросил это из головы. Однако теперь, увидев собственными глазами поведение слонов, стал разыскивать серьезные свидетельства и первое подтверждение нашел у Дэвида Шелдрика. В 1957 году он писал о Цаво:

«По-видимому, можно считать доказанной странную привычку слонов таскать бивни своих умерших товарищей. В Восточном Цаво хранитель собрал большое количество бивней слонов, умерших как от стрел, так и естест-

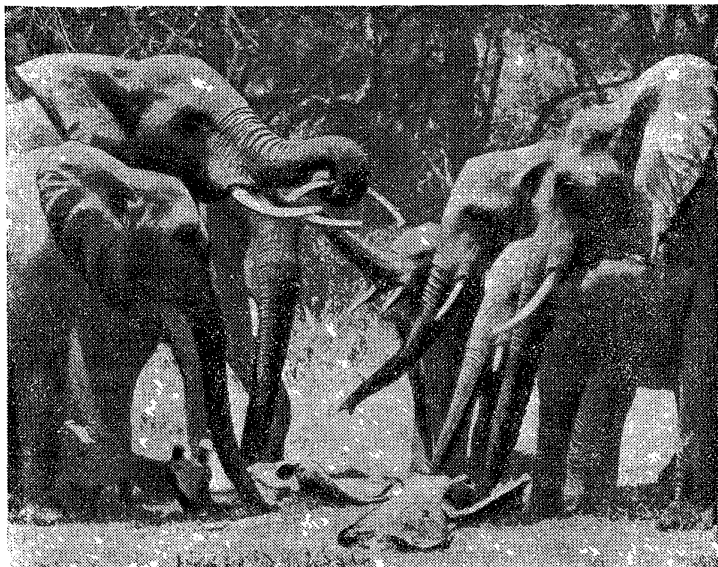
венной смертью. В большинстве случаев их находили в семистах-восьмистах метрах от трупа. В других случаях их разбивали о скалы или деревья. Может ли гиена оттащить в сторону бивень, весящий иногда до 50 килограммов, и зачем ей это делать? Отсутствие меток зубов и разбитые бивни заставляют думать, что в виновники можно зачислить слонов».

Алан Мурхед привел высказывания Дэвида Шелдрика в «Санди Таймс», но позже Ричард Кэррингтон утверждал в своей книге «Слоны», что это всего-навсего африканская сказка... и в основе ее лежат племенные легенды, а свидетелей такого поведения слонов нет. Однако факты продолжали накапливаться. Например, вот что наблюдали в 1958 году в одном национальном парке Уганды:

«Около Параяа пришлось убить слона с серьезным ранением передней ноги. Тут же к трупу подошли два слона. Они медленно обошли вокруг трупа, тщательно обследуя его кончиком хобота, но не касаясь убитого животного. Затем один из них предпринял несколько тщетных попыток извлечь бивни».

Поведение Клитемнестры и многие другие факты убедили меня в необходимости провести простейший опыт и проверить, действительно ли живые слоны проявляют особый интерес к костям мертвых собратьев. Увиденное вряд ли относилось к случайностям. Найдя останки слона, я перевез кожу, бивни и кости к водоемам реки Ндала, куда на водопой ходило множество семейных групп. В большинстве случаев, найдя кости, слоны приходили в сильнейшее возбуждение: задирали хвосты, разводили уши в стороны, толпились вокруг, занимались подробным изучением находки, поднимали одни кости и переворачивали ногой другие. Обычно они образовывали столь плотный круг, что не было видно, чем они занимались, только изредка над их головами вздымалась какая-нибудь кость. Реакция шести групп из восьми, прошедших мимо костей около реки, еще больше усугубила тайну поведения тех двух групп, которые не обратили внимания на кости, словно их и не существовало.

Позже, во время съемок телефильма о жизни слонов Мапьяры, мы провели сходный опыт в разреженном лесу Ндалы. На этот раз решили разложить



Группа Боадицеи возбужденно обследует останки своего сородича

кости на одной из самых оживленных троп, а киногруппа спряталась с подветренной стороны, откуда с помощью телеобъектива можно было снять всю сцену, не тревожа слонов. Я использовал останки самца, убитого в южной части парка во время его набега на кукурузное поле. Минут через двадцать появилась большая группа самок и малышей под предводительством сурового матриарха — это были Боадицея и ее семейство. Вначале казалось, что группа пройдет мимо, ничего не заметив. Затем дуновение ветерка донесло до слонов запах трупa. Семейная группа разом повернула, и все осторожно, но решительно окружили труп. Первый ряд, став плечом к плечу, подошел к останкам вплотную. Десять извивающихся хоботов, похожих на черных разгневанных змей, поднимались и опускались, уши беспокойно шевелились. Каждый слон, казалось, стремился первым коснуться костей. Затем они приступили к тщательному обнюхиванию. Некоторые кости они тихонько передвигали кончиком ноги. Кости стучались

друг о друга, словно деревянные. Особое внимание привлекли бивни; слоны поднимали их, брали в рот и передавали друг другу. Юный самец ухватил хоботом тяжеленный тазовый пояс и протащил его метров пятьдесят, а потом бросил. По очереди они перекатывали череп. Вначале к скелету могли подойти лишь самые крупные животные. Боаница приблизилась позже других; растолкав всех, она пробилась в центр, подобрала один бивень, покрутила с минуту или две, а потом унесла во рту. За ней двинулись остальные. Многие слоны тащили во рту кости, которые побросали метров через сто. Вирго ушла последней. Заметив меня, она подошла, держа во рту ребро, покачала хоботом и удалилась. Слоны, уходящие вместе с костями, напоминали некроманов, собирающихся на какую-то церемонию, и производили странное впечатление.

Джордж Адамсон в своей книге «Бвана Гейм» («Господин дичи») приводит любопытный вариант отношения слонов к останкам. Ему пришлось убить слона, входившего в группу самцов, когда он преследовал человека с явным намерением убить его. Разрешив местным жителям забрать столько мяса, сколько им надо, Адамсон перевез останки на километр от места происшествия. В ту же ночь слоны нанесли визит трупу, подобрали лопатку и берцовую кость и перенесли точно на место смерти животного. Трудно сказать, были ли это его вчерашние компаньоны, но если перенос костей на место смерти не случайность, он, по-видимому, имеет значение для слонов.

Наблюдения Иэна Паркера еще раз подтвердили, что слоны умеют находить место смерти сородича, даже если его останки были перенесены в другое место. Однажды, когда Паркер с самолета гнал небольшую семейную группу, предназначенную для кроппинга, на охотников, они вдруг повернули и подошли к месту, где земля казалась выгоревшей. Паркер вспомнил, что это были останки слона, которого он «ликвидировал» три недели назад. Хотя слонов беспокоило присутствие самолета, они остановились и несколько минут хоботами исследовали это место, а затем двинулись навстречу своей судьбе.

Наряду с привычкой обнюхивать и переносить кости вызывает удивление и поведение слонов, которые

запимаются «похоронами». Мне не довелось видеть «похорон», но существует множество рассказов достойных доверия наблюдателей, так что подобное поведение можно принять за достоверный факт. Слоны хоронят умерших, а случается и живых, даже если это не их собратья. Приведу несколько примеров.

Джордж Адамсон рассказывает о происшествии с одной старой женщиной из племени туркана, которую он знал лично. Слоны похоронили ее заживо. Однажды вечером она с сыном возвращалась домой. Сын ее задержался, а ей велел идти дальше. Полуслепая старуха вскоре заблудилась. После захода солнца она легла под деревом и уснула. Через несколько часов ее разбудил слон, который стоял рядом и водил хоботом вдоль ее тела. Она застыла, оцепенев от страха. Вскоре подошли другие слоны и набросали на нее груды ветвей с соседних деревьев. Старуху нашли наутро: слабые крики женщины услышал пастух и освободил ее из-под веток.

Профессор Гржимек приводит четыре рассказа о слонах, самцах и самках, которые накрывали растениями или землей убитых ими людей. «Героем» самого любопытного из этих случаев был один самец. Произошло это в 1936 году в национальном парке Альберт (ныне Вирунга). Некий турист с фотоаппаратом подошел к одному самцу, несмотря на неоднократные предупреждения, что это животное чрезвычайно опасно. Турист же проявил упрямство, и слон напал на него. К несчастью, человек хромал и не успел убежать. Служащему парка удалось заснять момент, когда он повернулся, чтобы броситься прочь. Слон догнал человека и хоботом сбил его с ног. Свидетели происшествия утверждают, что он умер, еще не коснувшись земли. Но слон для большей верности опустил на колени и ударом бивня под лопатку пронзил тело. Когда люди вернулись на место трагедии, тело туриста было прикрыто растениями. Мне посчастливилось встретить профессора Л. Ван ден Берга, который отомстил за смерть туриста, выследив и застрелив животное-убийцу. Выяснилось, что причиной агрессивного характера слона была глубокая загноившаяся рана на голове, по-видимому, от пули.

Но слоны хоронят не только трупы людей. В отчете

1956 года одного из кенийских парков описывается случай с трупом носорога, которого, судя по окружающим его следам, слоны тащили за собой какое-то время, а затем прикрыли травой и ветками.

Еще один исследователь, Джордж Шаллер, рассказывает в книге «Олень и тигр» о сходном поведении индийского слона. Шаллер привязал к дереву буйвола в качестве приманки для тигров. Тигрица убила жертву и со стороны принялась наблюдать за пиршеством тигрят. Вскоре из зарослей появился слон. Тигрята убежали, а слон наломал веток и прикрыл ими останки буйвола.

Существуют рассказы и о похоронах слонами своих сородичей. Майлс Тернер некогда был профессиональным охотником. Во время одного сафари его клиент убил крупного самца, входившего в группу из шести животных. Живые слоны тут же окружили убитого. Майлс сказал, что через несколько часов слоны разойдутся, и предложил отойти подальше и перекусить. Когда они вернулись, около трупа находился только один самец. Охотники отогнали его. Подойдя к трупу, они с удивлением увидели, что рана залеплена грязью, а туша засыпана землей и листьями.

Ирвин Басс, один из первых ученых, занимавшихся экологией слонов, наблюдал сходный факт в Уганде, но здесь героями оказались самки и малыши. Ему надо было обездвигить слона и закрепить на нем радиопередатчик. Операция не удалась, но зато он сделал ценные наблюдения. Для первой же выбранной самки доза оказалась слишком большой. Остальные члены группы образовали защитную когорту и не подпустили его к животному, которое умерло, поскольку он не смог ввести ей противоядие. Матриарх группы увела слонов, а затем вернулась и накрыла погибшую слониху ветвями и травой.

В заключение приведу рассказ этолога Вольф-Дитриха Куме, наблюдавшего за африканскими слонами в зоопарке Кроненбурга, в Германии. Когда самец становился агрессивным, он начинал бросать через ограду в ученого солому и разные предметы. Однажды Куме улегся на землю по другую сторону ограды. И слон сбросил столько соломы, что полностью накрыл ею лежащего человека.

Несмотря на отрывочность и кажущуюся неправдоподобность этих свидетельств, несомненно одно: у слонов действительно проявляется интерес к трупам своих собратьев, даже если на месте смерти сохраняется лишь запах. Можно только догадываться о значении для выживания вида столь невероятного поведения. Видимо, исследование запаха позволяет слонам узнать, как животное умерло, а это может иметь определенную ценность, но пока мы не выходим за рамки чистых домыслов.

Не знаю, по каким причинам слоны таскают за собой кости. Совершенно непонятным остается смысл особого внимания к бивням, которое мы подметили вместе с Симоном Тревором; конечно, по сравнению с другими частями тела бивни остаются неизменными и после смерти, и, наверное, эта изогнутая слоновая кость имеет какую-то ценность символа. Что касается «похорон», здесь тоже нет никаких достоверных сведений. Следует поставить не один опыт, чтобы выяснить стимулы и причины такого поведения. Эти явления требуют экспериментальных исследований. Мало кого удовлетворит утверждение, что слон обладает «чувством смерти».

Как бы таинственны и увлекательны ни были эти типы поведения, сама смерть с точки зрения экологии носит лишь статистический характер. В частности, мы ищем ответ на вопрос о факторах, регулирующих размер популяции. Удалось доказать, что уровень рождаемости неизменен, но колебания количества слонов в парке, столь важные для будущего последнего, зависели в равной мере от иммиграции, эмиграции и уровня смертности.

В семейных группах наблюдались случаи как смерти, так и рождения. Если животное исчезало и больше не появлялось, я считал его мертвым, даже не найдя трупа. К семинару в Ндале необходимо было составить полный список умерших слонов, чтобы сообщить коллегам, в какой зависимости эволюция популяции находится от смертности и рождаемости с учетом прихода и ухода слонов из парка.

Меня также занимало относительное значение тех или иных причин смерти слонов. Эту проблему редко затрагивают при изучении диких животных. Существо-

ющие цифры говорят лишь о слонах, убитых охотниками ради удовольствия, слоновой кости или мяса, а также при защите посевов. Нет статистических данных по смерти слонов от болезней. Зарегистрированы случаи карбункулеза, бешенства и атеросклероза, а в учебниках по уходу за одомашненными слонами, написанных индийскими и бирманскими ветеринарами, перечисляется такое количество болезней, что огромные слоны выглядят животными с весьма хрупким здоровьем. Старая самка, которая умерла на глазах Гарвея Кроза в Серенгети, имела стрептококковое поражение слизистых оболочек.

В Маньяре я нашел 57 трупов слонов на различных стадиях разложения. Некоторые трупы я заметил с воздуха или наблюдая за грифами, о других мне сообщили смотрители или гиды. К несчастью, многие из этих останков разложились настолько, что невозможно было установить причину смерти или опознать их; иногда же причины гибели были явными. Определенная часть приходилась на несчастные случаи; кроме самки, упавшей с обрыва, в мой список попал самец, увязший в одном из болот Граунд Уотер Форест. Вытащить его было невозможно, и смотритель парка пристрелил его. По другую сторону озера, в национальном парке Тарангире, другой самец нашел смерть под баобабом, упавшим на него, когда тот объедал листья. Это довольно частая причина смерти в районах, где слоны трясут стволы этих громадных деревьев, вонзая в них бивни. Если слон доживает до преклонного возраста, его губит полный износ или кариес зубов. Когда шесть коренные зубы истираются до корней (я наблюдал такое у одной старой самки), слон уже не может жевать совершенно необходимые для организма, но довольно твердые виды растений. Вскоре наступает смерть. Во время боев слонов случаи смерти редки; мне известен лишь один труп самца, чья голова была, по видимому, пробита бивнем противника. Для малышей опасны львы. Дважды я видел львов, пожиривших слоненка. Голод — важнейший фактор, регулирующий популяции животных, — пока еще не навевывался в Маньяру. Слоны парка чувствовали себя превосходно. Было мало больных или слабых слонов. У некоторых на несколько месяцев появлялись опухоли или парывы

размером с теннисный мяч. Хобот одной из самок был покрыт наростами вроде бородавок, но это было крайне редко. Слоны Маньяры отличаются упитанными бедрами, спиной, плечами и передними ногами. Ни разу не встречались в Маньяре слоны, похожие на бродячие скелеты, тысячами умиравшие от голода в Цаво.

В истории маньярских слонов важную роль сыграло огнестрельное оружие. До первой мировой войны эта местность считалась превосходным районом охоты, но не на слонов, ибо здесь их водилось мало. После создания парка его первый смотритель стрелял в каждого слона, который наведывался в Мто-ва-Мбу, чтобы заставить их «уважать» границы. На юге погибло еще больше животных, пока до 1955 года продолжалось заселение целинных земель колонистами-европейцами. Многие слоны нашли смерть у подножия обрыва на территории, примерно равной по площади парку. Остальные укрылись в парке или в лесу Маранг.

Даже во время моей работы много слонов было убито вне границ парка на полях, охватывающих парк все более тесным кольцом. Охотоведческое управление, на которое возложили всю ответственность за фауну вне пределов национальных парков, выполняло миссию по уничтожению всех животных, губивших посевы. Многие слоны нашли смерть от копий вамбулу. Однажды я встретил самку с пробитым хоботом — явно ударом копыя. При каждом выдохе ко краям раны вздувались пузыри. К счастью, животное оказалось крепким. Через несколько недель рана закрылась и хобот обрел прежнюю подвижность. Во многих трупах встречались массивные наконечники копий вамбулу.

Человек — самый страшный бич маньярских слонов, даже после десяти лет их защиты. С точки зрения статистики и согласно наблюдениям браконьерская охота не имела опасных последствий. Однако, если ее не пресекать, она станет угрозой существованию слонов. Экология парка Маньяры полностью зависит от человека — ключевого фактора всех слоновьих проблем. Современный человек не только более терпим, но он же положил конец бессмысленной охоте, которая оказывала огромное влияние на экологию слонов в прошлом. Современный африканский слон относится к видам —

ровесникам человека, а громадные кости их предков легко найти среди окаменелостей. Прошлое, настоящее и будущее африканского слона неразрывно связаны с человеком, и ни одно экологическое исследование, игнорирующее этот фактор, не отразит действительности. Для полной оценки проблемы слонов необходимо как можно глубже изучить историю взаимоотношений слона с родом человеческим.

Глава XVII

УБИЙСТВО ПО ЗАКОНУ И БЕЗ ЗАКОНА

По склону обрыва двигалась группа слонов; я следил за ними в бинокль. Все было спокойно, но вдруг один из слонов ногой вывернул камень, и тот, прыгая по склону, пролетел мимо молоденького самца. Последний с подозрением поднял голову и, явно испугавшись, кинулся вниз по склону, помахивая задраным хвостом. Его настроение мгновенно передалось другим, и вот уже вся семейная группа ринулась через кустарник вниз. Шум испугал их еще больше, и вскоре началась настоящая паника: все слоны, и молодые и взрослые, в беспорядке бежали через лес, с ревом круша деревья и кустарники. Их охватил слепой ужас, а ведь причина была самой безобидной — случайное падение камня.

В другой раз, следуя по тропе за семейной группой Джен Эйр, я остановился примерно в километре от нее. В их сторону дул легкий ветер. Они направлялись к источнику у подножия обрыва. Вдруг все хоботы взметнулись над головами, словно шланги, и слоны, развернувшись, бросились в позорное бегство.

Многих удивляет робость слонов, но история свидетельствует, что она вполне оправданна. На них вот уже 20 тысяч лет охотится не только человек. С незапамятных времен их преследовали куда более опасные хищники, но это было до изобретения огнестрельного оружия.

Среди этих хищников американский *махайрод* (саблезубый тигр) и древняя гигатская кошка Европы и Африки, которая питалась слонами еще в плейстоцене.

То были крупные хищники с мощными передними лапами и огромными острыми зубами, похожими на кинжалы, — их находят среди костей молодых мамонтов, бывших, по-видимому, их обычной пищей. Европейским слонам приходилось также опасаться пещерных львов и медведей, намного превосходивших размерами современных хищников. Несомненно, мощные бивни и толстая кожа современных слонов — результат естественного отбора. Только самые защищенные, а может быть, и самые робкие из матриархов выжили и передали свои особенности следующим поколениям. Должно быть, не последнюю роль в эволюции слона сыграл человек.

Человек каменного века был великим охотником. Доказательством служит найденная в XIX веке чешским палеонтологом Маской стоянка охотников на мамонтов. Лагерь находился меж двух горных цепей, где, по-видимому, мамонты собирались в стада перед ежегодной миграцией с севера на юг. На стоянке было найдено более 900 скелетов мамонтов. Такой размах охоты ускорил уход мамонтов в Сибирь и их последующее вымирание.

Кладбища животных встречаются и в Европе и в Северной Америке. Нет никаких сомнений в том, что предки африканского слона представляли собой объект нападения как со стороны хищников, так и со стороны человека.

И сегодня применяются различные приемы эффективной охоты, разработанные задолго до наступления эры железа. Например, напугать слонов над обрывом, с которого они сорвутся и разобьются; загнать их в болото, где они увязнут; поджечь высокотравную саванну, подготовив ловушки и ямы.

Первые изображения африканских слонов мы видим на наскальных рисунках. Такие изображения встречаются и в Сахаре — их датируют XI—V веками до нашей эры. Сахара тогда еще не превратилась в пустыню. Ее обильная растительность представляла собой идеальную среду обитания для слонов. В Айн-Сафааде найден рисунок, изображающий самку, которая прячет своего малыша под брюхом, защищая его от леопарда, готового к прыжку.

В царствование фараонов властители Судана платили Египту дань слоновой костью; но кроме фиванской

фрески (1500 лет до нашей эры) и рисунка одомашненного слона, которым управляет погонщик-индус, украшающего могилу Рехмира (1200 лет до нашей эры), осталось очень мало свидетельств о распространении слонов в этот период. В Сахаре слонов не осталось, а в Египте и на территории современной Ливии сохранились считанные экземпляры. Но они еще водились в Тунисе и Марокко. За 500 лет до нашей эры карфагенский мореплаватель Ганнон видел их на Атлантическом побережье.

Александр Македонский был, вероятно, одним из первых европейцев, увидевших прирученных азиатских слонов. Тысячи лет индусы тренировали их для войн. В битве при Гидаспе царь Пор бросил против войск Александра 200 боевых слонов. По свидетельству историка Арриана, «эти слоны пришли в бешенство от ран и от потери погонщиков и, сломав боевые порядки, бросились вперед, круша, убивая и топча своих и врагов». Александр битву выиграл, а к боевым слонам отнесся с презрением. Его же военачальники, особенно Селевк, который командовал пехотой, принявшей на себя основной удар атаки слонов, остались под сильнейшим впечатлением от этого боевого средства.

Во всяком случае, после смерти Александра Великого в 322 году до нашей эры и развала его империи слоны на короткий период приобрели такое значение, что сохранилось множество текстов, позволяющих определить их количество и распространение. Все полководцы Александра получили свою долю плененных в битвах слонов. Но Селевк, властитель восточных земель, и Птолемей, властитель Египта, рассорились. И Селевк получил монополию на приручение слонов. Тогда Птолемей, потерявший возможность импорта слонов, послал экспедицию в Африку с заданием изловить и выдрессировать слонов. Его наследник, Птолемей II, создал на берегу Красного моря специальное охотничье хозяйство Птолемаис термон (Птолемеева охота). Судя по письменным источникам, именно там впервые были пойманы африканские слоны; затем их отправили в Мемфис на судне по каналу, связывавшему Суэцкий залив с Нилом.

Слоны в ту эпоху имели такое стратегическое значение, что полководцы Птолемея пытались убедить не-

которые племена прекратить убийство слонов. Но те категорически отказались.

Вскоре всех слонов в районе вокруг Птолемаис термон выловили, поэтому двадцатью годами позже главное охотничье хозяйство перевели в Адулис (ныне Эфиопия).

Приручение африканских слонов, поступавших из Птолемаиса, продолжалось весь III век до нашей эры, вплоть до битвы при Рафии (217 год до нашей эры). Во время этой битвы более молодые и мелкие африканские слоны столкнулись с превосходящими силами более крупных и спокойных индийских слонов. Птолемей выиграл битву и захватил довольно много индийских слонов, куда более действенных, чем его собственные. С этого момента исчезают всякие свидетельства о заведениях, где дрессировали слонов, на Красном море, но животных продолжали убивать ради слоновой кости.

Тогда же слоны водились на африканском побережье Западного Средиземноморья, у подножия Атласских гор, а также на землях древнего Карфагена. Карфагеняне поддерживали тесные торговые связи с Египтом и знали об успешных опытах Птолемея со слонами. Позже они также использовали слонов в качестве тактического ударного средства в битвах с римлянами. Однако, если верить историкам той эпохи, погонщиками служили индусы.

Во время битвы на реке Треббии (218 год до нашей эры) римская армия под началом Семпрония потерпела сокрушительное поражение после атаки североафриканских слонов Ганнибала. С ними же последний совершил и переход через Альпы, но в тяжелых испытаниях погибли все слоны, кроме одного.

В решающей битве при Заме, под Карфагеном (202 год до нашей эры), Ганнибал использовал 80 слонов, но римляне научились противостоять им. Сципион Африканский построил свои войска в новом боевом порядке, оставив проходы для атакующих слонов. Римские воины, стоявшие по обе стороны прохода, наносили слонам болезненные раны. Сципион выиграл битву и захватил всех слонов.

После этого, хотя римляне и продолжали использовать слонов в небольших войнах, их стали рассматривать как устаревшее оружие, причиняющее равные не-

удобства и своим войскам, и противнику, поскольку обезумевшие от нападений сбоку и раскаленных снарядов из катапульт слоны кидались на всех подряд.

Через 150 лет Плиний напишет о поимке слонов как об устаревшем обычае: «Раньше имелся обычай приручать слонов, загоняя стадо в узкое ущелье, специально выбранное для этих целей. Преследуемые всадниками и обманутые длиной ущелья, слоны становились пленниками отвесных склонов и вырытых рвов. Им не давали есть. Цель считалась достигнутой, когда слоны брали ветки из рук человека».

Но это вовсе не означает, что жизнь слонов стала спокойнее. В эпоху Плиния их уже уничтожали торговцы слоновой костью, изгоняя тем самым из некоторых районов.

«Сейчас,— писал он,— мы ловим слонов из-за их бивней, нанося им стрелами раны в ноги, которые являются самой уязвимой частью тела... Крупные бивни встречаются редко, за исключением индийских слонов, поскольку в нашей части земли их почти истребили...»

Сэр Уильям Годер писал в своей истории африканских слонов, что к VI веку нашей эры животное исчезло в Северной Африке, Алжире и Марокко.

Однако, по некоторым источникам, приручение африканских слонов продолжалось после Птолемеев и карфагенян. Так, в 533 году нашей эры негус Эфиопии встречал посланца Юстиниана в Аксуме, сидя в колеснице, запряженной четверкой слонов, воспитанных в древнем центре дрессировки в Адулисе. И, наконец, арабские историки называют «годом слона» 570 год, когда африканское войско со слонами эфиопского негуса напало на «корейшитов» Мекки. Армия под предводительством деда пророка наголову разбила войска негуса.

Не удалось отыскать источников по истории африканского слона в средние века. Средневековые bestiarii представляют слона с негнуцимися ногами и с хоботом в виде гигантской трубы — их ценность лишь в демонстрировании безудержной фантазии авторов. В XV веке португальцы открывают Гвинею, а вскоре испанцы, голландцы, французы, датчане и англичане принимаются за выкачку богатств этих земель. Они вывозят рабов, золото, пряности, слоновую кость, нару-

шая таким образом существовавшее с незапамятных времен равновесие человека и животного мира Западной Африки. Однако торговля шла в основном через посредников, и даже в XVIII веке центральная часть Африки оставалась практически не исследованной, в результате чего Джонатан Свифт смог написать:

Географ, что карту Африки составил,
Рисунками пустоты все заставил,
И на холмах он вместо городов
Нарисовал огромнейших слонов.

Скорее всего картографы были правы, ибо слоны бродили не только в пустынях, но и по просторам Африки от Сахары до самой Капской колонии.

В 1635 году голландцы под предводительством Яна Ван Рибек⁶ основали Капскую колонию. В то время слоны встречались у мыса Доброй Надежды и во множестве водились в окрестностях Столовой горы.

Мы уже знаем, что задолго до изобретения огнестрельного оружия человек с легкостью совершенно уничтожил популяции слонов Северной Африки. Вооружившись примитивным ружьем с фитильным замком, он стал в сто раз более страшным убийцей. Неустойчивые охотники-буры с их тяжелыми мушкетами, которые стреляли с опоры-двуноги, принялись за добычу слоновой кости, которую скупала Голландская Ост-Индская компания.

Занятие было опасным, и немало буров погибло от бивней и ног слонов, но ряды охотников не редели. Некоторые из них стали профессионалами, что ускорило исчезновение толстокожих на юге Африки.

В 1830 году слоны стали редкостью в Капской провинции, несколько стад сохранилось лишь в лесах Аддо и Книсна. Тогда-то британское правительство, чья власть распространялась на всю колонию, запретило охоту на слонов, благодаря чему поредевшие стада этих лесов дожили до наших дней.

А британские охотники, буры и готтентоты уже вели наступление на слонов дальше к северу. Огнестрельное оружие совершенствовалось, ударные ружья сменили кремневые, и число убитых слонов непрерыв-

⁶ У автора неточность: Капская колония основана в 1652 г.—
Примеч. ред.

но росло. С 1835 до 1860 года (прекрасная эпоха «славных Немвродов») вельд кишел жизнью и не был знаком с огнестрельным оружием, поэтому охотники без труда уничтожили большую часть животных Трансвааля и Бечуаналенда (ныне Ботсвана).

За охотниками-разведчиками двинулись буры Трека, которые полгода охотились в вельде, а полгода проводили на своих фермах. Когда буры свободного Трансвааля прикончили всех слонов на своей территории, они двинулись на поиски слоновой кости в другие районы.

Ливингстон рассказывает о массовом убое слонов.

В центре Бечуаналенда, около озера Нгами, за один год (1849 год) было убито 900 слонов. Ни одно млекопитающее со столь медленным циклом воспроизводства не может противостоять массовому убийству. В этой части континента в поисках слонов рыскали не только англичане и буры. Торговцы слоновой костью снабжали ружьями африканцев, которые на своих племенных территориях преследовали стада слонов весь год и уничтожали их в больших количествах.

Торговцы уходили в глубь континента ради покупки слоновой кости и возвращались на побережье с груженными бивнями повозками, которые с трудом волокли быки. В 1860 году слоны стали редкостью, а в 1885 году от некогда бесчисленных стад к югу от Замбези остались единицы. Мелкие группы во главе с хитрыми и робкими матриархами выжили, научились распознавать малейшие признаки присутствия человека и избегать его. Тогда охотники за слоновой костью перешли Замбези и принялись за популяции слонов в сердце Африки.

Избиение, как писал Г. А. Брайден, «происходило на территориях, которые не были под британским контролем. Если бы Великобритания распространила свою власть от Капланда до Замбези лет на пятьдесят раньше, слона, быть может, удалось бы спасти. Только это могло предохранить его от уничтожения».

Эти слова (1903 год) свидетельствуют о всей трагичности бессмысленного уничтожения не только слонов, но почти всей дикой фауны Южной Африки. Столь нещадная эксплуатация природных богатств Немвродами-кровососами и торговцами слоновой костью без

стыда и совести привела к быстрому исчезновению слонов в тех частях Африки, где ей не препятствовали.

Следующая глава истории слонов посвящена обширной зоне Африки, где власть закона распространилась до того, как огнестрельное оружие принялось сеять смерть.

Первые охотники, снабженные огнестрельным оружием, которые прибыли в Восточную Африку, повели себя по отношению к слонам не лучше буров и британцев из Южной Африки. Одновременно все больший размах приобретала деятельность арабов и суахили по торговле рабами и слоновой костью. Множество рабов тянулось к побережью, неся груз бивней на голове.

Даже когда запретили торговлю рабами, не вызвало сомнения, что слонов истребят на большей части Африканского континента, за исключением труднодоступных районов тропических лесов Конго, где жили дикие племена. Слоны могли найти убежище от охотников только там.

Многие британские и немецкие чиновники Восточной Африки приходили в ужас от такого массового убийства животных, и особенно слонов. Они надеялись предотвратить его соответствующим законодательством. В 1894 году сэр Гарри Джонстон официально высказал беспокойство по поводу угасания дикой фауны за последние десять лет. Когда в 1896 году Восточная Африка стала английским протекторатом, маркиз Солсбери потребовал, чтобы чиновники Британской Восточной Африки и Уганды подготовили доклад о необходимости запрета охоты в некоторые сезоны и в некоторых районах. Он издал указ, обязавший всех охотников покупать лицензию, стоимость которой была достаточно высока, чтобы служить сдерживающим фактором. Администраторы-немцы приняли идентичные меры и организовали на своей территории заказники.

Наконец, угроза, нависшая над дикими животными, всколыхнула международное общественное мнение. В 1900 году Великобритания и Германия созвали конференцию, на которой присутствовали представители и других держав. Ее целью была попытка защитить африканскую фауну. Быть может, у них перед глазами стояло недавнее уничтожение миллионов бизонов в прериях Северной Америки. Договор был ратифицирован

несколько лет спустя, но впервые во многих европейских владениях в Африке были приняты законы, давшие некую надежду выжить слонам и прочим диким животным.

Среди предложенных мер было ограничение количества слоновой кости для продажи или экспорта.

Английское и германское правительства договорились о запрещении убивать животных, не достигших года, самок с малышами, вести оптовую торговлю шкурами, слоновой костью и рогами. Рекомендовалось также запретить экспорт бивней, весящих менее 5 килограммов. Высоким налогом были обложены бивни весом от 5 до 15 килограммов; обязательными стали охотничьи лицензии, в том числе и для коренных жителей; кроме того, запретили охоту на некоторых животных в отдельные сезоны года. И, наконец, выдвинули предложение о создании резерватов для животных.

Один из немецких чиновников, майор фон Виссман, предложил возлагать на коренных жителей в лице вождя племени ответственность за охоту на слонов и дать ему право препятствовать браконьерам заниматься ею. Сходная рекомендация появилась и в документе «Бритиш колониал офис» в следующей фразе: «Местные вожди должны иметь денежную заинтересованность в охране животных и выполнении правил охоты». Увы, эти рекомендации слишком запоздали. Если бы их применили вовремя, будущее дикой фауны было бы сегодня не столь мрачным.

В Бельгийском Конго (ныне Заир) кроме резерватов, возникших примерно в то же время, что и на британских и немецких территориях, проводился в жизнь и довольно оригинальный проект в отношении слонов, разработанный бельгийским королем Леопольдом. Он хотел одомашнить африканского слона и использовать его в лесном и сельском хозяйстве, как это традиционно делается на Востоке. Один индийский слон в сопровождении англичанина пешком пересек Африку от Индийского океана до Бельгийского Конго. Тогда же была основана школа слонов, которая и 70 лет спустя существует в Гангала-на-Бодио, несмотря на трудности и неоднократные перемещения.

До начала XX века в истории африканского слона

намечалась тенденция к исчезновению вида; затем положение стало меняться. Новые законы о животных постепенно вошли в силу в принявших их странах, но следовало подготовить соответствующий персонал — полицию и охрану, чтобы добиться выполнения законов. В одних районах с незаконной охотой спорадически боролись и подавляли ее, а в других — все оставалось по-прежнему, поэтому где-то слоны оказались в безопасности, а где-то их продолжали уничтожать.

Кроме этой относительной защиты сыграли важную роль некоторые природные факторы, которые восстановили благоприятные условия для жизни слонов, но они были характерны не для всех районов. Первым фактором оказалась эпидемия чумы крупного рогатого скота, которая разразилась в Африке в последнее десятилетие XIX века. Бесчисленные трупы животных — антилоп гну, буйволов, водяных козлов и других антилоп — усеяли равнины; гиены, грифы и прочие падальщики не справлялись со своей ролью санитаров. Для племен, которые жили разведением скота, таких, как масаи, чума обернулась подлинной катастрофой. Вся их жизнь покоилась на скотоводстве, а 90% скота погибло. Голод, оспа и племенные войны привели к сокращению численности масаев, которые покинули свои пастбища.

Все это имело громадные экологические последствия. Пастухи перестали ежегодно выжигать траву, чтобы препятствовать распространению кустарника на пастбищах, и там вскоре выросли кусты и молодые деревья — идеальная среда обитания для слонов. Эта новая среда помогла и распространению мухи цеце, переносчика наганы, смертельной болезни домашнего скота. Поэтому большая часть населения, занимавшаяся скотоводством, ушла с огромных территорий, где жила раньше. И даже сегодня на большей части Танзании по этим причинам запрещено разведение скота.

В других районах, в частности в Уганде, муха цеце оказалась переносчиком еще более страшного заболевания — сонной болезни, которая поражала и людей. В начале XX века колониальные власти решали эту проблему однозначно: переводили население в районы, где не было мухи цеце. Поэтому огромные территории оказались в распоряжении слонов, в частности буду-

ший национальный парк Кабалега и его окрестности.

Там, откуда болезнь изгнала человека, где население резко сократилось или же где строго выполнялись охотничьи правила, преследование слонов прекратилось, и жизнь их стала привольной. В подобных условиях почти неизбежен рост популяций животных, и можно предположить, что впервые за многие века слонов в Африке рождалось больше, чем умирало, хотя документы той эпохи не содержат никаких цифр на этот счет. В принципе прирост популяций слонов в хороших условиях составляет 4—5% в год, что примерно соответствует росту населения в момент демографического взрыва.

В более населенных районах, где правила охоты соблюдались не столь строго, количество слонов, по-видимому, продолжало уменьшаться. Конец рабства, прекращение племенных войн и современная медицина привели к росту населения, и эта тенденция сохраняется до наших дней. В 60-х годах численность вамбулу, селившихся над парком, росло со скоростью 4,5% в год.

И вот мы оказались свидетелями завершающей фазы истории слонов, фазы, характерной для всей Африки. Микромир Маньяры прекрасно отражает ее: скопление слонов на все более и более уменьшающихся территориях. Тот факт, что слоны умеют определять безопасное убежище, несомненно, способствует их концентрации в национальных парках и резерватах.

Одна из важнейших особенностей слона — умение передавать накопленный опыт последующим поколениям. За свою долгую жизнь матриарх накапливает ценнейший опыт. К примеру, годовалый Н'Думе научился бояться моего «лендровера», имитируя осторожную реакцию своей матери. Он больше ни разу не повторил той агрессивной атаки, когда добежал почти до самого колеса машины.

Сестры Торон, оказавшиеся, по-видимому, жертвами массового истребления слонов в середине 50-х годов в южной части парка, научили своих детей враждебной реакции на присутствие человека. Так устанавливаются «традиции» внутри семейной группы.

В южноафриканском национальном парке Аддо наблюдается еще один пример передачи традиций. В 1919 году по требованию местных владельцев цитрусовых

плантации была сделана попытка уничтожить небольшую популяцию из 140 слонов. Операцию поручили некоему Преторию, довольно известному охотнику. В отличие от бригад Иэна Паркера, использующих полуавтоматическое скорострельное оружие, Преторий убивал слонов по одному. И каждый раз были свидетели, которые слышали выстрел и видели, как мертвый или смертельно раненный собрат падал на землю.

Вскоре такая травмирующая ситуация стала ассоциироваться с запахом человека, с его присутствием, и оставшиеся в живых слоны запомнили урок. Через год осталось примерно 16—30 животных, и казалось, последнее усилие наконец освободит фермеров от врага. Но слоны стали исключительно осторожными и перестали покидать густейшие уголки леса до наступления глубокой ночи. Несколько раз охотник решался преследовать их, но тут же сам превращался в дичь и оставался в живых лишь благодаря проворности своих ног. Преторий признал себя побежденным, а в 1930 году для слонов Аддо создали резерват — 4000 гектаров заросших кустарником холмов.

Поведение слонов мало изменилось, хотя их владения окружили изгородью, а самих животных оставили в покое. И сегодня они ведут в основном ночной образ жизни и с яростью реагируют на присутствие людей. Их считают одними из самых опасных слонов Африки. Вряд ли живы те, в кого стреляли в 1919 году; они передали свое защитное поведение по наследству ныне взрослым слонам и даже слонятам третьего и четвертого поколений, на которых никогда люди не нападали.

Создается впечатление, что у слонов эволюция реакции бегства и защиты зависит от двух факторов — генетической селекции, вызванной крупными кошками и другими хищниками первобытных времен, и индивидуального обучения на основе передающегося из поколения в поколение опыта.

Передача опыта, конечно, более быстрый способ адаптации поведения, чем генетическая селекция, особенно у животных с медленным циклом размножения. Интересно отметить, что в Маньяре жили и совершенно дикие семейные группы, как сестры Торон, и группы, которые легко приручались, ибо поняли, что оказались под защитой, когда весь берег озера стал пар-

ком. В сообществе Боадицеи наблюдались обе эти формы поведения.

У Боадицеи, конечно, сохранились горькие воспоминания о той эпохе, когда на западном берегу озера была разрешена охота. Она выражала свои чувства атаками на машины с туристами, хотя никогда и не доводила их до конца; другие же животные, несмотря на ее поведение, часто оставались равнодушными, словно ничего не происходило.

Самую большую терпимость к человеку проявляла Вирго. Она была смела и независима, но приручилась очень быстро. Я даже нашел в себе мужество идти рядом с ней, когда следовал за группой Боадицеи, но прежде удостоверился, что матриарха поблизости нет. Вначале Вирго проявляла агрессивность, она трясла головой или делала несколько угрожающих шагов в мою сторону, но каждый раз характерные помахивания хвостом или хоботом извещали меня о ее намерениях за несколько секунд до перехода к решительным действиям. Она явно испытывала сильное любопытство, а ее беспокойство выражалось в угрозах. Постепенно и она и я признали друг друга безобидными существами. Она неподвижно стояла и рассматривала меня и даже с любопытством протягивала мне хобот. Как приятно видеть дикого слона, привыкшего к присутствию существа, которого глава семейства считает смертельным врагом.

Другие члены группы были куда подозрительнее. Особенно Закорючка, постоянная подруга Вирго; она бродила позади Вирго, когда та приближалась ко мне. Но постепенно и Закорючка перестала меня бояться и спокойно ела, пока я ходил вокруг и делал заметки. И наконец наступил день, когда она так свыклась со мной, что я не смог заставить ее раздвинуть уши для новой фотографии в картотеку, хотя подошел к ней почти на расстояние вытянутого хобота.

Закорючка, Вирго и ее слоненок привыкли не только ко мне, но и к Ории и Мходже; однако в присутствии незнакомых людей они оставались на почтительном расстоянии.

Некоторое время мы давали Вирго плоды различных растений, чтобы выяснить пищевые привычки слонов, но вскоре прекратили подкормку по настоятель-

ной просьбе Джона Оуэна; он боялся, что, если слониха привыкнет к подачкам, она станет подходить к машинам, кланчить еду и проявлять агрессивность, если не получит ее.

Такое произошло в Кабалеге с одним взрослым самцом по прозвищу Лорд-Мэр Параа. Он привык искать пропитание в помойных ящиках и автомобилях. К несчастью, он также привык переворачивать и трясти машины, если не получал съестного. Его пришлось пристрелить.

Я уверял Джона Оуэна, что у Вирго совершенно иной характер, но, подумав, признал его правоту. Я знал, что Вирго не опасна, но был неверен сам принцип подкормки потенциально опасных диких животных. Мое поведение, не представлявшее опасности для меня, могло дать пример другим людям поступать так же, а это могло обернуться для них трагедией. Не один фотограф нашел смерть, пытаясь слишком близко подойти к слонам в других национальных парках. Именно поэтому настоятельно предупреждаю тех, кто едет в Африку: никогда не разгуливайте пешком вблизи диких слонов. Не хочется преувеличивать опасность, но считаю своим долгом предупредить: случай нападения вызваны нормальной враждебной реакцией слонов на своего смертельного врага.

Следует понимать, что, несмотря на стремление человека защищать животных в парке, он остается их самым страшным врагом. Это вызвано в основном ростом населения и борьбой за жизненное пространство, ведущими к постоянному сокращению владений слонов. Если у них не окажется достаточной территории, то слонам, по-видимому, не удастся выжить. А им еще более тесно оттого, что они стремятся избежать человека. Такое их поведение обусловлено генетическим и социальным наследием. Кроме того, они понятливы, а потому стекаются в безопасные зоны, другими словами, в национальные парки, где оказываются под защитой.

Все более растущее давление человека на слонов — лишь одна из граней проблемы, которая решалась в Маньяре; в июне 1970 года я готовился к семинару в лагере Ндалы, где должен был представить результаты работы по изучению слонов. Нужна ли программа

разумного уничтожения слонов для уменьшения плотности популяции? Вопрос был поставлен, более тянуть с ответом не представлялось возможным.

Глава XVIII

КЛЮЧИ К ВЫЖИВАНИЮ

Летом 1970 года истекали четыре с половиной года моего пребывания в Маньяре. Близился семинар, а до отъезда оставалось всего два месяца.

Каким далеким казался день, когда я, радуясь своему открытию, впервые поднялся до акации у водопада, уселся на обломок скалы и, восхищенный окружающей красотой, решил разбить здесь лагерь. Тогда здесь был дикий уголок, почти не тронутый человеком. Затем приехала Ория и разделила его со мной. Предстоящее расставание с этими местами терялось где-то в туманном будущем. В Маньяре мы обрели ту безмятежность, чувство единства и гармонию с природой, которых другие ищут в горах или в море. Нас увлекли проблемы и радости жизни среди диких животных. Мы не тревожили их, а оставались мирными свидетелями их повседневного существования. И некоторые животные, к примеру Вирго, даже допустили нас в свой мир.

Я сильно изменился за этот период. Начинал в одиночку, преследуя чисто научные цели, но после появления Ории оценил значение личных и семейных связей и стал по-другому смотреть на жизнь. Быть может, я осознал эту перемену в результате происшествия, случившегося в одну из последних недель.

Однажды, оказавшись без оборудования и имея всего один шприц в ружье, я решил снять радиоошейник с молодого самца из семейной группы Сары. Трудностей не предвиделось, но защитный круг слонов не давал возможности приблизиться к поверженному; мать пыталась поднять его, а скрещенные бивни Сары держали нас на расстоянии. Через некоторое время стало ясно, что без противоядия слон погибнет.

Пришлось подогнать машину к слонам, и они разбежались, за исключением Сары, бывшей, вероятно, бабушкой слоненка. Она защищала его всей своей мас-

сой, поставив переднюю ногу на неподвижное тело. Оставалось пойти на риск; мне удалось подъехать на машине вплотную к животному и сделать укол, но бивни Сары немедленно проткнули радиатор. Вначале слониха, как бы испытывая прочность металла, нанесла несильный удар, но затем, обретя уверенность, вошла бивни во всю длину и толкнула машину. Я отпустил тормоз, и автомобиль покатился, словно детская коляска в руках няньки. Мходжа выстрелил в воздух. Мы ударились о дерево, и бивни Сары скользнули по капоту, метя в оператора, сидевшего слева от меня и снимавшего происходящее. Когда она направила их в мою сторону, я выскочил из машины, чтобы оказаться вне пределов досягаемости. Сара с силой ударила бивнями по рулю и удалилась.

Слоны нападали на мою машину в третий раз, и это мне перестало нравиться. Страх перед обычно мягкой и безобидной Сарой я не испытывал, но мысль о том, что мы привели ее в ярость, вызывала неприятное чувство. Вначале обездвиживание слонов увлекало меня повизной и возможностью наблюдать за чертами их характера. Но вскоре я охладел к этому методу исследования, поскольку слонов, боровшихся за спасение собрата, это явно угнетало. Не хотелось думать, что они могут счесть меня убийцей, несмотря на то что ни один усыпленный слон ни разу не напал на нас после пробуждения. Доброжелательность ко мне этих животных казалась невероятной.

Согласованность защиты была одним из факторов, который сотни тысяч лет помогал слонам выжить в борьбе с хищниками, но сейчас, в изменившихся условиях, она устарела. Человеку, вооруженному огнестрельным оружием, ничего не стоит истребить их. Отныне дело выживания слона перешло в наши руки.

В июне все участники семинара собрались в лагере Ндалы. Ория рассказала об этом в главе «Рождение в саванне». Для нас семинар оказался тяжким испытанием: у Ории начались предродовые схватки, а в это время десяток специалистов под ее окнами со страстью обсуждали проблему поедания слонами семян акации тортилис и возможности последующего распростране-

ния акаций. Мне тоже пришлось нелегко: я с трудом излагал свои соображения о выживании слонов и с нетерпением ждал минуты, когда поднимусь в воздух и смогу наконец доставить Орию в больницу Найроби.

Основной темой, занимавшей нас в тот день, была проблема жизненного пространства. Из-за демографического взрыва парки и резерваты стали единственным прибежищем слонов. Владения их сократились до крохотных островков дикой природы среди бушующего человеческого океана. Толстокожим некуда податься, а их количество в местах, где они скрываются от преследований человека, резко возросло. Результат — массовое уничтожение деревьев в саванне. Печальное свидетельство тому — акации тортились Маньяры. Что же должны предпринять национальные парки?

Есть два диаметрально противоположных мнения на этот счет. Мы вкратце изложили их во время маньярского семинара, но привести аргументы обеих сторон тогда не хватило времени. Изложу их сейчас.

Одни исходят из того, что, раз человек виновен в возникновении проблемы, ему ее и решать путем уничтожения того количества слонов, которое уравновесит их приток. Они стремятся восстановить равновесие между слоном и средой его обитания, надеясь, что начнут действовать естественные регуляторы. Эта научная школа утверждает, что уничтожение разреженного леса носит необратимый характер из-за пожаров в саванне, которые обращают в пепел молодые деревья, и если не принять энергичных мер, то слоны, не имея ни тени, ни пищи, погибнут в местах, предназначенных для их защиты. Такой точки зрения придерживались Ричард Лоуз и Иэн Паркер. Они утверждали, что им претит убивать слонов, но подобные действия продиктованы необходимостью, иначе тысячи слонов погибнут.

Однако помимо истребления животных возможны и другие меры, например находить для животных водопой, поджигать саванну в подходящее время, сажать молодые деревья.

Вторая научная школа утверждает, что любое вмешательство человека еще больше нарушает равновесие и что уничтожение животных в пределах национального парка есть нарушение самого принципа сохранения фауны: Оставьте слонов в покое, говорят сторонники

этой школы, и они сами найдут равновесие с окружающей средой. Такая концепция основана на уверенности, что исчезновение разреженного леса — вовсе не необратимый процесс, а часть долгосрочного природного цикла, в котором слоны всегда играли важную роль. Теория природных циклов вкратце сводится к следующему. Слоны съедают деревья и кустарник, создавая саванну, потом их число уменьшается или они мигрируют туда, где есть деревья. Саванна с ее пастбищами горит каждый год, препятствуя росту молодых деревьев. Создаются благоприятные условия для развития популяций травоядных животных; они размножаются настолько, что уничтожают траву. Появляются проплешины голой земли, где огню делать нечего. На этих островках вырастают деревья и кустарник. В отсутствие животных, пожирающих ростки, молодые акации быстро набирают силу, и это место снова превращается в идеальную среду обитания слонов. Лет через сто цикл возвращается к исходной точке, и слоны снова принимаются за свою разрушительную работу.

В подтверждение теории циклов напомним, что в Цаво, где разреженный лес быстро исчезает, найдены могилы племени галлас, живущего лишь на открытых пространствах. Значит, слоны восстанавливают савану прошлых времен. Дэвид Шелдрик, смотритель парка, отметил также резкое увеличение травоядных. Так и первые путешественники, побывавшие в Маньяре, ничего не говорили о присутствии слонов в ныне исследуемых нами районах, а на немецкие карты 1890 года нанесены лишь саванны. Мои собственные опыты показали, что акация тортилис растет значительно быстрее, чем предполагалось, и бóльшая часть разреженного леса, обреченная на уничтожение в ближайшие 5—10 лет, насчитывает около 75 лет.

Конечно, структура цикла не столь проста. Периодичность циклов может быть нарушена колебаниями климата. Во время семинара Хью Лэмпри подчеркнул, что я жил в Маньяре лишь в короткий период нормальных дождей, когда уровень озера необычно повысился, и знаю ее только такой, а между тем до этого несколько лет подряд дожди были редкостью, животные отощали, а озеро покрылось коркой сверкающей соли.

Сильное влияние на развитие цикла могут оказывать

болезни, охотники, поджигатели саванны, скотоводы. Точно предвидеть реакции слонов не позволяет даже способность их к адаптации: они живут и на уровне моря, и в долинах на высоте 4000 метров над его уровнем, и в тропических лесах, и в жгучих пустынях.

Приведенная мною схема цикла — грубое упрощение, и не все здесь пока ясно, но наука развивается именно путем выдвижения гипотез и сравнения их с действительностью. Этому требованию отвечает метод последовательного приближения Вези, который идет от крайней гипотезы к истине, устраняя неверные предпосылки. Все предложенные схемы циклов могут служить основой дискуссии, но не точным предсказанием будущего.

Когда рассматривается теория циклов, фактором первостепенной важности, непосредственно связанным с проблемой уничтожения или охраны слонов, является рост человеческого населения, которое не только ограничивает свободу передвижения слонов, но и вынуждает их собираться в местах, где плотность популяции достигает небывалой величины. Следовательно, сторонники невмешательства должны поставить главный вопрос: могут ли циклы нормально проходить на крохотных пространствах современных национальных парков, или их ход нарушается под давлением обстоятельств?

Мой основной вклад в решение этой сложной головоломки заключался в следующем: пока пища в изобилии, слоны размножаются нормально даже на столь малой территории. Организованные семейные группы живут в полной гармонии на частично перекрываемых территориях без борьбы за жизненное пространство. При сравнении количества смертей и рождений выясняется, что популяция медленно растет и в ней преобладают молодые животные. Этот вывод опасен тем, что согласно ему популяция маньярских слонов будет расти до тех пор, пока не исчерпает все источники пищи и не вымрет от голода без вмешательства извне.

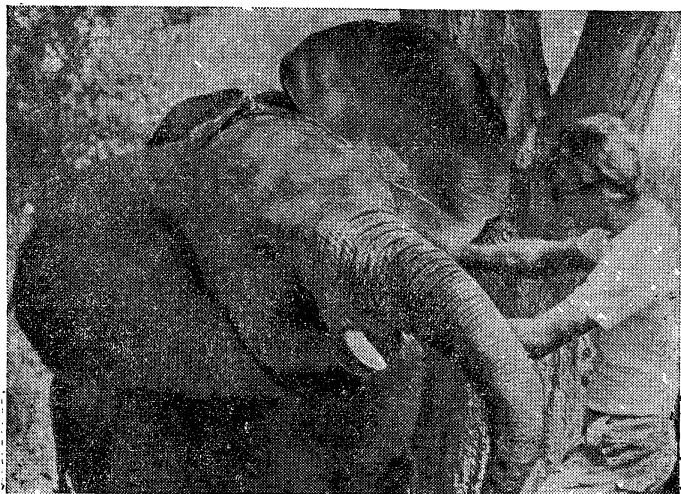
Исходя из того, что ученые пока не могут выделить ведущие факторы в разрешении этой проблемы и договориться об их относительной важности, я пришел к заключению, что предложить упрощенный путь управления популяцией слонов во всей Африке нельзя. Каждый парк следует рассматривать отдельно в зависимо-

сти от его размеров, климата и тех или иных нарушений равновесия флоры и фауны. В одних парках можно использовать тщательно контролируемое устраниение животных, в других — совершенно не вмешиваться в их жизнь. Точных рекомендаций пока предложить нельзя.

А пока следует тщательно изучать результаты различных подходов к проблеме. Устранение 2000 слонов Лоузом и Паркером в Кабалеге имеет большое значение. В то же время важно и решение оставить в Цаво 20 000 слонов, использование которыми источников пищи должно иметь какое-то логическое завершение. Это один из самых смелых примеров политики невмешательства, принятой благодаря решительности Дэвида Шелдрика, который первым понял, что изменения, вызванные слонами, не обязательно ухудшат положение.

Пришлось признать, что в условиях Маньяры слоны уничтожают лес акаций тортилис быстрее, чем он восстанавливается, а количество остальных деревьев Граунд Уотер Форест едва поддерживается на одном уровне. Я предложил решение, позволяющее остановить необратимый процесс, расширив территорию обитания слонов. В 1955 году слонов, живших на юго-западном берегу озера, изгнали с 77 квадратных километров земель, отданных европейским колонистам. К началу семинара многие фермеры собирались покинуть страну. Я предложил вернуть эту землю слонам и создать таким образом коридор для прохода в заповедный лес Маранг. Землю в свое время отдали колонистам бесплатно, и им можно предоставить разумную компенсацию за время, труд, посевы, скот и сельскохозяйственный инвентарь. Следует также добиться согласия правительства на превращение леса Маранг в резерват для слонов. В результате увеличится территория их обитания и станет возможным доступ в лес Маранг.

Никто не высказался против. Все участники семинара почувствовали облегчение, поскольку такое решение позволяло избежать выборочного отстрела слонов и с легким сердцем допустить гибель разреженного леса акаций тортилис. На бывших посевных площадях вырастут новые деревья, а лес Маранг поможет компенсировать ущерб, нанесенный парку. Я считал, что слоны должны распределиться по трем районам, где уста-



Дружеская встреча с одной из сирот Цаво

новят свои владения, и таким образом возникнет общее равновесие, поскольку животные будут перемещаться с места на место, где деревья находятся на разной стадии развития.

Оставалась проблема львов и их любимых деревьев, в основном акаций тортилис. Но львы — животные по характеру консервативные, 80% их облюбовали себе определенное количество деревьев — 17. Эти семнадцать деревьев можно было охранять индивидуально — поставить решетки или обложить острыми камнями, но которым не любят ходить слоны.

Администрация национальных парков приняла мои предложения и поставила их в число первоочередных задач, требующих и политических и финансовых действий. Мы с Орией надеемся собрать часть необходимых средств для выплаты фермерам благодаря снятому фильму.

Семинар продолжался, но мне сообщили, что Ория вот-вот родит. «Кикс» стоял на взлетной полосе, но самолетик был крохотный, и я не знал, что буду делать, если дитя появится в полете. К счастью, как всегда в

трудный момент, на помощь пришел Джон Оуэн. Он предложил доставить нас в Найроби на своей «Чесне-182», машине быстрой и большой. Ория уже рассказала об этом полете и прибытии в больницу. Через пять недель мы вернулись в Маньяру с Сабой, чтобы всей семьей насладиться последними днями пребывания здесь.

Последнее утро в Маньяре наступило слишком быстро. Накануне я официально передал лагерь парку. Вези принял все надлежащим образом. Мы продали часть наших вещей, а остальное погрузили в «лендровер», предоставленный Джоном Оуэном, чтобы Мходжа и шофер могли отвезти их в Наивашу. Я был счастлив, что лагерь пригодится исследователям, служителям парка и туристам, которые, возможно, чем-то помогут слонам — знаниями, любовью, деньгами. Однако не могу забыть пессимистических слов Бернгарда Гржимека, когда он гостил у нас: «Вы разбили здесь прекрасный лагерь и тем самым создали еще одну человеческую колонию среди дикой природы. Ваши несколько домов могут оказаться ядром будущего города». Быть может, он прав и следовало перед отъездом разрушить лагерь Идалы, как бы красив и очарователен он ни был.

В это последнее утро солнце окрасило темный горизонт розовым цветом. Ория взяла Сабу на руки и села на крытой веранде рондавеллы. Комната опустела, остался голый стол, матрац на ковре и распахнутый настежь шкаф. Мы должны были вылететь попозже — часов в девять. Свежий тяжелый воздух поможет самолету взлететь с нашей короткой полосы. Запас бензина, три взрослых человека, ребенок и наши вещи — «Кикс» был загружен до предела.

Перед отъездом я прошелся по лагерю. Мне хотелось еще раз увидеть, прочувствовать, впитать в себя атмосферу этого места. Дерево, посаженное Орией у входа в ванную комнату, разрослось; все растения были в цветах. Вокруг меня прыгала коза Биба. Ее заберет шофер «лендровера».

Самолет с ревом помчался по полосе. Руки Ории крепче сжали Сабу. На половине полосы «Кикс» оторвался от земли; я сделал разворот над лагерем. Слонов видно не было, земля выглядела сухой и бурой. Мходжа, машущий нам рукой, растаял вдали.

Пока мы летели над Рифт-Валли, я думал о слонах и их будущем. Оно зависит от некоего фактора, который пока не удалось отыскать нам, специалистам, от правильной политики внутри условных границ национальных парков. Нужны парки более обширные, чтобы циклы могли проходить в них не угасая. Быть может, со временем нам это удастся, а пока не следует забивать себе голову незначительными деталями, забывая о главном — лишь ненадежная снисходительность человека позволяет слонам выжить в современном мире.

Если отношение к ним станет враждебным, то люди, вооруженные совершенным оружием и имеющие возможность решать судьбу слонов, уничтожат их в масштабах государства за несколько лет. Поэтому необходимо внушить доброе отношение к слонам и людям, живущим со слонами на одних и тех же землях, и политическим деятелям, которые представляют этих людей. Здесь могут помочь слова, книги, фильмы, телевизионные передачи и возможность воочию наблюдать животных. Надежды вселяет доброжелательная реакция жителей Мто-ва-Мбу на бесплатные прогулки по парку. Быть может, имеет смысл заинтересовать соседей парка какими-то денежными субсидиями.

Все эти проблемы и наши усилия решить их скрывают за собой фундаментальный вопрос: почему мы придаем столь большое значение проблеме выживания африканского слона, дикой фауны и вообще дикой природы? Попробую изложить свои мысли, обратив ваше внимание на те дружеские связи, которые за несколько лет пребывания в Мапьяре сблизили нас со слонами, ведь мы буквально жили среди них.

Слоны — исключительно умные животные, и их поведение во многом напоминает наше. Они — пример общества, в котором каждый отдельный член показывает чрезвычайную терпимость к своим собратьям, а их семейные связи особенно сильны в моменты несчастий и опасности. Поэтому они и заслуживают нашего уважения, как заслуживает уважения человеческая жизнь. А потому убийство слонов — цитирую слова Ричарда Лоуза — «наталкивается на моральные и этические проблемы, и на него нельзя решиться с легкостью».

Еще один важный элемент: красота слонов среди

дикой природы. Уничтожение красоты, когда другие уже не могут насладиться ею, — не что иное, как вандализм. Думаю, что, как и прочие дикие животные, слоны являются для человека источником обновления духа, в котором, несомненно, нуждается современный человек. И это особенно необходимо людям, живущим в индустриальном мире. Для некоторых людей мощь слона и его стремление к пространству символизируют свободу. В Африке слон жил рядом с человеком с самого зарождения истории и стал неотъемлемой частью его мифологии и фольклора; его уничтожение привело бы к уничтожению части культуры народов Африки.

Но было бы неверно оценивать положение слона в современном мире только с точки зрения этики, науки, эстетики, психологии или культуры. Важное значение приобретают и экономические аргументы.

Слоны привлекают туристов и приносят большие доходы. Высокие цены поддерживаются на слоновую кость, кожу и мясо слона. Но нельзя объяснить стремление сохранить слонов только коммерческими целями. Экономика является лишь одним из аспектов человеческой экологии. Хотя это столь же разумная точка зрения, как и другие, все же, беря в расчет только ее, мы придем к весьма выхолощенной философии, упустив из виду удовольствие и интерес, которые слоны могут доставить человеку. Разве можно измерять художественную ценность «Джоконды» исключительно ее рыночной стоимостью?

Мне могут возразить, что надежды на выживание африканского слона весьма призрачны в условиях, когда род человеческий стоит на пороге перенаселения, нехватки пищи и истощения сырьевых запасов.

Я отношусь к оптимистам. Думаю, не следует забывать, что испытания не в силах погасить пламень человеческого духа. Многие величайшие произведения античной Греции появились в момент, когда грекам грозило уничтожение. Народы Африки, я уверен в этом, смогут защитить свое природное наследие, самое богатое на земном шаре. Декларация президента Джулиуса Ньерере, известная под названием «Арушского манифеста», подтвердила в 1967 году курс страны, курс, уже нашедший воплощение в практических достижениях.

Арушский манифест

Защита нашей дикой флоры и фауны ставит перед всей Африкой исключительно серьезную проблему. Присутствие диких животных в диких местах их обитания является для нас не только предметом восхищения и вдохновения, но и составляет неотъемлемую часть наших природных ресурсов и наших будущих средств пропитания и благосостояния.

Принимая на себя миссию защитников нашей дикой фауны и флоры, мы даем торжественное обязательство сделать все, что в нашей власти, ради наших детей и внуков, которые смогут получить в наследство от нас эти ценнейшие богатства.

Сохранение дикой фауны и дикого ландшафта требует специальных знаний, людей, подготовленных для выполнения этой задачи, и денег, поэтому мы обращаемся к другим нациям, призывая их сотрудничать с нами в этом важном начинании, успех или провал которого окажет влияние не только на Африканский континент, но и на весь мир.

Два года прожили мы в Оксфорде, каменном городе, стрелы зданий которого пронзают утренние туманы. Я работал над диссертацией, излагал свои наблюдения на бумаге, вместо того чтобы жить среди слонов.

— Помните, — предупредил меня Ганс Круук, — экзаменаторы не относятся к людям, которые восхищаются столь чудесными животными, как ваши слоны. Эти люди ждут от вас объективности, и только объективности, как если бы речь шла о лабораторных белых мышах.

Сгрудившись около электропечей и закутавшись в шерсть, мы, словно ЭВМ, решали свои проблемы, пока не наступал вечер и мы под перезвон колоколов не уходили домой. Далекими казались походы по долинам, бегство от слонов, лазанье по деревьям, полеты в синеве неба. Мышцы брюшного пресса и конечностей слабели: единственным физическим занятием было мазать сливочным маслом сдобные пышки к чаю и готовить лепешки со сметаной и конфитюром. В это время у нас родилась вторая дочь — Мара.

В 1972 году я закончил диссертацию, защитил ее и отправил в Библиотеку имени Бодлея.

Через несколько недель мы вернулись в Африку, и наконец наступил день, когда наш караван отправился в Маньяру. Новый управляющий национальных парков, Дерек Брайсесон, дал разрешение окончить съемки фильма, начатого в 1970 году, а «Англия телевижн» отрядила опытного оператора Дитера Плейжа. Фильмом мы надеялись привлечь внимание к проблеме расширения парка.

Мы прибыли в гостиничный домик поздней ночью на машине со спущенными шинами. Новый главный смотритель парка, Бенджамин Канза, радушно встретил нас и одолжил «лендровер», чтобы мы могли про-

делать последние 12 километров нашего долгого путешествия. У въезда в Идалу фары осветили фигуру Мходжи.

Наутро нас разбудили плеск воды в скалах, крики птиц и хруст веток, которые жевали слоны позади дома.

Лагерь почти не изменился со времени нашего отъезда. Он немного напоминал гостиничный домик — практичное, временное и почти пустое убежище. Вокруг дома разросся кустарник. Одна из больших тенистых акаций засохла — наверное, от старости. Если это так, то она — одно из редких деревьев, избежавших бивней слонов.

Я прошелся по разреженному лесу и заметил, что нетронутыми остались только 40% из отмеченных мною деревьев. Именно такую пропорцию я и предвидел: значит, тенденция осталась неизменной. При таком темпе все деревья исчезнут к 1980 году.

Дитер Плейж и его ассистентка Ли Лайон, высокая чернокудрая калифорнийка, прибыли самолетом. Мы совместно разбили парк на квадраты, чтобы отыскать слонов и посмотреть, что с ними произошло.

Парк был в хорошем состоянии, дороги выглядели ухоженными. Я осмотрел 17 деревьев, облюбованных львами. Их защитили, обернув стволы тонкой провололочной сеткой, используемой для курятников; ее почти не было видно, но слоны по каким-то неведомым причинам не трогали ее, хотя сетка порвалась бы от малейшего удара бивня.

В Восточной Африке свирепствовала засуха. В Цаво, где слонам предоставили возможность самим восстанавливать равновесие, умерло около 5000 животных. Вместе с тем в Серенгети Гарвей Кроз после трех лет наблюдений пришел к выводу, что проблему слонов в свое время преувеличили и если кое-где деревья уничтожались, то в других местах они спокойно росли при той же плотности слонов.

Маньяра избежала последствий засухи, поскольку, когда все высохло, слоны укрылись в Граунд Уотер Форест и в лесу Маранг. Таким образом, ко времени дождей слоны сохранили хорошую форму.

Я без труда узнал их: они мало изменились. Рисунок мелких отверстий в ушах Сары полностью соответствовал фотографии, сделанной шесть лет назад. Един-

ственным заметным изменением были ее скрещенные бивни, выросшие на несколько сантиметров.

Саба вошла в жизнь лагеря, словно никогда не покидала его. Она шныряла вокруг и ловила насекомых. Мы объяснили ей, что жуки — насекомые безобидные, а скорпионов трогать нельзя. Вместе с Хадиджей, маленькой дочкой одного из зрителей, она ходила играть в песке около реки. Мы внушили ей, что, когда на водопой приходят слоны, следует хранить тишину, иначе животные испугаются и убегут.

Через две недели мы переселились в палатку, поскольку дом был необходим Хью Лэмпри, который нуждался в тишине, чтобы составить отчет. В палатке мы ощутили себя еще ближе к природе: над нами расстилась бесконечность неба, и до нас доносились все ночные шумы джунглей.

Однажды вечером мы показывали у Лэмпри фильмы Дитера. Вернувшись к палатке, мы увидели, что наши спальные принадлежности разбросаны по песку вокруг нее. Свет фонарика осветил множество львиных следов. Они забрались в палатку, вспрыгнули на кровать, стащили белье на пол, когтями разодрали простыни и изжевали одеяла, оставив на них следы слюны. Парусина была разорвана, дверь зияла провалом в месте выдранной молнии. Повсюду был песок.

Ночью нас разбудили удары в окно палатки. От них рухнули жестяные банки и бутылки с нашего ночного столика. Все вскочили и принялись кричать, а я взревел, довольно удачно имитируя сигнал угрозы приматов, потом мы заметили, что тревогу вызвала сухая ветвь акации, которая, упав, ударилась о палатку. Через несколько недель во время поездки по парку я узнал знакомую голову и рисунок уха. Мой пульс бешено забился: громадная самка тряхнула головой и повернулась к нам.

— Смотрите на нее внимательно, — сказал я Дитеру, — возможно, вы окажетесь свидетелем красивой атаки.

Третья сестра Торон в очередной раз посетила северную часть парка. Местность была ровной, поэтому я развернул машину и остановился. Она яростно затрубила и бросилась на нас, с непостижимым упорством пытаясь нагнать «лендровер». Дитер был готов; он усел-

ся позади и прижал камеру с широкоугольным объективом к бедру. Слониха гналась за нами ровно три минуты — как раз запас пленки, потом остановилась, перевела дыхание и вернулась к своей семейной группе.

Другие слоны, напротив, не обращали никакого внимания на машину и выглядели более прирученными, чем прежде. Мы встретили Радио-Роберта, молодого слона, за которым вели в свое время радиослежение. Он шествовал по пляжу рядом с М4/3, первым обездвиженным мной слоном. Они прошли в нескольких шагах от нас, даже не бросив взгляда в сторону «лендровера». Я порадовался их упитанности и здоровью.

Мне было очень интересно, узнает меня Вирго или нет. Отыскав ее, я вылез из машины и позвал. Она остановилась, повернулась ко мне, затем, медленно приблизившись, вытянула хобот, коснулась моей руки и шумно выдохнула воздух: «вуф». Разве можно остаться равнодушным перед таким знаком доверия после двух лет разлуки? Наши дочки, с раннего возраста приученные к мысли, что слоны — нежные доброжелательные животные, горели желанием встретить Вирго. Мы приблизились к ней вместе с ними, и она их обнюхала.

Потеря страха перед человеком стала, по-видимому, роковой для некоторых слонов. Когда мы рассмотрели семейное сообщество Боадицеи, я обратил внимание на отсутствие четырех крупных самок. Подозрительная и беспокойная Боадицея по-прежнему возглавляла стадо, возвышаясь на голову над другими слонами, а ее ближайшая подруга Жизель исчезла, оставив двух слонят на попечение неуравновешенной Боадицеи. Исчезла и Изабел, но осталась ее дочь Лейла. Она заботилась не только о собственном Ершике, но и о малыше Изабел. Они по очереди сосали ее; оба родились в 1969 году.

Семья Леоноры находилась в еще более печальном состоянии: исчезли и она, и ее дочь Тонкий Бивень. Малыши были предоставлены сами себе, а Две Дырки пыталась одновременно быть им и матерью и теткой. Я смотрел, как она ходит кругами, совершенно растерявшись от мелких опасностей, которые не могла правильно оценить, и то и дело ревела, обращаясь к усыновленным братьям, сестрам и кузенам. Сирота Н'Думе лип к ней, как пиявка.

Единственным выходом для Двух Дырок было присоединиться к семье Боадицеи. Она так и сделала, однако прочных связей с более взрослыми самками, казалось, не завязала. Тем не менее она чувствовала себя в безопасности во время атак Боадицеи, которые та предпринимала, защищая всю свою родню.

Социальная группа слонов, возникшая благодаря интеграции, была совершенно новым для меня явлением. Теперь я знал, что семейства, разросшиеся благодаря большому количеству рождений, разбиваются на отдельные семейные группы, но, если их посещала смерть, слоны возвращались в первоначальную семейную группу.

Во многом общество слонов напоминает семейные структуры некоторых племенных обществ, где огромную роль играют кровные связи, позволяющие молодым легче переносить потерю родителей.

Какова причина смерти этих слонов? За все время моих исследований умер лишь один член из сообщества Боадицеи, а сейчас исчезло четыре самки, которые перед моим отъездом находились в добром здравии. Я спросил у хранителя и смотрителей, не заметили ли они признаков болезни. Нет, они ничего не заметили. Единственный фактор, могущий объяснить эти смерти, — резкий рост стоимости слоновой кости. В мое отсутствие она выросла в 10 раз. Браконьерство превратилось в серьезнейшую проблему, и правительства Танзании и Кении полностью запретили охоту на слонов, что привело к исчезновению слоновой кости на обычном рынке. Но на черный рынок она продолжала поступать во все больших количествах.

Смотрители Маньяры с помощью воинских частей прочесали лес Маранг и обнаружили тайные склады слоновьих бивней и носорожьих рогов. Увы, это лишь капля в море незаконной торговли слоновой костью. Подпольная охота на слонов в Восточной Африке ведется в масштабах, невиданных с начала века. И, возможно, слоны вскоре исчезнут за пределами парков, а в самих парках возникнут новые серьезные проблемы, связанные с приходом «переселенцев».

Маньяре нужно пространство. Единственное разумное решение — расширить парк. Для этого необходимо откупить посевные площади, являющиеся коридором

для прохода слонов в лес Марапг, в частности ферму итальянца, о котором я уже говорил.

Пока мы снимали фильм, нас посетил профессор Бернгард Гржимек. Я поделился с ним своими соображениями по поводу Маньяры, и он тут же предложил от имени Франкфуртского зоологического общества собрать фонды для покупки фермы итальянца.

Вдохновленные, мы с Орией отправились к итальянцу по новой дороге, проложенной бывшим главным смотрителем парка Дэвидом Стивенсом Бабу. Она проходила через тяжелый участок у подножия обрыва, и благодаря ей посетители получили доступ к южным границам парка, где их патрули объявили бой браконьерам.

Хотя наши интересы были диаметрально противоположны, синьор Фьоротто, здоровяк, способный поднять на вытянутых руках тракторный двигатель, показался нам симпатичным человеком. По приезде сюда в 1958 году он очистил от кустарника тысячи гектаров под кукурузу, но тут же начались его беды: по ночам слоны и носороги повадились лакомиться его посевами. К сожалению, ради защиты своих полей он убил 400 слонов. Теперь Фьоротто постарел, и ему опротивело убивать толстокожих.

— Они и сейчас приходят по почам. Земля принадлежала им до меня, и я не могу их изгнать. Буду рад, если национальные парки дадут сходную цену. Я бы вернулся в Италию, — сказал он нам.

Мы сообщили добрую весть Дереку Брайсесону: последний фермер был готов продать свои земли, а профессор Гржимек предложил предоставить часть необходимой суммы. Кроме того, часть денег была готова заплатить «Англия телевижн».

Возможно, в ближайшем будущем маньярский кризис будет разрешен. Парку уже обещали отдать лес Марапг, а если местные власти согласятся превратить в резерват коридор посевных площадей, дикие флора и фауна будут сохранены, а слоны вновь утвердятся на землях, принадлежавших им сто лет назад.

КНИГА «ЖИЗНЬ СРЕДИ СЛОНОВ» И ЕЕ АВТОРЫ

Книга Иэна и Ории Дуглас-Гамильтон посвящена многолетним исследованиям биологии и поведения слонов, проведенным авторами в национальном парке Маньяра в Танзании. Основная цель работ — выявление причин и механизмов многолетней динамики численности слонов, их воздействия на окружающую среду и разработка мер по рациональной охране популяций слонов в равновесии с другими компонентами заповедных ландшафтов.

Само это исследование было задумано и осуществлено авторами на современной научной основе, на принципах наиболее передового направления этологии, с применением оригинальных методик наблюдений, как наземных, так и аэровизуальных, а также с использованием радиопеленгации, впервые примененной на слонах. Результаты работ И. Дуглас-Гамильтона были высоко оценены и коллективом ученых, работающих в центре Серенгети, о чем отчасти рассказано в книге, и международными организациями по охране природы.

Таким образом, несомненна большая научная ценность проведенных авторами полевых исследований, и уже по этой причине о них следовало рассказать в большей книге. Но этим далеко не ограничивается основа того неослабевающего интереса, с которым читается книга. Дело в том, что, излагая свои наблюдения за слонами, И. Дуглас-Гамильтон не остается бесстрастным созерцателем и накопителем фактов. Вся его работа окрашена глубоким чувством привязанности к этим гигантам суши, чувством ответственности за их судьбу, как и за будущее природы вообще. Автор раскрывается нам как самоотверженный борец за охрану природы, сочетающий глубину научного мышления с широтой этических воззрений гуманиста и эмоциональностью истинного любителя природы.

День за днем мы вместе с автором пробираемся по узким лесным тропам, карабкаемся по каменистым склонам рифтового обрыва, занимаем наблюдательный пост в кроне высокой акации — и постепенно нам раскрывается сложный внутренний мир слоновьего сообщества. Мы начинаем различать матриарха Боадицею, членов ее семейства, привыкаем к ее ложным атакам и перестаем ее бояться, но в то же время остерегаемся бродить без оглядки в дальнем уголке парка, где господствуют свирепые сестры Торон.

Хотя с самого начала мы понимаем, что вся затея автора по «контактному» изучению слонов далеко не безопасна, все-таки описание случаев яростной атаки, когда «лендровер» оказывается пронзенным клыками и автор видит глаз слона на расстоянии вытянутой руки, заставляет всерьез переживать за жизнь отважного исследователя.

Работа со слонами сопряжена с многодневным хождением по лесным тропам, и здесь автору на пути встречаются и мощные раздражительные носороги, и львы, среди которых есть несколько заведомых любителей человеческого мяса. И только исключительное знание поведения этих зверей, тонкое чутье следопыта, осторожность в сочетании со смелостью, а также трудноизмеримая, но явная доля счастливой удачи — все это вместе позволило автору благополучно довести свои исследования до логического завершения.

Иэн Дуглас-Гамильтон не только не оставил своих опасных занятий, но еще более привязался к тем животным, которых изучал. Ему открылись неизвестные дотоле ученым аспекты биологии и поведения слонов, он понял причины и корни безграничной злобы, которую питали к людям сестры Торон, понял тонкие механизмы взаимоотношений между матерью и детьми разных возрастов, между самцами и самками, братьями и сестрами в обширных семейных группах слонов. Эти отношения полны смысла и целесообразности, в них помимо инстинкта много элементов рассудочной деятельности и, как ни странно это звучит на первый взгляд, нежности, заботы и любви другу к другу. Нужно отметить, что в описании поведения слонов, их сложных взаимоотношений автор нигде не опускается до антропоморфизма, он раскрывает истинную сущность явлений, аспектов этологии, показывая себя достойным учеником одного из основателей современной этологии — профессора Нико Тинбергена.

Описывая поведение своих подопечных, Иэн Дуглас-Гамильтон стремится понять его причинные механизмы, но в то же время постоянно прибегает к юмору, к шуточным сравнениям и аналогиям, которые делают описания более живыми и увлекательными. Но это, повторяю, не антропоморфизм, так как юмористический тон четко отделяет научные описания от живых художественных картинок «быта» слонов.

Познав всю сложность и осмысленность жизни и поведения в слоновьих семьях и сообществах, трудно назвать их таким привычным, но неуместным здесь словом «стадо».

Постепенно рассказ об исследованиях приобретает все до-

стоинства захватывающей приключенческой повести, превосходя любое художественное сочинение тем, что каждый поразительный факт, уникальный случай, невероятная ситуация правдивы, не выдуманы и даже не приукрашены.

Возьму на себя смелость судить не только о научных, но и о художественных достоинствах книги. С появлением во второй ее части нового автора — супруги Иэна Ории — книга приобретает характерные черты не только приключенческой повести, но и увлекательного художественного романа.

История знакомства, любви и совместной жизни Ории и Иэна настолько трогательна, естественна, полна счастливых стечений обстоятельств, что ее сюжету, на мой взгляд, может позавидовать маститый романист. Супруги настолько слились с окружающей природой, что жизнь их в заброшенном уголке африканского леса оказалась полной маленьких радостей и душевной гармонии.

Так во второй части книги мы как бы познаем мир слонов через эмоциональную призму тонкой женской души, и наблюдаем за жизнью и работой Иэна уже со стороны, наблюдаем не сухо и отвлеченно, а глазами любящей его женщины. Нам еще более открываются многие черты его характера, о которых он умолчал, а возможно, и сам не подозревал.

На протяжении повествования мы видим, как из юного студента, увлеченного экзотикой африканской природы, постепенно формируется зрелый ученый, активный борец за охрану природы Африки, общественный деятель, и — не в последнюю очередь — просто сильный и добрый человек.

Впервые мне довелось услышать об Ории и Иэне Дуглас-Гамильтон, когда я посетил национальный парк Маньяра всего через месяц после их отъезда. Работники парка с восхищением и теплотой рассказывали о «друге слонов», о его жизни и семье, показывали лагерь Ндала и уверяли, что это «их настоящий друг и он обязательно вернется». Как видно из книги, надежды друзей Ории и Иэна оправдались: супруги снова возвращались в Маньяру для продолжения своих исследований. Мне же долго не удавалось встретить их, хотя в последующие годы я познакомился с многими героями книги.

Встретились мы с Иэном в 1978 г. в Ашхабаде на XIV Генеральной ассамблее Международного Союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП). Зная его по фотографиям, я был приятно удивлен, увидев такого же стройного, худощавого

юношу с копной светлых вьющихся волос, с легкой и мягкой походкой следопыта. Казалось, годы жизни в Африке, долгие странствия не оставили на нем своего следа.

И доклад и фильм Иэна произвели большое впечатление на всех. Его деятельность за годы после публикации книги расширилась. Он организовал группу по изучению слонов при комиссии по редким и исчезающим видам МСОП и осуществляет подготовленную им вместе с коллегами программу по изучению и охране слонов под эгидой МСОП и Всемирного фонда охраны природы (ВВФ). За последнее время он провел учеты слонов в резервате Селус в Танзании (там сейчас около 80 тыс. слонов на площади 55 тыс. кв. км). Это крупнейший слоновий резерват в Африке. Затем Иэн принял участие в оценке численности слонов в национальных парках Уганды. Оказалось, что за последние 3—5 лет численность слонов в национальном парке Кабалега упала в 6 раз, а в Рувензори (бывший Куин-Элизабет) — в 2,5 раза. Таким образом, в разных странах Африки состояние популяций слонов различно, а во многих — тревожно.

Иэн Дуглас-Гамильтон разработал целый ряд проектов по изучению и охране слонов, часть из которых уже захватывает и азиатских слонов (проекты для Шри Ланки и др.). И, конечно, наиболее полное и всестороннее наблюдение продолжается в Маньяре. К началу 1977 г. популяция слонов здесь возросла до 578, но затем вспышка пневмонии скосила более 100 слонов, и сейчас их численность постепенно приближается к 500.

Я рассказал Иэну, что и у нас в стране ученые проявляют интерес к охране животных Африки, что о животном мире Африки, и в частности о слонах, опубликован ряд статей и обзоров, что в программах телевидения «В мире животных» неоднократно рассказывалось о биологии слонов и даже целиком посвящались передачи проблеме их охраны. Приятно было видеть искреннюю радость человека, посвятившего себя охране этих прекрасных животных, когда он услышал обо всем этом.

Иэн признался, что мечтает, чтобы наши читатели смогли прочесть его книгу, узнать больше о его любимцах, проникнуться к ним уважением и понять необходимость активных действий в их защиту. Теперь это осуществилось, мы с вами получили великолепную художественную книгу, настоящий роман, основа которого — жизненная правда. Пожелаем же авторам книги, чтобы и дальше в их благородных начинаниях, во всех их делах им сопутствовали удачи и счастье.

Н. Н. Дроздов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИЭН ДУГЛАС-ГАМИЛЬТОН	
Глава I. Прелюдия к Серенгети	3
Глава II. Дилемма в Маньяре	11
Глава III. Слоновья индивидуальности	24
Глава IV. Нерушимое семейство	46
Глава V. Разреженный лес обречен	57
Глава VI. Рождение слонят	76
Глава VII. Радиослоны . . .	95
Глава VIII. Мне сверху видно все...	113
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОРИЯ ДУГЛАС-ГАМИЛЬТОН	
Глава IX. Мир слонов . . .	125
Глава X. Однажды с высоты небес...	142
Глава XI. Встречи в лесу	158
Глава XII. Рождение в саванне	179
Глава XIII. Смотри и учись	193
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИЭН ДУГЛАС-ГАМИЛЬТОН	
Глава XIV. Как дается жизнь	213
Глава XV. ...как шагреновая кожа	228
Глава XVI. Слоны и смерть . . .	241
Глава XVII. Убийство по закону и без закона	253
Глава XVIII. Ключи к выживанию	267
Послесловие	278
<i>И. Н. Дроздов.</i> Книга «Жизнь среди слонов» и ее авторы	284

Иэн и Ория Дуглас-Гамильтон

ЖИЗНЬ СРЕДИ СЛОНОВ

*Утверждено к печати Редакцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Л. З. Шеварц*. Младший редактор *М. В. Малькова*
Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резник*
Технический редактор *Л. Е. Сименко*. Корректор *В. В. Волови*
ИБ № 14237

Сдано в набор 03.02.81. Подписано к печати 07.07.81. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать вы-
сокая. Цветные иллюстрации отпечатаны по офсету. Усл. п. л. 15,33.
Усл. кр.-отт. 18,06. Уч.-изд. л. 15,48. Тираж 110 000 экз. Изд. № 4905.
Зак. № 951. Цена 1 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16